

ЭРИХ ФРОММ

**АДОЛЬФ
ГИТЛЕР:**

клинический

случай

некрофилии

МОСКОВСКИЙ
ФИЛОСОФСКИЙ
ФОНД

ЭРИХ ФРОММ

АДОЛЬФ
ГИТЛЕР:

клинический

случай

некрофилии

Москва «Высшая школа» 1992

ББК 88.6
Ф 91

*Перевод М.Б.Гнедовского
Послесловие А.М.Руткевича*

Фромм Э.

Ф 91 Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии/ Пер.
с англ. — М.: Высш. шк., 1992.—143 с.

ISBN 5-06-002952-2

Работа всемирно известного психиатра, психолога и философа Эриха Фромма — это точный клинический диагноз, социальный приговор и предостережение. Автор рассматривает различные варианты «любви к мертвым» (от «сексуальной некрофилии» до «некрофильского характера»), а затем подробнейшим образом, опираясь на свидетельства, воссоздает психологический портрет А.Гитлера — его родители, его детство, его сексуальные склонности и любовницы, его окружение, его личностные и политические пристрастия. Выводы Фромма можно оспаривать, но не считаться с ними нельзя. Особенно нам. Особенно сегодня.

Ф 0301030000(4309000000) - 139 КБ—10—16—92
001(01) - 92

ББК 88.6
15

ISBN 5-06-002952-2

© М.Б.Гнедовский, перевод, 1992
© А.М.Руткевич, послесловие, 1992

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Публикуя исследование известного философа и психолога Эриха Фромма (о нем и его трудах см. в прилагаемой статье А.М.Руткевича), мы надеемся таким образом привлечь внимание к острейшей, на наш взгляд, проблеме — возрастанию в нашем обществе разрушительных и человеконенавистнических тенденций, резко усилившихся как только слегка ослабло репрессивное воздействие тоталитаризма. Случалось в истории, что в пору крутых перемен целые нации теряли психическое здоровье, отдавая себя во власть, мягко выражаясь, не вполне нормальных вождей. Расплата всегда была ужасной.

На неподготовленного читателя (а наш отечественный читатель, надо признать, именно такой, хотя, быть может, и не по своей вине) работа Э.Фромма может произвести странное впечатление. Прежде всего, уж слишком непривлекателен сам материал исследования, тот пласт человеческой реальности, который обсуждает Фромм. Работа Фромма является попыткой поставить точный диагноз не столько Адольфу Гитлеру как индивиду, сколько «гитлеру» как социально-психологическому феномену. А при решении такого рода задачи жеманность неуместна, как неуместна она, скажем, при обсуждении проблем СПИДа. Здесь требуются точность и объективность.

Конечно, читатель может столкнуться здесь и с другой сложностью, связанной с тем, что мы долгие годы были оторваны от целых областей мировой науки, в частности, почти не имели возможности ознакомиться с весьма серьезными и социально значимыми разновидностями психоанализа. Данная публикация позволит хотя бы отчасти восполнить образовательный пробел и убедить читателя в том, что теоретически недопустимо, а практически даже опасно, по каким бы то ни было соображениям, игнорировать целые пласты психической реальности.

НЕКРОФИЛИЯ¹

Традиционные представления

Термин «некрофилия» — то есть любовь к мертвым¹ — употребляют обычно для описания явлений двух типов: 1) сексуальной некрофилии — влечения мужчины к мертвому женскому телу, предполагающего прямое соитие или половой контакт любого другого рода, и 2) асексуальной некрофилии — вообще влечения к трупам, стремления быть рядом с ними, смотреть на них, их касаться и, в особенности, их расчленять. Вместе с тем, термин этот, как правило, не применяют для описания *укорененной в характере страсти*, то есть той почвы, на которой произрастают более грубые и откровенные ее проявления. Начав с рассмотрения примеров некрофилии в традиционном смысле, мы сможем затем легче перейти к обсуждению *некрофильского характера* — вещи гораздо менее очевидной.

Сообщения о случаях некрофилии встречаются довольно часто, главным образом в криминологической литературе и в работах о половых извращениях. Наиболее полную подборку таких случаев можно найти в монографии одного из ведущих немецких криминологов Г. фон Гентига, целиком посвященной данной проблеме². (В Германии, как и во многих других странах, некрофилия рассматривается в уголовном праве как преступление.) Вот что он относит к случаям некрофилии: 1) половые контакты с женскими трупами — совокупление, манипуляции с половыми органами; 2) сексуальное возбуждение при виде мертвого женского тела; 3) влечение к трупам, к могилам или к объектам, связанным с погребением, таким, как цветы или портреты умерших³; 4) акты расчленения трупов; 5) стремление касаться трупов или вдыхать их запах, часто — просто запах гниения.

Гентиг разделяет мнение других авторов — в частности, Т. Спэрри, на которого он ссылается⁴, — что некрофилия распространена гораздо шире, чем это принято считать. Однако, по понятным причинам, возможности удовлетворения этой пагубной страсти чрезвычайно ограничены. Доступ к трупам и условия

¹ Перевод с издания: Fromm E. The anatomy of human destructiveness. N.Y., Penguin Books, 1977. Ch. 12, 13.

для совершения извращенных действий имеются лишь у могильщиков и служителей моргов. Неудивительно поэтому, что в большинстве описанных случаев именно эти категории людей фигурируют в качестве некрофилов. С другой стороны, не исключено, что сами эти профессии привлекают в первую очередь некрофилов. Возможностями для совершения некрофильских актов несомненно располагают также убийцы, однако связь убийства и некрофилии по статистике является довольно редкой, и мы вряд ли найдем много представителей интересующего нас типа среди людей, относящихся к этой категории, за исключением, быть может, лишь некоторых случаев, классифицируемых как «убийство на сексуальной почве». Вместе с тем Гентиг приводит целый ряд примеров, свидетельствующих о том, что выкапывать и похищать трупы для совершения некрофильских действий могут и посторонние люди, по роду своих занятий далекие от кладбищ и моргов. Таким образом, можно прийти к заключению, что, поскольку некрофилия довольно часто встречается у тех, кто имеет возможность удовлетворять эту страсть, она должна присутствовать и у тех, кто такой возможности не имеет,— по крайней мере, в фантазиях или в действиях, которые на первый взгляд не выглядят извращенными.

Вот история двадцатилетнего служителя морга, изложенная Дж.П. де Ривером⁵. Когда ему было восемнадцать, он влюбился в девушку, но был с ней физически близок только однажды, поскольку здоровье ее было слабым: она умирала от чахотки. «Я так и не смог пережить смерть моей любимой,— рассказывал он,— и когда я занимаюсь мастурбацией, я всегда представляю, что занимаюсь любовью с ней, умершей».

Далее де Ривер пишет: «Он был глубоко опечален смертью своей подруги. Когда он увидел ее лежащей в гробу в белом саване, его стали душить рыдания и он с трудом позволил себя увести. В тот момент он страстно желал лечь с нею в гроб, чтобы его погребли заживо вместе с его возлюбленной. На похоронах он устроил настоящую сцену, и все, кто там присутствовал, включая его родных, сочли это проявлением горестных чувств. Однако теперь он начал отдавать себе отчет, что это был порыв страсти, ибо вид покойницы привел его в состояние чрезвычайного сексуального возбуждения. В то время он как раз закончил среднюю школу и попытался уговорить мать позволить ему поступать в медицинское училище, но это оказалось невозможным из-за отсутствия средств. Тогда, по его настоянию, мать разрешила ему поступить на курсы бальзамирования покойников, обучение на которых было и дешевле, и короче.

На этих курсах Д.В. учился очень усердно, поняв, что нашел, наконец, дело, которым будет счастлив заниматься. Во время

практических занятий его особенно интересовали женские трупы и обуревало сильнейшее желание с ними совокупляться. Но он считал это ненормальным и постоянно подавлял свою похоть, пока однажды, уже в конце обучения, не оказался один на один с трупом молодой девушки. Желание его было настолько велико, а обстоятельства настолько благоприятны, что он не устоял. Обнажив член, он прикоснулся им к бедру мертвого тела, испытыв при этом огромное возбуждение. Окончательно потеряв над собой контроль, он обхватил тело и приник губами к его интимным частям. Как он утверждает, возбуждение достигло в этот момент такой силы, что у него произошло извержение семени. Затем пришли угрызения совести и страх, что его могут застать за этим занятием однокашники. Вскоре после этого случая он закончил курсы и получил место служителя морга в одном из городов на западе США. Как самому молодому работнику, ему часто поручали ночные дежурства в морге. «Меня всегда радовала эта возможность побыть одному,— рассказывает Д.В.,— потому что я понял, что отличаюсь от других тем, что люблю оставаться с мертвыми. Я мог спокойно совокупляться с трупами. Я осознал, что все время стремился к этому с момента смерти моей любимой».

В течение двух лет работы в морге он изнашивал множество женских трупов самого разного возраста — от девочек до пожилых женщин,— практикуя по отношению к ним различные извращения. Первым делом он обычно сосал у них груди, затем погружал губы в интимные места. Это так его возбуждало, что он взгромождался на тело и, нечеловеческим усилием, с ним совокуплялся. Такие действия он совершал четыре или пять раз в неделю, в зависимости от того, сколько женских тел находилось в морге...

Однажды его так впечатлило тело только что умершей пятнадцатилетней девушки, что, оставшись ночью один, он выпил немного ее крови. Испытав от этого огромное сексуальное возбуждение, он ввел в уретру резиновую трубку и стал сосать оставшуюся в пузыре мочу. Распаяясь все больше, он почувствовал, что получит удовольствие, только если съест это тело. Не в силах сопротивляться этому желанию, он перевернул труп спиной вверх и впился зубами в ягодицы около ануса. После этого он взобрался на тело и совершил над ним акт содомии» (Дж.П. де Ривер, 1956).

Этот случай интересен с нескольких точек зрения. Прежде всего, здесь некрофилия явно сочетается с некрофагией и анальной эротикой. Другая любопытная, хотя и менее очевидная, деталь заключена в начале этой истории. Если бы мы знали об этих событиях лишь вплоть до того момента, когда умерла его возлюбленная, мы были бы вправе рассматривать его поведение

как выражение очень сильной любви. Но дальнейшие события проливают совсем иной свет и на их начало. Вряд ли возможно объяснить силой любви столь явные проявления некрофилии и некрофагии. Остается предположить, что вся эта «скорбь» у гроба подруги была отнюдь не знаком любви, а первым симптомом некрофильских вожделений. Придется также признать, что болезнь его возлюбленной является неубедительным объяснением того факта, что он лишь однажды был с ней физически близок. Скорее всего, в силу некрофильских наклонностей, он не был расположен к совокуплению с женщиной, пока та была жива.

Де Ривер приводит еще одну, менее замысловатую, историю служителя морга, оказавшегося некрофилом. В данном случае речь идет о неженатом мужчине в возрасте сорока трех лет. Вот что он рассказывает: «Когда мне было одиннадцать лет, я работал могильщиком в Милане, в Италии. Я занимался онанизмом и, когда рядом никого не было, трогал при этом трупы миловидных молодых женщин. Потом я стал вводить в мертвое тело свой член. Приехав в Америку, я пробыв недолго на Восточном побережье, а затем перебрался на Западное, где устроился на работу — обмывать трупы в морге. Здесь я снова начал совокупляться с мертвыми девушками, — иногда в гробу, а иногда на столе, где обмывают тело».

Далее автор пишет: «Он признает, что касается губами интимных мест и сосет груди у трупов молоденьких девушек. На вопрос, сколько было в его жизни таких случаев, он отвечает: «Наверное, сотни, ведь я занимаюсь этим с одиннадцати лет» (Дж.П. де Ривер, 1956).

В литературе, которую цитирует фон Гентиг, подобных случаев описано много.

Некрофилия в слабой форме проявляется часто как сексуальное возбуждение, наступающее при виде трупов, иногда — как мастурбация в присутствии мертвого тела. Трудно оценить число подверженных этому индивидов, потому что они редко себя обнаруживают.

Другая форма некрофилии не имеет сексуальной окраски и выражается в действиях, продиктованных чистой страстью к разрушению. Такая страсть порой явно присутствует уже в раннем возрасте, а порой выходит на поверхность только позднее. Фон Гентиг очень точно характеризует цель деструктивных действий некрофила: «разрывать живые структуры» (*lebendige Zusammenhänge*). Наиболее явно это стремление проявляет себя в актах расчленения тел. Типичный случай такого поведения описывает Т. Спэрри: человек приходит ночью на кладбище со всеми необходимыми инструментами, раскапывает могилу, открывает гроб, уносит труп в безопасное место, где затем отрезает

ему ноги, голову и вскрывает брюшную полость (Т. Спэрри, 1959). Иногда объектом такого рода действий становится не человек, а животное. Фон Гентиг приводит случай человека, который зарезал тридцать шесть лошадей и коров, чтобы только иметь возможность расчленять их трупы. Но здесь даже вряд ли нужна специальная литература: газеты пестрят отчетами об убийствах, жертвы которых были расчленены или изувечены. Такие случаи относят обычно к категории убийств, но совершающие их — явные некрофилы — отличаются от прочих убийц, движимых жадой наживы, ревностью или чувством мести. Подлинной целью убийцы-некрофила является не смерть жертвы (хотя, конечно, это необходимое условие), но акт расчленения тела. В моей собственной клинической практике было немало случаев убедиться, что страсть к расчленению является в высшей степени характерной чертой личности некрофила. К примеру, я наблюдал (непосредственно, а также по докладам моих сотрудников) нескольких пациентов, у которых страсть к расчленению была выражена в мягкой форме. Они рисовали фигуру обнаженной женщины, а затем отрезали у нее руки, ноги, голову и т. д. и играли с этими частями расчлененного изображения. Такая «игра» оказывалась безвредным способом удовлетворения вполне реальной страсти к расчленению.

По моим наблюдениям, многие люди, обладающие ярко выраженным некрофильским характером, часто видят во сне фрагменты расчлененных тел, плавающие или лежащие кругом, иногда в крови, иногда в грязной воде или пополам с испражнениями. Регулярное проявление в снах и фантазиях страсти к расчленению является одним из самых надежных признаков, позволяющих диагностировать некрофильский характер.

Существуют и иные, не столь жестокие формы открытой некрофилии. Одна из них заключается в стремлении быть рядом с трупами, кладбищами или другими объектами, несущими явные следы разложения и разрушения. В случае, описанном Г.Раухом, девочка испытывала необъяснимое притяжение к мертвым телам, в присутствии которых она деревенела и не могла оторвать от них взгляда⁶. Штекель приводит утверждение одной женщины: «Я часто думаю о кладбищах и о том, как гниют трупы в могилах» (цит.по: Г. фон Гентиг, 1964).

Интерес к процессу разложения часто выражается в желании вдыхать гнилостный запах. Ярким примером может служить случай тридцатидвухлетнего, получившего хорошее образование и почти совсем слепого мужчины, который боялся шума, «но любил слушать, как женщины кричат от боли и вдыхать запах разлагающейся плоти. Он с воодушевлением думал о мертвых телах

крупных женщин и о том, как он в них погружается». Однажды он спросил свою бабушку, сможет ли он располагать ее трупом, когда та умрет. «Он хотел раствориться в ее разлагающихся останках» (Т. Спэрри, 1959). Фон Гентиг говорит о «нюхателях» (Schnüffler), которые приходят в возбуждение от запаха человеческих экскрементов или вообще всякой гнили. Эту черту он считает прямым проявлением некрофилии. К этому остается только добавить случаи некрофильского фетишизма, объектами которого становятся различные вещи, связанные с погребениями, — трава, цветы, фотографии с могил и т. д., — и обзор литературы, посвященной описанию поведения некрофилов, можно будет считать законченным.

Некрофильский характер ⁷

Обозначая термином «некрофилия» не столько извращенное поведение, сколько черту характера, я следую смыслу, который вложил в это слово испанский философ Мигель де Унамуно в 1936 г.⁸ в речи, произнесенной в связи с выступлением генерала-националиста Милана Астрая в Университете Саламанки, ректором которого Унамуно был в начале Гражданской войны. Любимой присказкой генерала был лозунг «Viva la Muerte!» («Да здравствует смерть!»), и кто-то из его приверженцев выкрикнул это из зала. Когда генерал закончил свое выступление, поднялся Унамуно и сказал:

«Только что я слышал некрофильский и в высшей степени бессмысленный выкрик: «Да здравствует смерть!» И я, который провел жизнь, формулируя парадоксы, вызывавшие порой у людей неопиcуемый гнев, я должен сказать вам, сказать как эксперт, что этот диковинный парадокс мне отвратителен. Генерал Милан Астраи — калека. Пусть это прозвучит здесь без всяких экивоков. Он инвалид войны. Как Сервантес. К сожалению, теперь слишком много инвалидов в Испании. И скоро их станет еще больше, если только Господь не придет к нам на помощь. Мне больно думать, что генерал Милан Астраи будет камертоном массового сознания. Калека, лишенный духовного величия Сервантеса, находит обычно зловещее утешение в том, чтобы насаждать вокруг себя уродство».

Тут Милан Астраи не выдержал и закричал: «Abajo la inteligencia!» («Долой интеллигенцию!»), и сидевшие в зале фалангисты подхватили его крик.

Но Унамуно продолжил:

«Это храм интеллекта. И я его верховный жрец. А вы оскверняете эти священные стены. Вы победите, ибо на вашей стороне грубая сила. Но вы не сможете никого убедить. Чтобы кого-то убедить, надо обладать качествами, которые у вас

отсутствуют: Разумом и Правотой. Я считаю, бесполезным призывать вас подумать об Испании. Я закончил»⁹.

Я взял на вооружение этот термин в том значении, в каком его использовал Унамун, и, начиная где-то с 1961 г., изучал феномен укорененной в характере некрофилии¹⁰. Разрабатывая теоретические вопросы, я опирался при этом главным образом на результаты наблюдений над пациентами, проходившими психоанализ¹¹. Кроме того, источником представлений о характере некрофила стало изучение исторических личностей (например, Гитлера) и наблюдение поведения отдельных индивидов и социальных классов. Впрочем, при всей важности клинических наблюдений, решающим фактором, подтолкнувшим меня к этой работе, стало все же теоретическое положение Фрейда об инстинктах жизни и смерти. Его рассуждение о том, что стремление к жизни и стремление к смерти суть две наиболее фундаментальные силы, борющиеся в человеке, произвело на меня огромное впечатление. Вместе с тем я не смог согласиться с предложенным в его работах теоретическим обоснованием этого тезиса. Тем не менее идея Фрейда направляла мой поиск, проливая совершенно новый свет на клинические данные, и это позволило в конце концов переформулировать (и тем самым сохранить) введенные им понятия, — на иной теоретической основе и на базе клинического материала, связанного, как я попробую показать, с более ранними разысканиями самого Фрейда об анальном характере.

Некрофилия в характерологическом смысле может быть описана как *страстное влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, гниющему, нездоровому. Это страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного лишь разрушения. Это повышенный интерес ко всему чисто механическому. Это стремление расчленять живые структуры.*

Сновидения некрофила

Влечение к мертвым и разлагающимся объектам проявляется наиболее отчетливо в сновидениях людей, склонных к некрофилии.

Сон первый. «Я сижу в уборной: у меня понос. Испражнения выходят из моего тела с ужасающей силой, как будто взрываются бомбы, которые могут разрушить дом. Я хочу помыться, но когда пытаюсь пустить воду, обнаруживаю, что ванна уже наполнена грязной водой: я вижу, что вместе с нечистотами в ней плавают отрезанные рука и нога».

Сновидение принадлежит ярко выраженному некрофилу и является одним из серии подобных снов. Будучи спрошен аналитиком, какие чувства он испытывал во сне по поводу

происходящих событий, он сказал, что ситуация его не напугала, но что ему было неловко пересказывать этот сон.

В данном сновидении хорошо просматриваются некоторые характерные элементы некрофилии, наиболее очевидным из которых является тема отсеченных частей тела. Кроме того, здесь налицо тесная связь некрофилии и анального комплекса, которую мы обсудим позднее, и тема разрушения. В переводе с символического языка сновидений на обычный язык этот сон свидетельствует о желании индивида разрушить дом силой своих испражнений.

Сон второй. «Собираясь навестить друга, я направляюсь к его дому. Дорога туда мне хорошо известна. Внезапно обстановка меняется. Я оказываюсь в какой-то сухой, пустынной местности. Там нет ни растений, ни деревьев. Я по-прежнему пытаюсь найти дом моего друга, но единственное, что я вижу перед собой, это какое-то странное строение без окон. Я захожу внутрь сквозь маленькую дверку. Когда я закрываю ее за собой, то слышу щелчок, как-будто захлопнулся замок. Я нажимаю на ручку, но дверь не открывается. В тревоге я двигаюсь по узкому коридору, — он, к тому же, еще очень низкий, так что мне приходится ползти, — и попадаю в большое овальное темное помещение. Оно выглядит как большой склеп. Когда глаза привыкают к свету, я вижу, что на полу лежат несколько скелетов, и понимаю, что это моя могила. В панике я просыпаюсь».

Это сновидение совершенно прозрачно. «Склеп», оказавшийся могилой, одновременно символизирует материнское лоно, матку. «Дом друга» — символ жизни. Вместо того чтобы идти к жизни, навещать друга, человек направляется в обитель смерти. Символы смерти — пустынная местность и склеп. Сам по себе такой сон не обязательно свидетельствует о некрофилии. Он может быть и просто выражением страха смерти. Однако, в данном случае, человеку постоянно являлись во сне могилы, мумии и скелеты, то есть во сне его воображение было неизменно занято картинками из мира мертвых.

Сон третий. Короткий сон женщины, страдающей сильной депрессией: «Я испражняюсь, и моим испражнениям нет конца; экскременты переполняют унитаз, начинают заливать все помещение. Их уровень поднимается все выше и выше, я уже тону в них¹², — и в этот момент просыпаюсь с непередаваемым ужасом». Для этого человека вся жизнь превратилась в грязь. Все, что она делает, — это грязь. Ее мир состоит из грязи, и смерть — последнее единение с грязью. Тот же сюжет находим мы в мифе о царе Мидасе: все, чего он касался, превращалось в золото, — символизирующее, как показал Фрейд, грязь или нечистоты¹³.

Сон четвертый. Сновидение, посетившее Альберта Шпеера 12 сентября 1962 г., когда он был узником тюрьмы Шпандау.

«С инспекцией должен прибыть Гитлер. Я, в то время по-прежнему Государственный Министр, беру в руки метлу, чтобы помочь вымести с фабрики грязь. После инспекции я оказываюсь в его машине и тщетно пытаюсь попасть рукой в рукав френча, который я снял, чтобы подметать пол. Вместо рукава моя рука вновь и вновь попадает в карман. Наша поездка заканчивается на большой площади, окруженной правительственными зданиями. На одной из ее сторон расположен военный мемориал. Гитлер подходит к нему и возлагает венок. Мы входим в мраморный вестибюль одного из правительственных зданий. Гитлер говорит, обращаясь к своему адъютанту: «Где венки?» Адъютант, обращаясь к офицеру: «Как вам известно, он теперь возлагает повсюду венки». Офицер одет в светлую, почти белую лайковую униформу, поверх которой наброшено свободное, как у служки в церкви, одеяние, украшенное тесьмой и вышивкой. Приносят венок. Гитлер направляется к правой стороне зала, где расположен еще один мемориал, у подножия которого уже лежит множество венков. Он встает на колени и начинает петь скорбную песнь в стиле Грегорианского хора, где постоянно повторяются нараспев слова «Иисус Мария». Вдоль стен этого длинного и вытянутого вверх мраморного зала тянутся бесчисленные мемориальные доски. В убыстряющемся темпе Гитлер возлагает к ним венок за венком, которые все время подает ему адъютант. Песня становится все более монотонной, ряд досок кажется бесконечным»¹⁴ ..

Сон этот чрезвычайно интересен. Прежде всего, он выражает не собственные чувства и желания, а оценку личности другого человека¹⁵. Нередко такие оценки являются намного более точными, чем впечатления, полученные наяву. В данном случае Шпеер совершенно отчетливо выражает в чаплиновской манере свое отношение к некрофильской натуре Гитлера. Гитлер предстает в сновидении как человек, все время воздающий почести смерти, однако действия его выглядят от странности механическими и не оставляют места чувствам. Возлагание венков превращается в организованный абсурдный ритуал. В противовес этому, тот же Гитлер, возвратившийся к религиозным впечатлениям своего детства, полностью погружен в исполнение своей горестной песни. Финал сновидения подчеркивает монотонность и механичность этого скорбного ритуала.

В начале сна Шпеер воскрешает реальную ситуацию, относящуюся к тому времени, когда он был Государственным Министром, то есть активно и ответственно действующим человеком. Мусор, который он выметает, является, вероятно, символическим выражением грязи нацистского режима. Неудачные попытки попасть

рукой в рукав френча означают, по-видимому, ощущение невозможности дальнейшего личного участия в делах этого режима. Отсюда совершается переход к основной части сновидения, содержащей признание, что все оставшееся позади — это мертвые и унылый, механический некрофил Гитлер.

Сон пятый. «Я сделал великое изобретение: придумал «сверхразрушитель». Эта машина, если нажать одну тайную кнопку, которую знаю только я, может убить все живое в Северной Америке. Это — в течение первого часа, а в течение второго часа — все живое вообще на Земле. Только я, поскольку я знаю формулу химического вещества, смогу себя защитить. (Следующая сцена.) Я нажал кнопку: больше нет жизни, я один, я наслаждаюсь существованием».

Это сновидение выражает рафинированную разрушительную наклонность человека, страдающего ярко выраженным нарциссизмом, который ни с кем по-настоящему не общается и ни в ком не нуждается. Рассказавший его индивид страдал тяжелым психическим расстройством. Сон этот снился ему регулярно, чередуясь с другими некрофильскими сновидениями.

Сон шестой. «Я приглашен на вечеринку, где присутствует много юношей и девушек. Мы все танцуем. Но происходит что-то странное: ритм все замедляется и уже кажется, что вскоре никто не сможет двигаться. В этот момент в комнату входит очень высокая пара. Кажется, они несут с собой много всяческого оборудования в двух больших коробках. Они подходят к первой из танцующих пар. Мужчина берет большой нож и разрезает юноше спину. Станным образом, нет никакой крови и юноша как будто не чувствует боли. Затем высокий мужчина берет что-то, чего я не могу разглядеть, какую-то маленькую коробочку, и вставляет это юноше в спину. Это очень маленькая вещь. Затем он вставляет в эту коробочку какую-то ручку или ключик — так, чтобы юноша мог сам до него дотянуться, — и делает такое движение, как будто заводит часы. Пока высокий мужчина делает все это с юношей, его партнерша проделывает ту же операцию с девушкой. Когда они заканчивают, молодая пара начинает танцевать, но уже быстро и энергично. Высокая пара совершает это со всеми девятью присутствующими парами, и после того, как они уходят, все кажутся возбужденными и счастливыми».

Значение этого сна станет ясным, если перевести его с символического языка на обычный. Человек, которому это приснилось, ощущает, что жизнь угасает, что ее энергия кончилась. Но положение можно поправить с помощью искусственного приспособления. Людей тогда можно будет заводить как часы и они будут выглядеть оживленными, хотя на самом деле станут не более чем автоматами.

Сон этот привиделся девятнадцатилетнему юноше, который учился на инженера и был совершенно поглощен всякими техническими проблемами. Если бы речь шла только об этом сновидении, его можно было бы расценить как выражение его профессиональной увлеченности. Однако у него было еще много сновидений, в которых присутствовали другие аспекты некрофилии. Таким образом, этот сон нельзя считать выражением его технических интересов. Скорее, наоборот, технические интересы являются выражением его некрофильской ориентации.

Сон седьмой. Это сновидение, рассказанное профессионально преуспевающим человеком, представляет особый интерес, поскольку оно может служить иллюстрацией к тезису о некрофильском характере современной техники, который мы еще обсудим в дальнейшем.

«Я медленно подхожу ко входу в пещеру и уже начинаю различать в ней нечто, что меня поражает. Внутри находятся две человекоподобные свиньи, которые что-то делают со старой маленькой вагонеткой, вроде тех, что используют в шахтах. Они ставят ее на рельсы, ведущие в глубь пещеры. Внутри этого вагончика я вижу нормальных людей. Они кажутся мертвыми, но я знаю, что они спят.

Я не знаю, это другой сон или продолжение предыдущего. Кажется, я просыпался, но я не уверен. Во всяком случае, начало такое же. Я опять подхожу ко входу в пещеру. Солнце и голубое небо остаются позади. Я углубляюсь в пещеру и вижу в конце ее зарево. Приблизившись к нему, я вижу перед собой удивительный сверхсовременный город. Все залито светом, и я знаю, что это искусственный, электрический свет. Город сделан целиком из стали и стекла. Город будущего. Я иду дальше и вдруг понимаю, что не встретил еще никого — ни животного, ни человека. Затем я оказываюсь перед огромной машиной. Это что-то вроде гигантского современного электрического трансформатора, к которому подходят многочисленные толстые кабели, напоминающие кабели высокого напряжения. Они выглядят как черные шланги. Мне приходит мысль, что по этим кабелям подается кровь. Я очень взволнован и обнаруживаю у себя в кармане брюк вещь, которую тотчас же узнаю. Это маленький перочинный ножик, который мне подарил отец, когда мне было около двенадцати лет. Я подхожу к машине и делаю этим ножиком надрез на одном из кабелей. Внезапно что-то бьет оттуда струей и обдаёт меня с ног до головы. Это кровь. В тревоге я просыпаюсь весь покрытый потом».

После этого рассказчик добавил: «Я не понимаю как следует ни машины, ни крови. Но здесь кровь заменяет электричество, ведь то и другое — энергия. Я не знаю, почему я думаю об этом

таким образом. Возможно, я думаю, что машина отбирает кровь у людей».

Как и в случае со Шпеером, это сон не некрофила, но — биофила, осознавшего некрофильский характер современной цивилизации. Пещера — наряду с могилой — часто встречающийся символ смерти. Пещера — это шахта, а люди, работающие там, — свиньи или мертвые. («Знание», что они на самом деле живы, — коррекция сновидения с позиций реальностей бодрствующего сознания, — вещь довольно распространенная.) Значение данного символа таково: это обитель людей, расставшихся с жизнью. Первое действие сновидения изображает начальную стадию индустриального развития. Второе действие — развитую кибернетическую эру будущего. Прекрасный современный город оказывается мертвым: в нем нет ни животных, ни людей. Могуущественная техника высасывает из человека жизнь (кровь) и превращает ее в электричество. Когда рассказчик пытается разрезать электрический кабель (быть может, с целью вывести его из строя), он оказывается весь в крови, как будто он совершил убийство. Это данное в сновидении видение умертвленного, насквозь технизированного мира является столь ясным и художественно выразительным, что его можно поставить в один ряд с произведениями Блэйка или полотнами сюрреалистов. В то же время в бодрствующем состоянии рассказчик не знает того, что он «знает», когда его сознание избавлено от шумов *здравой бессмыслицы*.

«Непроизвольные» действия некрофила

Некрофильские побуждения обнаруживают себя не только в сновидениях. Не менее явственно прослеживаются они порой в непроизвольных, «ничего не значащих» действиях, в «психопатологии обыденной жизни», где, по мысли Фрейда, проявляются вытесненные желания. Вот наблюдение, относящееся к Уинстону Черчиллю — натуре, несомненно, весьма непростой. Однажды, во время второй мировой войны, Черчилль обедал с фельдмаршалом сэром Аланом Ф. Бруком, начальником Имперского штаба. Дело происходило в Северной Африке, был жаркий день и вокруг летало множество мух. Черчилль убивал мух направо и налево, как, по-видимому, стал бы делать в его положении любой человек. Но затем он совершил нечто странное. (Сэр Алан пишет, что это его шокировало.) В конце трапезы он собрал всех мертвых мух и выложил их в ряд на скатерти: так после охоты знатной персоны слуги выкладывают в ряд все трофеи¹⁶.

Объясняя это поведение, можно сказать, что у Черчилля «просто» была такая привычка. Но все равно остается вопрос,

что она *означает*. Это выглядит как проявление некрофильских наклонностей. И хотя из этого нельзя сделать вывод, что Черчилль имел некрофильский характер, какая-то некрофильская черта в нем, по-видимому, присутствовала. (Характер Черчилля слишком сложен, чтобы разбирать его здесь подробно.)

Я упомянул этот случай потому, что он подробно описан свидетелями, и потому, что личность Черчилля хорошо известна. Аналогичные детали поведения встречаются у многих людей. Весьма распространенной, например, является привычка ломать и мять мелкие предметы — спички или цветки. Некоторые люди причиняют себе боль, расковыривая ранки. Эта тенденция выражается более отчетливо, когда люди наносят ущерб чему-то прекрасному — зданию, мебели и т. д., а в экстремальных случаях — портят полотна в музее или увечат собственное тело.

Некрофильское поведение демонстрируют также люди — главным образом студенты-медики или врачи, — которых особенно привлекают скелеты. Обычно такое влечение объясняют профессиональными интересами, однако, как свидетельствует следующий случай из психоаналитической практики, это не всегда так. Студент-медик, у которого в спальне стоял человеческий скелет, рассказал психоаналитику в величайшем смущении, что он часто кладет его с собой в кровать, обнимает его и иногда целует. В его поведении обнаружились и другие некрофильские действия.

Еще одним проявлением некрофильского характера является убеждение, что все проблемы или конфликты можно решить только с применением силы. Это не означает, что ни при каких обстоятельствах нельзя применять силу. Но для некрофила характерна уверенность, что сила, насилие (или, как сказала Симона Вейль, «власть превращать человека в труп») является первым и последним решением в любой ситуации, что гордиев узел можно только рубить, но бесполезно аккуратно распутывать. На все жизненные проблемы некрофил всегда, в принципе, отвечает разрушением и никогда не действует созидательно, осторожно, бережно. Так, королева из «Алисы в Стране Чудес» на все отвечала репликой: «Отрубить ему голову!» Поэтому некрофил обычно не видит иных выходов, не требующих разрушения, и не понимает, что по большому счету насилие тщетно. Вспомним классическую ситуацию, когда Царь Соломон рассудил двух женщин, предъявлявших свои права на ребенка. Он предложил разделить ребенка надвое, и та, что была истинной матерью, согласилась отдать его другой. Та же, которая лишь называла себя матерью, была не прочь разделить ребенка. Это типичное решение некрофила, озабоченного всегда только вопросом собственности.

Несколько более завуалированным выражением некрофилии является подчеркнутый интерес к болезни в любой ее форме и к смерти. Примером может служить мать, которая всегда интересуется болезнями и неудачами своего ребенка и строит мрачные прогнозы. В то же время ее не трогают перемены к лучшему, она никак не реагирует на проявляемые ребенком признаки бодрости или радости и не замечает успехов в его развитии. Таким образом, она как будто не причиняет ребенку прямого вреда и все же может тихо задушить в нем радость жизни, веру в будущее, заражая его собственной некрофильской ориентацией.

Всякого, кто когда-либо прислушивался к разговорам людей среднего возраста и старше, не могло не поразить, какое важное место занимает в них тема болезни и смерти других людей. Конечно, на то есть много причин. Для многих, в особенности для тех, чьи интересы не выходят за рамки повседневных забот, болезнь и смерть являются единственным драматическим элементом в жизни. И все же такое объяснение не всегда убедительно. Есть люди, которые необыкновенно оживляются, когда говорят о болезнях или каких-нибудь других печальных событиях — смерти, разорении и т. п. Этот некрофильский интерес проявляется не только в разговоре, но и в том, например, как человек читает газету. В первую очередь он читает самое для него интересное — сообщения о несчастных случаях и некрологи. Он также любит на все лады поговорить о смерти: кто умер, и от чего, и при каких обстоятельствах, и кто может умереть в ближайшее время и т. д. Он не упускает возможности посетить похороны, поминки, кладбище. Легко видеть, что эта склонность к траурным церемониям, этот не выходящий за рамки социальных приличий интерес к процессу погребения является слабой формой описанной выше заинтересованности в могилах и моргах.

Несколько менее очевидной чертой, отличающей личность некрофила, является особого рода безжизненность, проявляющаяся в общении. Дело не в том, о чем идет разговор: интеллигентный, эрудированный некрофил может говорить о вещах крайне интересных, но его манера, как правило, является удручающей — холодной, чопорной, отчужденной. Он педантично и сухо излагает предмет. В противоположность этому, его характерологический антипод — жизнелюб — может вести речь о сущей ерунде, но весело и заразительно, так, что все будут слушать его с интересом и удовольствием. В любой компании некрофил вносит атмосферу неловкости, навевает скуку и утомляет людей, в то время как биофил вносит радость и оживление.

И еще в одном измерении проявляются характерные реакции некрофила: в его отношении к прошлому и к имуществу. Реальным

для него является только прошлое, но не настоящее и не будущее. Прошлое, то есть прошедшее и умершее, по-настоящему правит его жизнью — будь то традиции, установления, законы или имущество. Иначе говоря, *вещи правят человеком, мертвые — живыми*; некрофил всегда предпочитает *иметь*, а не *быть*. В личных, философских и политических воззрениях прошлое всегда священо, нововведения не имеют ценности, а перемены являются преступлением против «естественного» порядка вещей¹⁷.

Следует упомянуть также о цветовых предпочтениях некрофила. Он в основном имеет склонность к темным тонам, поглощающим свет, таким как черный или коричневым, и не любит ярких красок¹⁸. Эти предпочтения проявляются в одежде людей, склонных к некрофилии, и в гамме, свойственной их рисункам. Впрочем, когда выбор темных тонов продиктован традицией, это, конечно, никак не связано с характером.

Как мы уже видели при обсуждении клинических материалов, некрофилы имеют особую склонность к дурным запахам, в основе своей восходящим к запаху разлагающейся плоти. Это действительно свойственно некрофильскому характеру и проявляется обычно в двух формах: 1) в откровенном удовольствии от запаха кала, мочи или гнили, в привычке посещать дурно пахнущие уборные, и 2) в вытеснении этой склонности, результатом которого становится навязчивое желание избавиться от дурного запаха, как правило, не существующего в реальности. Вторая форма является более распространенной и напоминает навязчивое стремление к чистоте, развивающееся у людей с анальным характером. Как бы то ни было, дурной запах безразличен для некрофила. У многих представителей этого типа это выражается в привычной гримасе: они как будто все время к чему-то приноживаются. Такое выражение лица можно разглядеть на фотографиях Гитлера. Оно присутствует не у всякого некрофила, но когда оно есть — это один из самых надежных критериев, позволяющих определить некрофильские наклонности.

Еще один специфический признак некрофильского характера, который можно усмотреть в выражении лица, это неспособность смеяться. Смех некрофила представляет собой скорее принужденную усмешку, сухую и безжизненную, в которой начисто отсутствует свобода и радость нормального смеха. Вообще, лицо некрофила является обычно неподвижным и маловыразительным. Иногда на экране телевизора можно видеть оратора, выступающего с каменным лицом. Улыбается он, как правило, только в начале или в конце своей речи, когда, по всем американским обычаям, он просто обязан это сделать. Но говорить и в то же время улыбаться он не способен, поскольку его внимание должно быть

сосредоточено на какой-нибудь одной из этих деятельностей. У таких людей улыбка является не спонтанным, но плановым действием, как вычурный жест у плохого актера.

Порой некрофила выдаёт кожа: она выглядит безжизненной, сухой, имеет нездоровый оттенок. И если у нас возникает ощущение, что лицо человека не чисто, то дело не в том, что он не умылся. Просто мы так реагируем на специфическое выражение лица некрофила.

Язык некрофила

Наиболее употребимыми в некрофильском лексиконе являются слова, имеющие отношение к разрушению или же к испражнениям и нечистотам. Несмотря на то что слово «говно» получило сегодня довольно широкое хождение, есть люди, которые питают к нему особую склонность и употребляют его с частотой, значительно превышающей среднестатистическую. Примером может служить двадцатидвухлетний молодой человек, для которого все — «говно»: жизнь, люди, идеи, природа и т. д. «Я художник разрушения», — с гордостью заявлял он.

В начале 30-х гг. во Франкфурте я участвовал в исследовании, включавшем опрос немецких рабочих и служащих⁹. Анализ полученных данных позволил выявить некоторые суждения, типичные для некрофильского характера. Так, отвечая на вопрос «Как вы относитесь к тому, что женщины используют косметику и красят губы?»²⁰, многие респонденты утверждали, что это «буржуазные» или «неестественные», или «негигиеничные» привычки. В таких ответах (а их было большинство) находили выражение преобладавшие тогда идеологические установки. Но были и ответы иного типа: «Это отрава» или «Такие женщины выглядят, как проститутки». Здесь уже проявлялась структура характера. В подавляющем большинстве случаев эти респонденты демонстрировали деструктивные наклонности и в ответах на другие вопросы.

Чтобы оценить валидность теоретических представлений о некрофилии, мы с Майклом Маккоби позднее разработали специальный опросник, воспроизводивший некоторые формулировки, использованные еще во франкфуртском исследовании, только вместо открытых вопросов здесь были вопросы закрытые. Всего вопросов было двенадцать. Некоторые из них были нацелены на выявление черт, свойственных анальному характеру, другие — предположительных черт характера некрофила. Затем Маккоби провел опрос на шести выборках, различавшихся по классовой и национальной принадлежности и уровню образования. Не имея возможности подробно излагать здесь ни методологию, ни

результаты этого исследования, скажу лишь, что оно позволило установить: 1) наличие некрофильского синдрома, подтверждающее теоретические выкладки; 2) принципиальную измеримость некрофильских и биофильских тенденций; 3) корреляцию этих тенденций с социально-политическими взглядами индивидов. Как показала интерпретация данных, от 10 до 15% опрошенных демонстрируют в характере ярко выраженную некрофильскую доминанту. В домах этих людей интервьюеры отмечали чистоту, граничащую со стерильностью. Их жизнь протекает в мертвящей, безрадостной атмосфере²¹.

Некоторые вопросы, заданные в ходе исследования, позволили выявить корреляцию черт характера и политических взглядов опрошенных. Отсылая читателя к подробному отчету Маккоби, отмечу здесь только следующее: «Во всех шести группах была установлена значимая корреляция некрофильских тенденций с политическими взглядами, заставляющими этих людей отстаивать необходимость наращивания военной мощи и поддерживать репрессии против инакомыслящих. Индивиды, у которых доминирует некрофильская ориентация, считают первоочередными следующие задачи: усиление контроля над смутьянами и мятежниками; более жесткое проведение в жизнь законов по борьбе с наркотиками; победа во Вьетнаме; пресечение деятельности подрывных групп; укрепление полиции и борьба с коммунистической угрозой во всем мире» (М. Маккоби, 1972).

Некрофилия и преклонение перед техникой

Льюис Мамфорд убедительно продемонстрировал разрушительные аспекты деятельности государственных «мега-машин», существовавших в Месопотамии и Египте около пяти тысяч лет тому назад. Впрочем, по его мысли, современные мега-машины Европы и Северной Америки имеют с ними немало общего. Вот что он пишет.

«Эти инструменты механизации, изобретенные пять тысяч лет тому назад, были по своему замыслу уже обособлены от других человеческих функций. Они обеспечивали неуклонное наращивание порядка, мощи, предсказуемости, но прежде всего — контроля. Наступление этой протонаучной идеологии сопровождалось регламентацией и подавлением человеческой деятельности, которая до этого была автономной. Так впервые в истории появились феномены «массовой культуры» и «массового контроля». Характерно, что конечным продуктом деятельности мега-машин в Египте стали колоссальные могильники, населенные мумифицированными мертвецами. Позднее, в Ассирии, а затем и в других раздвигавших свои границы империях техническое

развитие измерялось числом погубленных городов и деревень и площадью испорченной почвы. Все это было лишь преддверием разрушений, которые принесла современная цивилизация»²².

Возьмем для начала простейшее, лежащее на поверхности качество человека современной индустриальной эпохи: его слабый интерес к людям, к природе, к живым структурам и одновременно растущее внимание к механическим, неживым объектам. Примеров более чем достаточно. Повсюду в промышленно развитых странах мы встречаем мужчин, которые испытывают большую нежность к своему автомобилю, чем к своей жене. Они гордятся своей машиной, ухаживают за ней, моют ее (порой несмотря на то, что имеют возможность поручить это за плату кому-то другому), а в некоторых странах еще и дают ей ласковое имя. Они внимательно следят за ее состоянием и тревожатся при малейших признаках каких-либо нарушений. Конечно, машина — не сексуальный объект, но это несомненно объект любви. Жизнь без автомобиля представляется многим более невыносимой, чем жизнь без женщины. Разве нет в этой привязанности чего-то странного, даже извращенного?

Другой пример — привычка фотографировать. Всякий, кто когда-либо наблюдал туристов (быть может, себя в качестве туриста), согласится, что фотографирование мира подменило собой его созерцание. Конечно, у вас должны быть глаза, чтобы направить объектив на нужный объект, нажать кнопку и... затем показывать друзьям фотографию. Но *смотреть* и *видеть* — разные вещи. Умение видеть — чисто человеческая способность, бесценный дар, которым наделен человек. Оно требует активности, внутренней открытости, интереса, внимания и сосредоточенности. Сделать *снимок* означает подменить акт видения объектом — фотокарточкой, которая может служить доказательством, что «вы там были». Точно так же обстоит дело и с теми меломанами, для которых слушание музыки — только предлог для экспериментов с высококачественной звуковоспроизводящей аппаратурой и разного рода усовершенствованиями и приставками, улучшающими ее технические характеристики. Интерес к музыке уступил у них место интересу к продуктам высоких технологий.

Еще одним примером может служить тип «изобретателя» — человека, который всякое человеческое действие норовит подменить механическим приспособлением — «удобным» и «экономичным». Мы не будем здесь говорить о тех, кто не выполняет простейших арифметических операций без калькулятора или не делает и двух шагов по городу без машины. Но есть ведь и такие домашние умельцы, которые конструируют приспособления, позволяющие нажатием кнопки включать воду или открывать двери,

или совершать какие-то еще менее практичные, иногда просто абсурдные действия в духе произведений Р. Голдберга²³.

Когда я говорю о таком поведении, я вовсе не имею в виду, что само по себе использование автомобиля или фотоаппарата, или любых иных технических приспособлений свидетельствует о наличии некрофильских тенденций. Действия эти лишь в том случае приобретают некрофильскую окраску, если они *заслоняют* интерес к жизни и *подменяют собой* то бесконечное многообразие способностей, которыми наделен человек. И я далек от мысли, что инженер, с увлечением конструирующий какие-либо машины, демонстрирует таким образом свою некрофильскую ориентацию. Он может с равным успехом быть и чрезвычайно продуктивной личностью, наделенной страстной любовью к жизни, которая проявляется в его отношении к людям, к природе, к искусству и наряду с этим — в техническом конструировании. Речь, следовательно, идет лишь о тех индивидах, чей интерес к искусственным механическим объектам заслоняет интерес к жизни, о тех, кто, общаясь с техникой, сам действует сухо и педантично, как механизм.

Некрофильская природа этих явлений станет гораздо более очевидной, если мы обратимся к прямым свидетельствам, подтверждающим деструктивный характер техники, в которых наша эпоха не знает недостатка. Одним из первых связь разрушения с преклонением перед техникой ярко продемонстрировал Ф.Т. Маринетти, основатель и лидер итальянского футуризма, убежденный фашист. В своем первом Футуристическом Манифесте 1909 г. он сформулировал идеалы, которые затем нашли свое полное воплощение в национал-социализме и в методах, применявшихся фашистами во время второй мировой войны²⁴. Необыкновенное художественное чутье позволило ему выразить тенденции, которые в то время совсем еще не были очевидны.

«1. Да здравствует риск, дерзость и неукротимая энергия!

2. Смелость, отвага и бунт — вот что воспевает мы в своих стихах.

3. Старая литература воспевала лень мысли, восторги и бездействие. А вот мы воспевает наглый напор, горячечный бред, строевой шаг, опасный прыжок, оплеуху и мордобой.

4. Мы говорим: наш прекрасный мир стал еще прекраснее — теперь в нем есть скорость. *Под багажником гоночного автомобиля змеятся выхлопные трубы и изрыгают огонь. Его рев похож на пулеметную очередь, и по красоте с ним не сравнится Ника Самофракийская.*

5. Мы воспевает человека за баранкой: руль насквозь пронзает Землю, и она несется по круговой орбите.

6. Пусть поэт жарит напропалую, пусть гремит его голос и будит перевозданные стихии!

7. *Нет ничего прекраснее борьбы. Без наглости нет шедевров. Поэзия наголову разобьет темные силы и подчинит их человеку.*

8. Мы стоим на обрыве столетий!.. Так чего же ради оглядываться назад? Ведь мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир невозможного! Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы живем уже в вечности, ведь в нашем мире царит одна только скорость.

9. *Да здравствует война — только она может очистить мир. Да здравствует вооружение, любовь к Родине, разрушительная сила анархизма, высокие Идеалы уничтожения всего и вся! Долой женщин!*

10. *Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки. Долой мораль, трусливых соглашателей и подлых обывателей!*

11. Мы будем воспевать рабочий шум, радостный гул и бунтарский рев толпы; пеструю разноголосицу революционного вихря в наших столицах; ночное гудение в портах и на верфях под слепящим светом электрических лун. Пусть прожорливые пасти вокзалов заглатывают чадающих змей. Пусть заводы привязаны к облакам за ниточки вырывающегося из их труб дыма. Пусть мосты гимнастических бросков перекинутся через ослепительно сверкающую под солнцем гладь рек. Пусть пройдохи-пароходы обнюхивают горизонт. Пусть широкогрудые паровозы, эти стальные кони в сбруе из труб, пляшут и пыхтят от нетерпения на рельсах. Пусть аэропланы скользят по небу, а рев винтов сливается с плеском знамен и рукоплесканиями восторженной толпы»²⁵.

Совершенно недвусмысленно здесь выражены характерные элементы некрофилии: преклонение перед скоростью и машинами; поэзия как орудие агрессии; прославление войны; разрушение культуры; ненависть к женщинам; паровозы и аэропланы как живые существа²⁶.

В Манифесте 1916 г. Маринетти развивает идею новой религии скорости:

«Скорость, в основе которой — интуитивный синтез всех движущих сил, по природе своей чиста. Промедление, в основе которого — изнуряющий рациональный анализ, по природе своей порочно. Разрушив старое добро и старое зло, мы создадим новое добро — скорость, и новое зло — промедление.

Скорость = синтез дерзновенных действий, наступательных и воинственных.

Промедление = косный и робкий анализ, умиротворяющий и пассивный...

Если молитва — это общение с божеством, *мчаться на бешеной скорости означает молиться. Колеса и рельсы — наши святыни. Мы станем преклонять колени на железнодорожных путях, вознося молитву божественной скорости. Мы будем молиться на гироскоп: 20 000 оборотов в минуту — высшая скорость, которой удалось достичь человеку.*

Упоение скоростью мчащегося автомобиля — это радость от слияния с единственным божеством. Гонщики стали первыми адептами этой религии. Да будут разрушены дома и города, чтобы дать простор аэродромам и автострадам»²⁷.

Про Маринетти говорят, что он был революционером, что он порвал с прошлым и открыл дорогу образам нового мира, — мира нищешанского сверхчеловека, что наряду с Пикассо и Аполлинером он принадлежит к самым влиятельным фигурам в современном искусстве. На это я отвечу, что его революционные идеи ставят его в один ряд скорее с Муссолини и Гитлером. Эта смесь революционной риторики, преклонения перед техникой и призывов к разрушению чрезвычайно характерна для нацизма. Быть может, Муссолини и Гитлер и были бунтарями (Гитлер в большей степени, чем Муссолини), но революционерами они не были. У них не было по-настоящему созидательных идей, и они в конечном счете не сделали ничего для блага человека. Им не хватало главных качеств, отличающих дух революционера: любви к жизни, желания способствовать ее росту и развитию, и стремления к свободе.

Во время первой мировой войны разрушительная природа техники не проявилась еще в полной мере. Самолеты еще не могли нанести большого ущерба, а танки недалеко ушли от традиционных видов оружия. Вторая мировая война была ознаменована решительной переменой: для массовых убийств стали использовать самолеты²⁸. Те, кто сбрасывал бомбы, даже не сознавали как следует, что в считанные минуты они убивают или сжигают заживо тысячи человеческих существ. Каждый член экипажа выполнял в полете свою задачу: один управлял самолетом, другой прокладывал курс, третий сбрасывал бомбы. Ни один из них не совершал прямого убийства и даже не видел врага. Их общей задачей было управление сложной машиной в соответствии с детально разработанными инструкциями. А то, что в результате их действий многие тысячи (иногда сотни тысяч) людей оказывались убиты и изувечены, — конечно, они знали об этом, но на рациональном, а не на эмоциональном уровне. Как это ни звучит парадоксально, это их не касалось. Вероятно, поэтому они — по крайней мере, большинство из них — не чувствовали своей вины за действия, ужаснее которых, по человеческим меркам, вряд ли можно что-то себе представить.

Современная воздушная война производит разрушение, следует тем же принципам, что и современное производство²⁹, где и рабочий, и инженер отчуждены от производимого ими продукта. Они выполняют технические задания, следуя планам своего предприятия, но зачастую даже не видят результатов своего труда. А если и видят — результаты эти их не касаются и ответственности за них они не несут. Считается, что они не должны задаваться вопросом, полезен или вреден производимый ими продукт. Это решают руководители производства. Однако для руководителей «полезный» означает, как правило, просто «прибыльный», а это тоже не имеет отношения к характеру его использования. В военном деле «полезно» то, что приближает победу над врагом. Решение о том, что в этом смысле полезно, основывается нередко на весьма расплывчатых данных. Примером может служить сконструированный Фордом «Edsel». Инженеру, как и летчику, достаточно знать, что решило руководство. Подвергать это сомнению он не вправе и не заинтересован в этом. Идет ли речь об убийстве ста тысяч людей в Дрездене или в Хиросиме или об уничтожении земли и населения Вьетнама, военные и моральные последствия приказов не могут заботить исполнителя. Его задача — как следует обслуживать свою машину.

На это можно возразить, что во все времена солдаты были обязаны беспрекословно повиноваться приказам. Это действительно так, однако существует глубокое различие между солдатом, воюющим на земле, и пилотом бомбардировщика. Первый находится в непосредственной близости от причиняемых им разрушений и не может одним движением уничтожить массу человеческих существ, которых он не видел и не увидит. Что касается летчика, то традиционная армейская дисциплина и чувство патриотизма в лучшем случае увеличивают его готовность беспрекословно повиноваться приказам, но отнюдь не являются ее решающим фактором, тогда как для солдата, воюющего на земле, это несомненно так. Летчики — люди, прошедшие длительную подготовку, обладающие высочайшей технической квалификацией, и они вряд ли нуждаются в такой дополнительной мотивации, чтобы выполнять свою работу точно и без колебаний.

Даже массовые убийства евреев были организованы нацистами как индустриальный процесс, хотя уничтожение людей в газовых камерах не представляло собой сложной технической задачи. В начале этого страшного конвейера жертвы сортировались по признаку трудоспособности. Тех, кто оказывался непригодным к физическому труду, заводили в специальные камеры — как им объясняли, «для гигиенической обработки». Затем в камеры пускали газ. После того как все было кончено, с трупов снимали одежду и другие полезные вещи, например золотые зубы,

подлежащие «утилизации», а сами тела сжигали. Такая «обработка» жертв производилась методично и эффективно. При этом исполнители не наблюдали агонии. Они участвовали в проведении в жизнь политико-экономического плана фюрера, но оставались в стороне от непосредственного убийства буквально на один шаг³⁰. Несомненно, чтобы быть безучастным к судьбе людей, которых ты только что видел и из которых сам выбрал тех, кто будет убит в течение часа в соседнем помещении, требуется гораздо большее жестокосердие, чем то, которое необходимо экипажу выполняющего боевое задание бомбардировщика. Но, несмотря на это различие, в обеих ситуациях есть одна общая и очень важная деталь: технологизация процесса массового убийства, позволяющая исполнителю сохранять эмоциональную дистанцию по отношению к результатам своих действий. Когда процесс организован таким образом, разрушению уже нет предела, ибо *никто* не выступает как разрушитель. Все просто обслуживают машину, работающую по заданной — и, следовательно, рациональной — программе.

Но если это действительно так, если в основе современного широкомасштабного разрушения действительно лежат техно-бюрократические структуры, разве не опровергает это мою основную гипотезу о некрофильском характере преклонения перед техникой? Не правильнее ли будет считать, что современный технократ не движим вовсе мотивом к разрушению, а представляет собой скорее тип холодного, умственного человека, не ведающего любви, но и не одержимого разрушительной страстью, превратившегося — в характерологическом смысле — не в разрушителя, но в автомат?

Это сложный вопрос. Нет сомнения, что для Маринетти, Гитлера, для тысяч сотрудников нацистской или сталинской секретной полиции, охранников лагерей, исполнителей массовых казней страсть к разрушению была доминирующим мотивом. Но, может быть, все они не имеют отношения к типу личности, порожденному нашей эпохой? Правы ли мы, определяя дух технократического общества как некрофильскую ориентацию?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо прояснить ряд моментов, которых я до сих пор здесь не касался. Прежде всего необходимо остановиться на связи некрофилии с анальным характером.

Как показывают клинические данные и анализ сновидений некрофилов, у них присутствуют отчетливые черты, свойственные анальному характеру. Фиксация на испражнениях является, как мы видели, символическим выражением интереса ко всему гниющему, разлагающемуся, мертвому. Однако, хотя «нормальный» анальный характер предполагает некоторую долю безжизненности, он все же не тождествен некрофилии. Анализируя пути развития анального характера, Фрейд и его сотрудники обнаружили, что иногда в качестве побочного продукта он порождает

склонность к садизму. Это происходит не всегда, но лишь у тех людей, которые отличаются особым нарциссизмом и враждебностью. Впрочем, даже и садисты остаются по эту сторону интересующей нас границы: они хотя и стремятся контролировать других людей, но не стремятся их убивать. Но если у человека отсутствует и такая, пусть извращенная связь с другими людьми, если его нарциссизм и его враждебность достигают критической точки, такой человек становится некрофилом. Тогда его цель — превращать живую материю в неживую, разрушать все и вся, часто даже самого себя. Его главным врагом становится сама жизнь.

В соответствии с этой гипотезой, развитие от нормального анального характера к садистскому характеру и от него к характеру некрофила обусловлено возрастанием нарциссизма, неконтактности и склонности к разрушению, причем находящийся между этими полюсами континуум включает бесчисленное множество случаев. Некрофилию, следовательно, можно определить как *злокачественную форму анального характера*.

Если бы связь анального характера с некрофилией была столь простой и однозначной, данную теоретическую схему можно было бы считать удовлетворительной. Однако в действительности связь эта далеко не так однозначна. Анальный характер, типичный для представителей среднего класса в XIX в., в наше время среди населения, задействованного в современных видах производства, становится все более редким³¹. Если для среднего жителя Америки феномен тотального отчуждения является, по-видимому, еще достаточно редким, то для групп, которые наиболее ярко выражают сегодня тенденции общественного развития, он уже достаточно характерен. Рождаемый нашей эпохой человек нового типа уже не вписывается в рамки, задаваемые старыми представлениями об оральном, анальном и генитальном характере. Этот новый тип я уже пытался описать как «рыночный характер»³².

Человек, обладающий рыночным характером, воспринимает все как товар, — не только вещи, но и саму личность, включая ее физическую энергию, навыки, знания, мнения, чувства, даже улыбки. Такой тип — явление исторически новое, ибо он возникает в условиях развитого капитализма, где все вращается вокруг рынка, — рынка вещей, рынка рабочей силы, личностного рынка, — и его главная цель — в любой ситуации совершить выгодную сделку.

Анальный характер, так же как оральный и генитальный, принадлежит к реалиям старого мира, в котором еще не было в такой степени развито тотальное отчуждение. В основе этих типов характера лежит опыт чувственного переживания человеком своего тела, его функций и его продуктов. Но у кибернетического

человека процесс отчуждения заходит так далеко, что он начинает видеть в своем теле только *инструмент* успеха. Тело его должно выглядеть здоровым и юным. Оно воспринимается в сугубо нарциссическом модусе — как самый ценный товар, который можно предложить на рынке.

И здесь мы должны вернуться к вопросу, заставившему нас совершить этот характерологический экскурс. Действительно ли некрофилия так характерна для человека, живущего во второй половине двадцатого столетия в Соединенных Штатах или в любом другом обществе, столь же далеко зашедшем по пути капиталистического или государственно-капиталистического развития?

Этот новый человек вроде бы совсем не интересуется нечистотами и трупами. Напротив, он испытывает по отношению к трупам такой панический страх, что готов делать все, чтобы придать им вид более живой, чем они имели, пока были живы. (И, судя по всему, это не компенсаторная реакция, а проявление общего отрицания всего натурального.) Но он идет и значительно дальше, отворачиваясь от жизни, от людей, от природы. Все живое, не исключая и себя самого, со всеми своими человеческими качествами, со способностью размышлять, видеть, слышать, чувствовать, любить, он норовит превратить в предмет, в вещь. Сексуальность становится техническим навыком, «любовной машиной», чувства оказываются как бы сплюснутыми и обыкновенно подменяются сентиментальностью, радость — это извечное выражение жизнелюбия — уступает место возбуждению, создаваемому «индустрией развлечений», а в качестве главных объектов любви и нежности начинают выступать машины и механизмы. Мир превращается в совокупность безжизненных предметов, включающих среди прочего искусственную пищу и искусственные органы. Благодаря этому и сам человек становится частью всеобщей машинерии, которой он управляет и которая, в свою очередь, управляет им. У него нет ни плана, ни цели в жизни, ибо все его действия следуют логике окружающей его техники — технологии. Достижение технического разума, вдохновляющее его превыше всего, это перспектива создания роботов, и, как утверждают некоторые специалисты, роботы эти будут неотличимы от живых людей. Надо признать, что, когда сами люди становятся неотличимы от роботов, достижение это не выглядит таким уж невероятным.

Обитаемый некогда мир становится миром неодушевленных предметов, населенным не людьми, а всякой «нежитью». Но на символическом уровне смерть уже более не выражается нечистотами и смердящими трупами. Теперь ее символы — аккуратные, сверкающие машины. И людей притягивают не вонючие уборные,

а ажурные конструкции из алюминия и стекла³³. Однако этот стерильный фасад не может заслонить скрытой за ним реальности. Руководствуясь идеей прогресса, человек превращает мир в смрадное и непригодное для жизни место (и это уже не в символическом, а в буквальном смысле). Он отравляет воздух, воду, землю, растения и животных, отравляет самого себя. Процесс этот зашел уже так далеко, что всерьез обсуждается вопрос о выживании человечества. Факты эти известны, и все же, несмотря на многочисленные протесты, те, кто принимает решения, демонстрируют готовность принести все живое в жертву идолу технического развития. В прежние времена люди тоже приносили в жертву детей или пленных, но никогда еще они не были одержимы стремлением в угоду Молоху разрушить всю жизнь — свою и своих потомков. И неважно, намеренно это делается или нет. Если бы человек не ведал о последствиях своих действий, он бы еще мог считаться свободным от ответственности. Но укоренившаяся в его характере некрофильская ориентация заставляет его игнорировать очевидные вещи.

В полной мере это относится и к идущей полным ходом подготовке ядерной войны. Две сверхдержавы непрерывно наращивают свой разрушительный потенциал, которого уже сегодня с лихвой хватит, чтобы они могли сровнять друг друга с землей, уничтожив попутно еще полмира. Тем не менее они до сих пор не предприняли ничего серьезного, чтобы уменьшить опасность, а единственной реальной мерой могло бы стать только уничтожение всех запасов ядерного оружия. Вместо этого те, от кого это зависит, были уже не раз на грани применения оружия и продолжают играть с огнем. При этом стратеги — например, Герман Кан в книге «О термоядерной войне»³⁴ — спокойно обсуждают вопрос, «достаточно» ли будет убить пятьдесят миллионов людей. Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что дух некрофилии здесь налицо.

Многие явления, вызывающие сегодня протест, — наркомания, преступность, упадок культурной и духовной жизни, презрение к подлинным этическим ценностям, — напрямую связаны с расстущим влечением к разложению и смерти. Но вправе ли мы ожидать, что молодые, неимущие и потерявшие всякую надежду люди смогут избежать разложения, если к нему направляют курс те, кто стоит у руля нашего общества?

Таким образом, можно прийти к заключению, что безжизненный мир тотальной технологии — это просто новое обличье, которое принимает сегодня мир смерти и разложения. Большинство людей не сознают этого факта, но, как говорил Фрейд, вытесненное содержание сознания неизменно выходит на поверхность, и влечение к разложению и смерти становится столь

же очевидным, как и в случаях прямого проявления злокачественного анального характера.

До сих пор наше внимание было сосредоточено на выявлении зависимостей между механичностью, безжизненностью и анальным характером. Есть, однако, еще один аспект, которого нельзя не коснуться, рассматривая характер тотально отчужденного кибернетического человека. Это его *шизоидные*, или *шизофренические*, качества. Пожалуй, самой яркой его чертой является расщепление мышления, аффекта и воли. (Именно это расщепление заставило в свое время Э. Блейлера выбрать термин «шизофрения» — от греческого «schizo», расщеплять и «phren», душа.) Описывая кибернетического человека, мы уже сталкивались с некоторыми проявлениями этого расщепления: достаточно вспомнить, что отсутствие эмоциональной реакции соседствует у пилота бомбардировщика с ясным знанием, что одним нажатием кнопки он убивает тысячи людей. Но чтобы уяснить себе это явление, не надо даже обращаться к таким крайним случаям. Как мы уже отмечали, у кибернетического человека доминирует умственная ориентация: это в первую очередь головной, *умственный человек*. И к окружающему миру, и к себе самому он подходит с интеллектуальных позиций. Он хочет знать, что представляют из себя вещи, как они устроены, как действуют и как можно их конструировать и ими управлять. Дорогу такому подходу проложила наука, и он является доминирующим в европейском сознании нового времени. Именно он лежит в основе современного прогресса, технологического развития и массового потребления.

Может показаться, что в такой тенденции нет ничего зловещего, однако есть факты, которые настораживают. Прежде всего «умственная» ориентация свойственна далеко не только ученым. Она захватывает также конторских служащих, коммерсантов, инженеров, врачей, менеджеров и в особенности интеллектуалов и художников³⁵, то есть, по-видимому, большинство городского населения. Мир для них состоит из массы сложных вещей и, чтобы их эффективно использовать, надо в первую очередь их понять. Не менее важным является то, что этот интеллектуальный подход сопровождается отсутствием эмоциональных реакций. Чувства не то чтобы совсем исчезли из жизни, скорее, они поблекли. В той мере, в какой они еще живы, они не культивируются и вследствие этого становятся грубыми, превращаются в необузданные страсти, такие, как страсть быть первым в любой ситуации, подчинять себе других, разрушать, или стремление находить возбуждение в сексе, скорости или шуме. К этому надо еще добавить, что умственному человеку свойствен особый рода нарциссизм — сосредоточенность на своем теле и своих способностях, выступающих исключительно как инструмент

успеха. Одновременно он в такой степени стал частью созданной им машинерии, что воспринимает окружающие его машины как неотъемлемый элемент себя самого, включая их таким образом в сферу своего нарциссизма. В самом деле, между человеком и машиной складываются в наше время отношения, типичные для симбиоза, то есть «союза одного индивида с другим (или с любой другой внешней по отношению к нему силой), приводящего к исчезновению целостности обоих и установлению между ними взаимозависимости»³⁶. Символически это означает, что матерью человека становится уже не природа, а «вторая природа» — техника, которая его лелеет и защищает.

Еще одной характерной чертой кибернетического человека является его склонность к рутинному, стереотипному поведению, неспособность к спонтанным действиям. В более резкой форме эта черта встречается у шизофреников. Вообще сходство их поведения бывает порой просто поразительным. Но еще больше поражает подобие черт умственного человека с картиной, характерной для психического расстройства, не тождественного шизофрении, но тесно с ней связанного, — «детского аутизма», описанного впервые Л. Каннером³⁷, а затем исследованного М.С. Малер³⁸. По Малер, аутистический синдром складывается из следующих признаков: 1) потеря фундаментальной способности различать одушевленную и неодушевленную материю, то, что фон Монаков назвал протодиакризисом; 2) привязанность к неживым объектам, таким, как игрушка или стул, и одновременно — неумение строить отношения с людьми, прежде всего с матерью, которая при этом обычно сообщает, что «не может пробиться к ребенку»; 3) склонность к фиксации тождества предметов, описанная Каннером как классический симптом детского аутизма; 4) стремление к одиночеству и активное противодействие попыткам навязать им человеческий или социальный контакт; 5) использование речи (если они говорят) не как средства общения, а для манипулирования собеседником: как пишет Малер, «эти дети командуют взрослым с помощью сигналов и жестов так, будто это полудушевленный или неодушевленный механизм, который можно по своему усмотрению включать и выключать»; б) наконец, Малер указывает на еще одну черту, важную с точки зрения наших рассуждений, о снижении значимости «анального комплекса» для умственного человека: «у большинства аутичных детей наблюдается очень незначительная фиксация психической энергии на поверхности тела, чем объясняется их низкая чувствительность к боли; это сопровождается отсутствием либидинозных зон, иерархически организованных по принципу удовольствия» (М.С. Малер, 1968)³⁹.

Итак, неумение различать живую и неживую материю, неспособность к человеческим отношениям и к общению, использование речи в манипулятивной функции, преобладающий интерес к неодушевленным объектам — все это слишком напоминает характеристики описанного нами типа. Впрочем, чтобы ответить на вопрос, существует ли у взрослых форма психического расстройства, соответствующая детскому аутизму, нужны еще специальные исследования. Поэтому более корректно пока говорить о сходстве функционирования кибернетического человека с клинической картиной шизофрении. Но здесь возникает ряд затруднений.

Во-первых, в различных психологических школах приняты очень разные определения шизофрении, которые варьируют в диапазоне от традиционных представлений о ней как о заболевании, вызванном органическими причинами, до представлений, принятых в школе Адольфа Мейера (Салливэн, Лидц), в работах Фромм-Райхманн, а в более радикальной форме — в школе Лэнга, в рамках которых шизофрения считается не заболеванием, но психическим процессом, развивающимся с раннего детства и представляющим собой реакцию на особого рода межличностные отношения. Что же касается соматических нарушений, то Лэнг, например, рассматривает их как результат, а не как причину этого процесса.

Во-вторых, понятие шизофрении охватывает целый ряд различных психических нарушений, так что со времен Блейлера принято говорить скорее о шизофрениях, чем о шизофрении как едином заболевании.

Наконец, в-третьих, динамика шизофрении изучена еще очень слабо, и пока у нас слишком мало данных, позволяющих с уверенностью судить об этом процессе.

Весьма перспективным является, на мой взгляд, изучение связи шизофрении с другими типами психических нарушений, в частности с эндогенными депрессиями. Конечно, даже такой глубокий исследователь, как Блейлер, четко различал шизофрению и депрессивный психоз, и действительно клинические картины двух этих процессов не совпадают (хотя во многих случаях приходится ставить сложный диагноз, сочетающий признаки шизофрении, депрессии и паранойи). Тем не менее есть основания предполагать, что два эти заболевания представляют собой разные формы одного и того же психотического процесса. С другой стороны, может оказаться, что различия между разными видами шизофрении являются более фундаментальными, чем различия между шизофреническим и депрессивным процессами. Если это в самом деле так, это избавляет нас от видимого противоречия, ибо наряду с явными чертами шизофрении, свойственными

современному человеку, имеется еще одна очевидная его особенность — скука, в основе своей восходящая к состоянию хронической депрессии⁴⁰. Чтобы примирить между собой эти два наблюдения, можно либо поставить под сомнение какой-то из этих диагнозов, либо вообще отказаться от диагностики, сопряженной с навешиванием психиатрических ярлыков⁴¹.

Было бы в высшей степени удивительно, если бы умственный кибернетический человек *не* демонстрировал признаков хронической вялотекущей шизофрении (воспользуемся этим термином для простоты изложения). Ведь атмосфера, в которой он живет, лишь по своим количественным характеристикам отличается от обстановки, царящей, по данным, полученным Лэнгом и другими исследователями, в так называемых шизогенных семьях.

Я считаю возможным говорить в этой связи о «безумном обществе» и о проблемах, которые встают перед живущим в таком обществе здоровым человеком⁴². Общество, производящее в достаточно большом количестве людей, страдающих тяжелыми формами шизофрении, ставит под угрозу свое существование. Настоящий шизофреник характеризуется тем, что у него перекрыты все каналы общения с внешним миром. Он полностью замыкается в своем внутреннем мире, и главная причина, заставляющая считать его состояние тяжелым недугом, является социальной: он не может функционировать в обществе, не может как следует себя обслуживать и нуждается в той или иной мере в помощи других людей. (Это не совсем так, ибо существуют места, где благодаря финансовой поддержке государства созданы благоприятные условия, позволяющие шизофреникам работать и в значительной степени самостоятельно себя обслуживать.) Общество, тем более большое и сложное, не может быть управляемо шизофрениками. Однако с этой задачей вполне могут справиться индивиды с шизофренией, протекающей в мягкой форме. Такие люди не теряют способности «реалистического» мировосприятия, если понимать под этим способность судить о вещах с точки зрения их эффективного использования. Но способность личностного, субъективного, эмоционального восприятия может быть у них совершенно утрачена. Здоровый, нормально развитый человек может, к примеру, воспринимать розу как нечто огненное, пламенеющее (если он облакает это в слова, мы называем его поэтом), но он при этом полностью отдает себе отчет, что в мире физических реалий роза не согревает, как может согревать пламя. Современный человек склонен воспринимать мир *только* сквозь призму практических задач. Но это ничуть не меньший дефект, чем тот, который мы с готовностью квалифицируем как болезнь, а именно неспособ-

ность воспринимать мир «объективно» при сохранении способности личностного, субъективного, символического восприятия.

Кажется, первым, кто сформулировал понятие «нормального» безумия, был Спиноза. Некоторые люди, писал он, «упорно бывают одержимы одним и тем же аффектом. В самом деле, мы видим, что иногда какой-либо один объект действует на людей таким образом, что, хотя он и не существует в наличности, однако они бывают уверены, что имеют его перед собой, и когда это случается с человеком бодрствующим, то мы говорим, что он сумасшествует или безумствует... Но когда скупой ни о чем не думает, кроме наживы и денег, честолюбец — ни о чем, кроме славы и т. д., то мы не признаем их безумными, так как они обыкновенно тягостны для нас и считаются достойными ненависти. На самом же деле скупость, честолюбие... и т. д. составляют виды сумасшествия, хотя и не причислены к болезням»⁴³.

Наше время тем отличается от семнадцатого столетия, что установки, которые тогда, по словам Спинозы, «обыкновенно считались достойными ненависти», рассматриваются теперь как весьма похвальные.

Но мы должны двигаться дальше. «Патология нормы» (см.: Э. Фромм, 1955) редко становится причиной тяжелых психических расстройств, поскольку общество вырабатывает соответствующее противоядие. Когда патологические процессы становятся стереотипными, они теряют индивидуальный характер. Больше того, больной индивид, будучи окружен другими такими же индивидами, чувствует себя вполне в своей тарелке. Вся культура приспосабливается к патологии определенного типа и вырабатывает средства, удовлетворяющие запросы больных. В результате средний индивид не испытывает такого отчуждения и одиночества, на которое обречен настоящий шизофреник. Ему легко иметь дело с людьми, страдающими теми же нарушениями. А вот здоровый человек чувствует себя в больном обществе по-настоящему неуютно. И изоляция, которая для него почти неизбежна, может стать причиной развития у него психоза.

В контексте настоящего исследования важным является вопрос, помогает ли гипотеза квазиаутистических или квазিশизофренических нарушений объяснить факт повсеместного распространения насилия в современном мире. Здесь мы попадаем в область чисто умозрительных построений, которые смогут подкрепить только какие-то новые данные. Несомненно, насилие весьма характерно для аутизма, но мы еще как следует не знаем, как применить в нашем случае эту психиатрическую категорию. Что касается шизофрении, то пятьдесят лет тому назад ответ был бы вполне однозначным. Тогда ни у кого не было сомнений, что шизофреники агрессивны и что по этой причине их необходимо

запирать в дома умалишенных, откуда они не могли бы сбежать. Однако, как показал опыт создания ферм, где работают одни хронические шизофреники (например, ферма, организованная в Лондоне Лэнгом), они редко проявляют агрессивность, если их оставить в покое⁴⁴.

Но «нормального» индивида с признаками вялотекущей шизофрении беспокоят все время. Его толкают, пытаются вступить с ним в контакт, сплошь и рядом ранят его обостренные чувства. Вполне понятно, что в такой обстановке у многих индивидов, находящихся на грани нормы и патологии, проявляются разрушительные наклонности. В наименьшей степени это характерно, конечно, для индивидов, хорошо адаптированных к социальной системе, и в наибольшей — для тех, кто не нашел в ней своего места и не получает социального поощрения, то есть для неимущих, для представителей национальных меньшинств, для безработных и для молодежи.

Здесь мы должны остановиться, оставив вопрос о связи шизофрении (и аутизма) с разрушительными наклонностями до конца не решенным. Вслед за этим, по логике нашего рассуждения, должен идти вопрос о связи определенных форм шизофрении с некрофилией. Но моих знаний и опыта хватит лишь на то, чтобы сформулировать эту проблему и подвесить ее в воздухе в надежде, что она будет стимулировать дальнейшие исследования. Нам придется довольствоваться утверждением, что атмосфера, царящая в шизогенных семьях, очень напоминает социальные условия, приводящие к развитию некрофилии. К этому мы прибавим еще только одно соображение. Умственная ориентация не дает возможности видеть цели, связанные с развитием личности и выживанием общества. Для этого нужен разум, а это нечто большее, чем интеллект. Разум предполагает союз ума и сердца, согласованность мышления с чувствами. Потеря способности мыслить конструктивными визуальными образами является сама по себе серьезной угрозой выживанию.

Если мы поставим здесь точку, нарисованная нами картина будет неполной. Одновременно с нарастанием некрофильской тенденции в современном мире пробивает себе дорогу тенденция прямо противоположная, основу которой составляет любовь к жизни. Ее проявления многообразны. Это и протест против омертвления жизни, идущий со стороны различных социальных групп, но прежде всего — молодежи; и выступления против войны и загрязнения окружающей среды; и призывы к улучшению *качества* жизни; и та самоотдача, с которой молодые профессионалы обращаются к осмысленным и интересным занятиям, предпочитая их занятиям более престижным и доходным; и интенсивные духовные искания — какими бы они ни были порой

наивными. Даже обращение молодежи к наркотикам является искренней, хотя и ошибочной формой протеста, попыткой жить более интенсивно, используя методы потребительского общества. Тенденция жизнелюбия проявила себя и в том, что многие люди изменили свои политические убеждения в связи с войной во Вьетнаме. Такие случаи еще раз показывают, что хотя любовь к жизни была *подавлена*, но она не была *мертва*. Любовь к жизни является настолько глубоко укорененным биологическим качеством человека, что можно смело утверждать: кроме немногих сугубо патологических случаев, она в конечном счете всегда побеждает, хотя для этого и требуются особые личные и исторические обстоятельства. (В частности, это может происходить в результате психоанализа.) Само наличие и очевидное нарастание жизнелюбивых тенденций — единственное, что заставляет надеяться на успешный исход эксперимента под названием Номо сариенс. Я думаю, что ни в какой стране нет таких шансов ступить на путь жизнеутверждения, как в Соединенных Штатах, где надежда обрести счастье, следуя по пути «прогресса», обернулась иллюзией, очевидной для тех, кто имел возможность вкусить плодов технократического «рая». Но произойдет ли здесь крутой поворот в сознании — никому не известно. Силы, противодействующие такому ходу событий, очень сильны, и пока еще нет оснований для оптимизма. Но я верю, что есть основания для надежды.

Инцест и эдипов комплекс

Мы все еще очень мало знаем об условиях, благоприятствующих развитию некрофилии, и только дальнейшие исследования позволят пролить свет на эту проблему. Однако можно с уверенностью сказать, что безжизненная, мертвящая атмосфера в семье может стать серьезным фактором формирования некрофильской ориентации у индивида. Так же и в обществе в целом: недостаток жизнеутверждающих настроений, обстановка безнадёжности и господство разрушительных сил способствуют нарастанию некрофильских тенденций. На мой взгляд, весьма вероятно, что в развитии некрофилии существенную роль играет генетический фактор.

Теперь я хочу перейти к изложению гипотезы, относящейся к наиболее ранним истокам некрофилии, укорененным в детских переживаниях индивида. Несмотря на то что она находит подтверждение в обширном клиническом материале и в свидетельствах из области мифологического и религиозного сознания, она все же является достаточно умозрительной. На мой взгляд,

она достойна внимания с учетом того, что это лишь пробная попытка теоретического осмысления проблемы.

Вначале обратимся к явлению, не имеющему, на первый взгляд, прямого отношения к нашей теме. Речь идет об *инцесте* — вещи широко известной благодаря разработанным Фрейдом представлениям об эдиповом комплексе. Остановимся коротко на концепции Фрейда.

В соответствии с этой классической концепцией, маленький мальчик в возрасте пяти или шести лет избирает мать в качестве первого объекта своих сексуальных (фаллических) желаний («фаллическая стадия»). В обычной семейной ситуации отец выступает для него в роли ненавистного соперника. (Психоаналитики ортодоксального толка склонны обычно придавать слишком большое значение ненависти сына к отцу. Приписываемые мальчикам высказывания типа «когда папа умрет, я женюсь на маме» часто приводятся как свидетельство их разрушительных наклонностей. Однако я бы не стал понимать их буквально, ибо в этом возрасте смерть еще не воспринимается как реальность: скорее, это равнозначно утверждению «когда папа уедет». Более того, хотя соперничество с отцом несомненно существует, главным источником антагонизма является все же бунт сына против отцовской авторитарной позиции, обусловленной патриархальной традицией (см.: Э. Фромм, 1951). Вклад «эдиповой» составляющей в формирование разрушительных наклонностей, по моему мнению, крайне невелик.) Будучи не в состоянии покончить с отцом, мальчик начинает его бояться. В особенности его тревожит мысль, что, увидев в нем своего соперника, отец его кастрирует. «Страх кастрации» заставляет сына отказаться от сексуального влечения в матери.

Когда развитие следует норме, сыну удастся перенести свой интерес на других женщин. Обычно это происходит на завершающей стадии сексуально-генитального развития, то есть в период достижения половой зрелости. Он преодолевает соперничество с отцом, отождествляясь с ним, в частности, усваивая и присваивая его требования и запреты. Интернализованные таким образом идущие от отца нормы становятся содержанием его Супер-Эго. В случае патологического развития конфликт не удастся разрешить таким путем. Сына не покидает влечение к матери, и на протяжении последующей жизни его привлекают женщины, выступающие по отношению к нему в той же функции, что и мать. В результате он оказывается не способен влюбиться в женщину своего возраста и продолжает испытывать страх перед отцом или перед теми фигурами, которые отца замещают. От женщин, которых он выбирает, он ждет обычно тех качеств,

которые демонстрировала по отношению к нему мать: безусловной любви, защиты и восхищения.

Такой тип мужчин с фиксацией на матери всем хорошо знаком. Обычно эти мужчины эмоциональны и в определенном смысле могут «влюбляться», не расставаясь при этом со свойственным им крайним нарциссизмом. Ощущение, что они более значимы для матери, чем для отца, убеждает их в собственной безусловной ценности, и, уже будучи взрослыми, они не чувствуют необходимости совершать какие-либо реальные действия, которые подтвердили бы их исключительность. Пока мать (или та, которая ее замещает) любит их безусловно и беззаветно, это является достаточным доказательством их ценности. Поэтому они невероятно ревнивы, ибо они должны быть уверены в незыблемости этой своей позиции. В то же время, сталкиваясь с необходимостью самостоятельно совершать реальные действия, они всегда ощущают неуверенность и незащищенность. Пусть даже они делают что-то с успехом, все равно никакие действия не дают им того ощущения превосходства над всеми мужчинами, которое они испытывают вследствие материнской любви (хотя бессознательно их неотступно преследует чувство собственной неполноценности). Таков ярко выраженный тип мужчины с материнской фиксацией. Если эта фиксация является менее сильной, нарциссическая иллюзия собственной безусловной значимости смешивается в определенной пропорции с реальными достижениями.

Итак, Фрейд исходил из того, что привязанность сына к матери основывается на сексуальном влечении, а логическим следствием является его ненависть к отцу. Мои многолетние наблюдения заставили меня усомниться в том, что сексуальное влечение к матери является главной причиной эмоциональной привязанности, которую испытывает по отношению к ней сын. Не имея возможности подробно анализировать здесь факты, которые привели меня к этому заключению, попробую прояснить лишь один из аспектов этой проблемы.

Во время рождения и некоторое время спустя привязанность ребенка к матери дает все основания для формирования нарциссизма (хотя уже вскоре младенец начинает проявлять интерес к окружающим его внешним объектам). Если на физиологическом уровне младенец существует уже отдельно от матери, то психологически он еще какое-то время продолжает пребывать как бы во «внутриутробном» состоянии. Его основные жизненные отправления по-прежнему совершаются через мать: она его кормит, заботится о нем, его поощряет, согревает его — физически и эмоционально, создавая этим условия для его здорового развития. Со временем привязанность ребенка к матери приобретает более теплый, личностный характер. Мать начинает

выступать для него уже не как дом-утроба, а как человек, к которому он особенно расположен. В этот момент ребенок вылупывается из своей нарциссической скорлупы. Он любит мать, хотя любовь эта все еще очень неравноправна и скрывает под собой внутреннюю зависимость. Когда у мальчика появляются сексуальные реакции («фаллическая фаза», по Фрейду), эмоциональная привязанность к матери приобретает также эротическую окраску. Однако сексуальное влечение к матери не является исключительным. Как пишет сам Фрейд, влечение к матери появляется у мальчиков примерно в пять лет, но в то же время их начинают привлекать и девочки одного с ним возраста⁴⁵. В этом нет ничего удивительного, ибо сексуальное влечение само по себе не привязано ни к какому объекту. Но вот эмоция может сделать привязанность к *одному* человеку глубокой и длительной. В тех случаях, когда фиксация на матери переживает пубертат и длится всю жизнь, причиной является сила эмоциональной привязанности.

Фиксация на матери не является только проблемой развития ребенка. Конечно, глубокая симбиотическая зависимость от матери вменена ребенку чисто биологически. Но взрослый, который вроде бы физически свободен и может совершать любой выбор, тоже, как мы видели, оказывается бессилем перед этой ситуацией. Однако мы лишь тогда поймем всю силу влечения к матери, если увидим в нем не только отзвук детской неизбежной зависимости, но и более глубокие гуманитарные причины. Привязанность к матери потому так сильна, что она является ответом на стоящую перед человеком экзистенциальную проблему — стремление вернуться в «рай», где не существует мучительных противоречий, где человек может жить, не испытывая стыда, не трудясь в поте лица, не страдая в единении с природой, с самим собой, со своим ближним. Расширившееся сознание (плод с Древа Познания Добра и Зла) несет с собой неразрешимый конфликт: человек (мужчина и женщина) проклят, изгнан из рая и не вправе туда вернуться. Разве не удивительно, что желание вернуться в рай никогда его не покидает, хотя он «знает», что это невозможно, ибо он рожден человеком?

Появление в отношении сына к матери сексуальной окраски является само по себе хорошим знаком. Оно свидетельствует о том, что фигура матери приобрела черты личности, женщины, а мальчик стал маленьким мужчиной. То, что в некоторых случаях это влечение является особенно интенсивным, можно интерпретировать как защиту от более ранней инфантильной зависимости. Когда инцестуальная⁴⁶ привязанность к матери не проходит по достижении пубертата и сохраняется на всю жизнь, мы имеем дело с невротическим развитием. Мужчина остается

зависим от матери или от ее заместителей, испытывает страх перед женщинами и является более ребенком, чем взрослым. Такое развитие нередко бывает спровоцировано матерью, которая по каким-то причинам — то ли от недостатка любви к мужу, то ли от желания обладать *своим* сыном, то ли от нарциссической гордости за него, — сама слишком к нему привязывается и различными способами (лаской, покровительством, восторгами) совращает его, привязывая к себе на всю жизнь⁴⁷.

Когда Фрейд описывал эдипов комплекс, он имел в виду эту теплую, эротическую, а иногда и сексуально окрашенную привязанность сына к матери. Такой тип инцестуальной фиксации встречается достаточно часто. Но наряду с ним встречается, хотя и значительно реже, иной тип, обладающий совсем иными качествами. Его можно назвать злокачественной инцестуальной фиксацией. В соответствии с моей гипотезой, он имеет самое непосредственное отношение к некрофилии и выступает как одна из наиболее ранних ее предпосылок.

Я говорю о детях, у которых не возникает никакой эмоциональной связи с матерью, способной пробить скорлупу их аутической самодостаточности. В крайних формах это проявляется у *аутичных детей*. Они так никогда и не вылупляются из своего нарциссического кокона, не находят в матери объекта любви, не испытывают ни к кому привязанности. Они смотрят сквозь людей, как будто это неодушевленные предметы, а интерес проявляют чаще всего к механическим объектам.

Представим себе континуум индивидуальных случаев, расположенных между двумя полюсами: на одном из них находятся аутичные дети, а на другом — дети с нормальным развитием эмоциональной сферы. Среди этих случаев несомненно найдутся дети, которые не являются аутичными, но очень к ним близки: аутизм выражается у них в мягкой форме. Возникает вопрос: что происходит с такими детьми, когда у них образуется инцестуальная фиксация?

По-видимому, у них никогда не возникнет теплого, эротического, а позднее сексуального чувства к матери, и не будет желания быть рядом с ней. Не будут они потом и влюбляться в женщин, похожих на мать. Мать для них останется просто символом, призраком, а не реальным человеком. Это символ земли, дома, крови, расы, нации и той почвы, из которых все живое выходит и в которую возвращается назад после смерти. Это также символ самой смерти и хаоса. Это не мать, дающая жизнь, но — мать, дающая смерть. Ее объятия — объятия смерти. Ее лоно — могила. Притяжение к матери-смерти — не любовь, не привязанность в обычном психологическом смысле, предполагающая эмоционально теплое отношение. Здесь скорее подойдет образ

магнита или сил гравитации. Человек, привязанный к матери злокачественными инцестуальными узами, полностью сохраняет свой нарциссизм, остается холоден, неконтактен. Его влечет к матери, как влечет кусок железа к магниту. Она — океан, в котором он хотел бы утонуть⁴⁸, могила, в которой ждал бы быть погребен. Причиной такого развития является, по-видимому, невыносимое состояние абсолютного одиночества нарциссической личности. Если нет способа сблизиться с матерью в теплой, душевной связи, пусть связь с нею и с остальным миром станет последним единением в смерти.

Двойственная роль матери как богини творения и богини разрушения отчетливо выражена во многих мифологических и религиозных сюжетах. Прах, из которого сотворен человек, лоно, из которого вышли деревья и травы, — это то же самое место, куда после смерти возвращаются все тела. Лono матери-земли — одновременно могила. Классическим примером двуликой богини-матери является индуистская Кали, дарующая жизнь и ее отнимающая. Есть неолитические богини, выступающие в тех же двух ипостасях. Эта двойственная функция матери выражается и в сновидениях, где она может выступать в двух обликах. В одних случаях она проявляется как благодетельная, любящая покровительница. Но мне известно и много случаев, когда материнским символом в сновидении оказывалась ядовитая змея или опасный зверь, например лев, тигр или гиена. Я располагаю обширными клиническими материалами, свидетельствующими о том, что страх перед матерью-разрушительницей является гораздо более сильным, чем страх перед карающим, кастрирующим отцом. По-видимому, от опасности, исходящей от отца, можно защититься покорностью, послушанием. Но от разрушительного материнского начала защиты нет. Ее любовь нельзя заслужить, ибо она безусловна. Ее ненависть ничем не смягчить, ибо она тоже не имеет причины. Любовь матери — благословение, ненависть — проклятье. И ни то, ни другое не подвластны тому, на кого они обращены.

Таким образом, *доброкачественная инцестуальная фиксация является нормальной переходной стадией в индивидуальном развитии, в то время как злокачественная инцестуальность — это ярко выраженная патология, возникающая в тех случаях, когда какие-то условия не дают сформироваться доброкачественным инцестуальным связям.* Моя гипотеза заключается в том, что злокачественная инцестуальность является одной из глубинных причин некрофилии, а может быть, и вообще главной ее причиной.

Такое патологическое влечение к смерти, если оно возникает, вступает в конфликт со всеми остальными импульсами, направленными на сохранение жизни. Поэтому оно действует скрытно

и почти всегда является бессознательным. Человек, одержимый этой злокачественной страстью, будет пытаться общаться с другими людьми, используя более приемлемые типы отношений, например, станет контролировать других как садист или будет стремиться вызвать всеобщее восхищение, питающее его нарциссизм. Если ему удастся найти более или менее удовлетворительное решение, например добиться профессионального успеха и признания, его деструктивность может никогда по большому счету себя не обнаружить. Но если его станут преследовать неудачи, злокачественные тенденции могут выйти наружу и страсть к саморазрушению и разрушению других проявится в полную силу.

Мы сегодня немало знаем о том, как формируется доброкачественная инцестуальность, но знания об условиях, ответственных за детский аутизм и, следовательно, за злокачественную инцестуальность, пока еще очень бедны. Пока можно лишь высказывать различные предположения. Так, судя по всему, известную роль здесь может играть генетический фактор. Это не означает, что есть ген злокачественной инцестуальности, но может быть генетическое предрасположение к холодности, чреватое неспособностью сформировать теплое отношение к матери. Вторым условием может оказаться характер самой матери. Если она холодна, неконтактна и демонстрирует некрофильскую ориентацию, ребенку будет непросто привязаться к ней сердцем. Однако и ребенка, и мать надо рассматривать только в процессе их взаимодействия. Ребенок, предрасположенный к проявлению душевного тепла, может растопить лед материнской холодности либо найти заместителя матери, с которым у него сложатся теплые отношения. Это может быть дедушка или бабушка, старший брат или сестра, а в принципе — кто угодно. С другой стороны, холодный ребенок может испытать благотворное влияние глубоко любящей и заботливой матери. Правда, иной раз бывает трудно разглядеть принципиальную холодность матери, скрывающуюся под маской заботы и ласки, являющейся данью принятым в обществе правилам игры.

Третья возможность — это травма, полученная ребенком в первые годы жизни, которая стала причиной развития в нем активной ненависти, холодности, а затем и злокачественной инцестуальной фиксации. Эту возможность надо всегда иметь в виду, не забывая, однако, что она является скорее исключением, нежели правилом. В литературе, анализирующей причины детского аутизма и ранней шизофрении, особенно подчеркивается защитная функция аутичного поведения по отношению к чересчур навязчивой матери.

Данная гипотеза, объясняющая механизм возникновения злокачественной инцестуальной фиксации и ее роль как причины некрофилии, несомненно нуждается в дальнейших исследованиях. Как эта гипотеза «работает», мы еще увидим на примере анализа характера Гитлера.

Инстинкты жизни и смерти по Фрейд и их отношение к биофилии и некрофилии

Завершая обсуждение некрофилии и ее противоположности — биофилии, сравним эти понятия с понятиями инстинкта смерти и инстинкта жизни (Эроса), введенными Фрейдом. Эрос соединяет органическую субстанцию, связывает ее в живые целостности, в то время как инстинкт смерти стремится их разъединить, умертвить, разложить на части. Соотношение некрофилии с инстинктом смерти вряд ли нуждается в объяснении. Но вот относительно Эроса и биофилии надо сказать несколько слов.

Биофилия — это страстная любовь к жизни и ко всему живому. Это стремление поддерживать рост и развитие независимо от того, идет ли речь о развитии личности, растения, идеи или социальной группы. Биофил как тип личности предпочитает конструктивную деятельность охранительной. Он стремится скорее кем-то быть, чем что-то иметь. У него есть воображение, и он любит искать новое, а не подтверждать старое. Он ценит в жизни неожиданность больше, чем надежность. Он видит целое прежде частей, структуры предпочитает совокупностям. Он стремится воздействовать любовью, разумом и примером, но не силой, не разъединением, не администрированием и не манипулированием людьми как вещами. Поскольку он находит радость в жизни, во всех ее проявлениях, он не принадлежит к числу страстных потребителей искусственных «развлечений» в модных упаковках.

Этика биофилии основана на выработанных ею представлениях о добре и зле. Добро — все, что служит жизни, зло — все, что служит смерти. Добро — благоговение перед жизнью⁴⁹, утверждение жизни, роста, расцвета. Зло — все, что сковывает жизнь, сужает ее возможности, разделяет на части.

Отличие концепции Фрейда от описанных представлений относится не к их содержанию. Но у Фрейда обе тенденции равнозначны и биологически заданы. В то же время биофилия понимается как биологически нормальный импульс, а некрофилия — как *психопатологическое явление*. Некрофилия возникает как результат ненормального развития, как психическое «уродство». Это продукт неживой жизни, результат неудачной попытки преодолеть нарциссизм и безразличие. *Деструктивность не параллельна, но альтернативна биофилии. Любовь к жизни или*

любовь к смерти — это основополагающая альтернатива, стоящая перед каждым человеком. Некрофилия дает свои побеги там, где увяла биофилия. Способность быть биофилом дана человеку природой, но психологически он имеет возможность ступить на путь некрофилии как альтернативного решения.

Психическая необходимость развития некрофилии как проявления фундаментальной ущербности заключена в экзистенциальной ситуации человека. Если он не в состоянии ничего создать и никого взволновать, если он не может вырваться из тюрьмы своего тотального нарциссизма и одиночества, он может уйти от невыносимого чувства собственного бессилия и никчемности, только утверждая себя в разрушении того, что он не способен создавать, — в разрушении жизни. Усилия, внимание, осторожность здесь ни к чему; все, что нужно для разрушения, это крепкие кулаки или нож, или пистолет⁵⁰.

Клинические и методологические принципы

И в заключение — несколько клинических и методологических замечаний.

1. Присутствие одной или двух черт — недостаточное основание для диагностирования некрофильского характера. На это есть ряд причин. Иногда поведение, указывающее как будто на некрофилию, может быть не характерологической особенностью, а следствием культурной традиции или иных факторов такого же рода.

2. С другой стороны, для диагностирования некрофилии необязательно одновременное присутствие всех ее характерных черт. Есть множество личностных и культурных факторов, которые могут вносить искажения в картину. Кроме того, некоторые характерные черты не удастся обнаружить у людей, которые их успешно прячут.

3. Важно понять, что *полных* некрофилов относительно немного. Рассматривая их как случаи тяжелой патологии, можно попытаться установить на этом материале признаки генетической предрасположенности к данному заболеванию. Подавляющее же большинство людей, как следует из биологических соображений, должно иметь какие-то, пусть слабые, биофильские тенденции. Среди них какой-то процент будут составлять люди, у которых некрофильская ориентация отчетливо доминирует, и мы недалеко от истины, называя их некрофилами. У остальных (они по-прежнему будут составлять большинство) некрофильские тенденции будут сочетаться с расположением к биофилии, достаточно сильным, чтобы это приводило к внутреннему конфликту. Такой конфликт зачастую бывает очень продуктивным. Результат этого

конфликта для мотивации личности будет зависеть от ряда переменных. Прежде всего — от относительной интенсивности каждой из двух тенденций; затем — от наличия социальных условий, благоприятствующих развитию той или иной тенденции; наконец — от конкретных событий в жизни человека, которые могут склонить его в ту или другую сторону. За этим следуют люди, у которых отчетливо доминирует биофилия, а слабые некрофильские импульсы легко обуздываются, или подавляются, или выступают в роли индикатора, позволяющего распознавать некрофильские побуждения в себе самом и в других. И очень немногочисленную группу составляют люди, у которых нет и следа некрофилии. Это чистые биофилы, движимые интенсивной любовью ко всему, что есть жизнь. Среди известных представителей этой категории можно назвать Альберта Швейцера, Альберта Эйнштейна и папу Иоанна XXIII.

Соответственно никакой границы между некрофилами и биофилами не существует. Как и в случае любых других характерологических черт, комбинаций здесь так же много, как и индивидов. Но, как бы то ни было, всегда можно отличить преимущественного некрофила от преимущественного биофила.

4. Перечислю бегло методы, с помощью которых можно обнаружить некрофильский характер: а) наблюдение поведения индивида, в особенности его произвольных элементов, таких, как выражение лица, подбор слов, а кроме того, многое могут сказать его общая философия и наиболее важные решения, которые он принимал в своей жизни; б) анализ снов, шуток, фантазий; в) оценка его отношения к другим людям, действия, которые он на них оказывает, и его предпочтений в общении; г) применение проективных тестов, например теста Роршаха. (М. Маккоби успешно использовал этот тест для диагностирования некрофилии.)

5. Вряд ли стоит говорить, что ярко выраженные некрофилы опасны. Они преисполнены ненависти, расистских предрассудков, движимы жадой войны, крови и разрушения. Они опасны не только в роли политических лидеров, но и в качестве потенциальных исполнителей «черной работы» на службе любого диктаторского режима. Без них не смогла бы функционировать ни одна система, основанная на терроре и насилии. Но и умеренные некрофилы тоже играют важную роль в политике. Не будучи на первых ролях, они тем не менее необходимы режиму, так как составляют его опору в массах.

6. Принимая это во внимание, было бы важно знать, какой процент населения принадлежит к выраженным некрофилам, а какой — к биофилам. Причем знать не только относительную численность каждой группы, но и то, как распределяются они по

отношению к возрасту, полу, образованию, социальному статусу, профессии и месту проживания. Мы изучаем политические мнения, ценностные суждения и т. д. и, применяя соответствующую технику выборки, составляем представление о настроениях в стране. Но результаты таких исследований говорят лишь о том, каких мнений придерживаются люди, но не какой они имеют *характер*, то есть какими они руководствуются на самом деле убеждениями. Если провести исследование на тех же выборках, но иными методами, которые позволят распознать побудительные (часто бессознательные) мотивы, скрывающиеся за ширмой мнений и явного поведения, мы узнаем значительно больше об интенсивности и направленности, которую имеет в нашей стране человеческая энергия. Может быть, нам даже удастся защитить себя от каких-нибудь неожиданностей, которые задним числом всегда объявляются необъяснимыми. Или все, что нас интересует, это энергия, необходимая для материального производства, но не *человеческая энергия*? Но разве не она составляет подлинную основу социальных процессов?

АДОЛЬФ ГИТЛЕР: клинический случай некрофилии

Предварительные замечания

Всякое психоаналитическое биографическое исследование в принципе отвечает на два вопроса: 1) Какие силы и страсти мотивируют личность, что побуждает человека вести себя так, а не иначе? 2) Каковы условия — внешние и внутренние, — в которых эти страсти получают развитие, иначе говоря, складываются черты характера данного человека? Обращаясь к анализу личности Гитлера, я также ставил перед собой эти два вопроса, однако мой метод в некоторых существенных чертах отличался от классического метода Фрейда.

Внимание мое было в основном сфокусировано на некрофилии Гитлера, и я лишь вскользь касался других аспектов его личности, таких, как склонность к эксплуатации или символизация фигуры матери в образе Германии.

Одна из отличительных особенностей данного исследования была продиктована убеждением, что движущие силы личности не являются по своей природе только инстинктивными, в частности сексуальными. Другая особенность вытекала из предположения, что, даже если мы ничего не знаем о детских годах индивида, мы можем тем не менее выявить его основные мотивы, главным образом бессознательные, анализируя сны, спонтанное поведение, жесты, речь и действия, не всегда поддающиеся рациональному объяснению (так называемый «рентгеновский подход»). Специальная психоаналитическая подготовка делает интерпретацию такого материала вполне возможной.

И все же наиболее существенное отличие данного метода заключается в следующем. Психоаналитик классической школы считает, что к возрасту пяти-шести лет развитие характера в общем заканчивается и в дальнейшем какие-либо его изменения могут возникать только вследствие терапии. Весь мой опыт привел меня к заключению, что это представление механистично, что оно не учитывает всей жизни индивида, развития характера как системы и потому является крайне уязвимым.

Человек рождается на свет отнюдь не безликим. Он не только наследует определенный темперамент и другие заложенные в генах предпосылки формирования характера, но также испытывает влияние событий жизни родителей и обстоятельств своего рождения. Все это уже дает ему лицо, обеспечивает индивиду-

альность. Затем он вступает в контакт с определенной средой — с родителями и другими значимыми для него людьми — и, так или иначе реагируя на эту среду, развивает характер. К восемнадцати месяцам черты его являются уже более определенными, чем они были в момент рождения. Однако процесс еще не закончился, и в дальнейшем он может идти по разным направлениям, — в зависимости от того, какие силы будут на него влиять. В возрасте, скажем, шести лет характер определился еще более, но способность к изменениям вовсе не умерла: если в жизни появятся новые существенные обстоятельства, человек может перемениться. В общем, развитие характера подчинено принципу скользящего масштаба. Начиная жизнь с набором некоторых качеств, индивид предрасположен двигаться в определенных направлениях. На первых порах личность его является достаточно гибкой и способна меняться в заданных этим набором пределах. Но с каждым шагом выбор становится меньше, круг возможностей все сужается. Чем более оформился характер, тем сильнее должно быть влияние обстоятельств, способных его существенно изменить. В конце концов перспектива развития становится настолько узкой, что перемену может вызвать, казалось бы, только чудо.

Из этого, конечно, не следует, что обстоятельства раннего детства не оказывают более сильного влияния, чем последующие события жизни. Но хотя детские впечатления, как правило, сильнее влияют на становление личности, все же они не определяют ее целиком. Поэтому более поздние события, если они являются достаточно драматичными, могут оказаться в этом смысле и более существенными. Представление о неизменности однажды оформившегося характера потому является столь расхожим, что жизнь большинства людей запрограммирована, лишена спонтанности, что в ней действительно не происходит ничего нового и последующие события только подтверждают предыдущие.

Реальное число возможных направлений развития характера находится в обратной пропорции к определенности личностной структуры. Однако структура эта никогда не является настолько фиксированной, чтобы вообще не допускать перемен. Мы не можем сбрасывать со счетов вероятность экстраординарных жизненных событий, пусть даже с точки зрения статистики она стремится к нулю.

На практике это означает, что характер человека в возрасте двадцати лет не обязательно является повторением его характера в пятилетнем возрасте. Так, в случае Гитлера нельзя с уверенностью утверждать, что уже в детстве у него сложился характер некрофила, однако можно рассчитывать найти предпосылки некрофилии в ряду других имевшихся у него в раннем

возрасте перспектив развития. И лишь в результате определенной последовательности событий (в том числе событий внутренней жизни) личность его могла оформиться таким образом, что некрофилия стала неотъемлемой и практически неизменной чертой его характера, прослеживаемой в разнообразных явных и неявных формах. Я попытаюсь вскрыть ранние корни некрофилии Гитлера и показать, как на различных этапах жизни этого человека складывались условия, направлявшие его развитие по этому руслу, и как в результате все остальные возможности оказались для него закрыты.

Родители и первые годы жизни ⁵¹

Клара Гитлер

Подчас характер родителей влияет на развитие ребенка сильнее, чем те или иные отдельные события. Впрочем, тех, кто придерживается упрощенного взгляда, что дефекты развития ребенка прямо пропорциональны порочности его родителей, ждет разочарование: насколько нам известно, и отец, и мать Гитлера были люди основательные, благонамеренные и вовсе не отличались разрушительными наклонностями.

Мать Гитлера, Клара, представляется женщиной симпатичной и вполне приспособленной к жизни. Необразованная деревенская девушка, она была служанкой в доме Алоиза Гитлера, ее дядюшки и будущего мужа. Когда умерла его жена, Клара стала любовницей Алоиза и забеременела от него. Она вышла замуж за овдовевшего Алоиза 7 января 1885 г., когда ей было двадцать пять лет, а ему — сорок семь.

Она была человеком трудолюбивым и ответственным. Несмотря на то что брак ее был не очень счастливым, она никогда не жаловалась. Обязанности свои она выполняла самоотверженно и добросовестно.

«Дом и семейные интересы были для нее все. Упорным трудом она крепила благополучие семьи и получала от этого удовольствие. Еще важнее были для нее дети. Все, кто знал ее, были согласны в том, что преданная любовь к детям была основой ее жизни. Единственное, в чем ее когда-либо обвиняли, это в том, что, любя детей, она слишком их баловала и дала развиваться в сыне чувству собственной исключительности, — странное, надо сказать, обвинение в адрес матери. Впрочем, сами дети не разделяли этого мнения. И приемные дети, и ее родной, переживший младенчество сын, — все они испытывали любовь и уважение к матери» (Б. Ф. Смит, 1967).

Обвинение в чрезмерном потакании сыну, которое привело к развитию в нем чувства собственной исключительности (читай — нарциссизма), не так уж абсурдно, как думает Смит. Более того, это, по-видимому, верно. Однако мать баловала Гитлера лишь до тех пор, пока он не пошел в школу. Перемена в ее отношении была связана, скорее всего, с рождением второго сына, который появился, когда Адольфу было пять лет. Впрочем, в целом ее отношение к сыну оставалось до конца жизни позитивным и ровным, и рождение брата не стало для Гитлера травмирующим фактором, как это склонны считать некоторые психоаналитики. Клара, возможно, перестала баловать Адольфа, но вовсе не охладела к нему. В ней росло понимание, что он должен взрослеть, приспосабливаться к реальности, и, как мы еще увидим, она делала что могла, дабы ускорить этот процесс.

Вглядываясь в этот образ ответственной и любящей матери, мы должны задать ряд серьезных вопросов. Как можно увязать этот образ с нашей гипотезой о детском аутизме Гитлера и о его кровосмесительных наклонностях, отягощенной некрофилией? На наш взгляд, здесь следует рассмотреть несколько вариантов. (1) Гитлер был конституционно настолько холоден и неконтактен, что материнское тепло и любовь не могли проникнуть сквозь скорлупу его аутизма. (2) Возможно также, что привязанность матери была чрезмерной (о чем имеются свидетельства) и воспринималась застенчивым ребенком как навязчивость, от которой он стремился уклониться⁵². Мы недостаточно знаем о личности Клары, чтобы решить, какой из этих вариантов правдоподобнее, но, учитывая известные нам особенности ее поведения, можем утверждать, что оба являются вполне вероятными.

Еще одна возможность состоит в том, что Клара была человеком невеселым и, будучи движима в своем поведении одним только чувством долга, в действительности давала сыну мало тепла. В конце концов, жизнь ее не была счастливой. Следуя обычаям австро-немецкого среднего класса, она должна была рожать детей, следить за домом и во всем подчиняться авторитету супруга. Ее возраст, отсутствие образования, более высокий социальный статус мужа и его эгоизм (впрочем, вполне беззлобный), — все это только усугубляло тяжесть ее положения. Она могла стать с годами печальной, подавленной женщиной, быть может, даже не по природе своего характера, а вследствие этих обстоятельств. Наконец, дело могло обстоять и так, что под маской любящей, заботливой матери скрывалась холодная, шизоидная натура. Но это наименее вероятно. Как бы то ни было, у нас слишком мало конкретных сведений о деталях

поведения Клары, чтобы окончательно решить, какая из этих гипотез верна.

Алоиз Гитлер

Отец Гитлера был фигурой несколько менее симпатичной. Незаконнорожденный ребенок, носивший фамилию своей матери (Шикльгрубер — позднее он сменил ее на фамилию Гитлер), он начинал жизнь в более чем стесненных финансовых обстоятельствах и только благодаря собственному усердию и дисциплине смог продвинуться от роли мелкого чиновника австро-венгерской таможенной службы к достаточно высокой должности в этой же системе, превратившись в весьма уважаемого представителя среднего класса. Он умел экономить и скопил довольно денег, чтобы купить дом, ферму и, выйдя на пенсию, обеспечить семье вполне комфортабельное существование. Он, несомненно, был эгоистом и мало заботился о чувствах своей супруги, впрочем, не слишком отличаясь в этом от многих других представителей своего класса и своей среды.

Алоиз Гитлер любил жизнь — преимущественно в виде вина и женщин. Нельзя сказать, чтобы он был повеса и дамский угодник, но и явно не считал себя связанным нравственными устоями австрийского среднего класса. Вдобавок он любил пропустить стаканчик вина, а иногда и лишний, не будучи при этом пьяницей, как это пытаются представить некоторые авторы. Но, пожалуй, самым ярким проявлением жизнелюбия был его глубокий и неиссякаемый интерес к пчелам и пчеловодству. Почти весь свой досуг проводил он у пчелиных ульев, отдаваясь этому занятию с увлечением, сравнимым разве что с его рвением по службе. Мечтой его жизни было купить ферму, где он мог бы держать много пчел. И в конце концов он осуществил эту мечту. Хотя первая ферма, которую он приобрел, оказалась чересчур большой, к концу жизни он владел как раз нужным количеством земли и наслаждался безмерно.

Алоиза Гитлера иногда рисуют грубым тираном, пытаясь, по-видимому, дать этим объяснение характеру его сына. Он не был тираном, но был достаточно авторитарен, был движим чувством долга и считал, что обязан полностью определять жизнь своего сына, пока тот не достиг совершеннолетия. Насколько нам известно, он никогда не бил сына. Он ругал его, спорил с ним, старался внушить ему, что для него благо, но он не был фигурой, наводившей на сына ужас. Как мы еще увидим, растущая безответственность Адольфа, его уход от реальности заставляли отца читать ему нотации и пытаться наставить его на путь.

Многое говорит нам о том, что Алоиз не был в отношениях с людьми ни равнодушным, ни надменным. Он не относился к числу фанатиков и в общем отличался терпимостью. Об этом свидетельствуют и его политические взгляды: он был либерально и антиклерикально настроен, живо интересовался политикой. Он умер от сердечного приступа, читая газету. Последними его словами была сердитая реплика в адрес «этих черных» — так называли реакционное духовенство.

Чем объяснить, что два таких благонамеренных, устойчивых, очень нормальных и совсем не склонных к разрушению человека дали жизнь Адольфу Гитлеру, будущему «чудовищу»?⁵³

От рождения до шести лет (1889-1895)

Судя по всему, ребенок был главной радостью в жизни матери. Она восхищалась им, баловала, никогда не бранила. Все, что он делал, было хорошо. Ее внимание и любовь были целиком сосредоточены на сыне. Весьма вероятно, что такое отношение матери способствовало развитию его нарциссизма и его пассивности. Быть хорошим не составляло труда: он вызывал безусловное восхищение матери. И стремиться к чему-либо было излишне, ибо мать удовлетворяла все его желания. Он же, в свою очередь, командовал ею и, раздражаясь, метал, бывало, громы и молнии. Но, как мы уже отмечали, он мог ощущать ее сверхопеку как навязчивость и реагировать на нее, замыкаясь в себе. То обстоятельство, что отец по долгу службы много времени проводил вне дома, способствовало более глубокому развитию взаимоотношений матери с сыном. Каким бы ни было влияние мужского авторитета, оно в этой ситуации практически отсутствовало. Кроме того, пассивность мальчика, вероятно, усиливалась из-за его болезненности, заставляющей мать относиться к нему с удвоенным вниманием.

Эта фаза завершилась, когда Адольфу исполнилось шесть лет. Окончание ее отмечено несколькими обстоятельствами.

Наиболее очевидным (особенно с точки зрения классического психоанализа) было, безусловно, рождение младшего брата. Адольфу тогда было пять лет. В результате он лишился позиции главного объекта материнского внимания и заботы. Вообще, такое событие часто оказывается для ребенка не травмирующим, а благотворным: устраняя фактор зависимости от матери, оно стимулирует личность к активности. Вопреки распространенному мнению, имеющиеся свидетельства говорят о том, что юный Гитлер вовсе не испытывал в этой ситуации приступов ревности, а напротив, в течение первого года после рождения брата всю жизнь наслаждался жизнью⁵⁴. Этому, наверное, способствовало и то, что

отец получил новое назначение в Линце, в то время как семья, опасаясь, по-видимому, за здоровье новорожденного, продолжала жить в течение года в Пассау.

«Целый год Адольф жил райской жизнью пятилетнего мальчика, играя и проказничая с соседскими ребятами. Игра в войну, стычки индейцев с ковбоями были его любимым занятием, вкус к которому остался у него надолго. Поскольку дело происходило в Германии (с немецкой стороны австрийско-немецкой границы, где располагалась таможенная инспекция австрийцев), игры шли, по-видимому, по сценарию франко-немецких столкновений 1870 г., хотя национальность побежденных не имела большого значения. По всей Европе маленькие мальчики без зазрения совести истребляли в своих играх различные народы и народности. Этот год, посвященный детским сражениям, был в жизни Гитлера чрезвычайно важным. И не только потому, что он провел его на немецкой земле и даже усвоил характерный баварский выговор. Главным, пожалуй, было то, что он совершил бегство в царство практически полной свободы. Он начал самоутверждаться дома, и, по-видимому, именно в этот период стали появляться первые вспышки слепой ярости, возникавшие, когда что-то вставало у него на пути. Там, где кончалась игра, он не хотел признавать сдерживающих факторов и ограничений» (Б.Ф. Смит, 1967).

Эта райская жизнь внезапно закончилась, ибо отец вышел в отставку, семья перебралась в Хафельд близ Ламбаха, а сын, которому исполнилось шесть лет, должен был идти в школу. Жизнь Адольфа «вдруг оказалась ограничена узким кругом дел и обязанностей, требующих дисциплины. Впервые ему пришлось систематически и последовательно подчиняться правилам» (Б. Ф. Смит, 1967).

Что можно сказать о развитии характера мальчика к концу этого первого отрезка его жизни?

По Фрейду, это период, когда полностью развиваются обе стороны эдипова комплекса: сексуальная привязанность к матери и враждебность к отцу. Свидетельства, казалось бы, подтверждают этот фрейдистский тезис: юный Гитлер был глубоко привязан к матери и находился в конфронтации с отцом. Однако ему не удалось изжить этот комплекс, отождествившись путем формирования Супер-Эго с фигурой отца и преодолев привязанность к матери. Рождение брата-соперника он воспринял как ее предательство и от нее отстранился.

Эта интерпретация в духе классического психоанализа вызывает, однако, ряд серьезных вопросов. Если рождение брата стало для пятилетнего Адольфа такой травмой, приведшей к разрыву с матерью, и сменой «любви» к ней на враждебность и ненависть,

почему же тогда год, последовавший за этим, был таким счастливым, может быть, самым счастливым периодом его детства? И правомерно ли объяснять его ненависть к отцу соперничеством по эдиповой схеме, если взаимоотношения матери с мужем были, по-видимому, весьма прохладными? Не будет ли правильнее считать причиной антагонизма исходившие от отца требования дисциплины и ответственности?

Вопросы эти находят ответ в предположении о развившейся у Гитлера в раннем возрасте кровосмесительной наклонности, отягощенной некрофилией. Если это так, то его фиксация на матери была изначально лишена тепла и любви. Он оставался холоден и так никогда и не вырвался из скорлупы своего нарциссизма. Мать была для него не реальным лицом, но символом безличных сил земли, крови, судьбы и — смерти. Тем не менее, несмотря на свою холодность, он был крепко привязан к матери, то есть к тому, что было с ней символически связано. В пределе союз этот должен был разрешиться единением с матерью в смерти. Этим объясняется и тот факт, что рождение брата не повлекло за собой отчуждения от матери. В самом деле, если у него никогда не было подлинной близости к ней, то об отчуждении говорить просто бессмысленно. Но, главное, мы можем теперь понять, что позднейшие, явные проявления некрофилии Гитлера уходят корнями в эту сформировавшуюся в первые годы его жизни злокачественную инцестуальную склонность. В этом предположении мы находим и объяснение того, что, уже будучи взрослым, Гитлер никогда не любил женщин, напоминавших ему мать. Привязанность к реальной матери выражалась у него как привязанность к крови, земле, нации, а в конечном счете — к хаосу и смерти. Основным материнским символом для него стала Германия. Фиксация на матери-Германии была основой его ненависти к порче (сифилис, евреи), от которой он должен ее спасти, но на более глубоком уровне он был движим желанием разрушить Германию-мать. Одним из самых убедительных подтверждений его злокачественной инцестуальной склонности являются, без сомнения, обстоятельства его собственной смерти.

Отношение Гитлера к матери и к материнским фигурам-заместителям резко отличается от того, что мы встречаем у других людей, фиксированных на матери. Обычно связь с матерью является более теплой, затрагивает интимные душевные струны, можно сказать, что она является более реальной. Такие люди, как правило, стремятся быть рядом с матерью, рассказывать ей обо всем. Они действительно в нее «влюблены» — в точном инфантильном значении этого слова. Позднее они влюбляются в женщин, относящихся к типу их матери, их неодолимо влекут эти женщины, они вступают с ними в связь, женятся на них.

(И в данном случае неважно, является ли первопричина такого влечения сексуальной или же секс выступает как вторичное проявление, следующее за их эмоциональной фиксацией.) Но такого влечения к матери Гитлер никогда не испытывал. По крайней мере, после пяти лет это было так. Он получал удовольствие, только уходя из дома играть с другими ребятами в войну или в индейцев. К матери он был безразличен.

Мать это знала. Как пишет Кубичек, она говорила ему, что у нее безответственный сын, транжирящий свое небольшое наследство, что сама она чувствует свои обязательства по отношению к дочери, «но Адольф об этом не думает; он живет сам по себе, как будто он один в этом мире». Невнимание к матери проявилось и в его реакции на ее болезнь. Несмотря на то, что в январе 1907 г. у нее был диагностирован рак и она перенесла операцию, а в декабре того же года она умерла, он уехал в Вену в сентябре. Оберегая сына, мать старалась скрывать свои страдания, и он легко принимал эту ложь, не пытаясь выяснить, как она себя чувствует на самом деле. Он не приезжал в Линц из Вены — хотя на такую поездку у него с лихвой бы хватило и времени, и денег — и почти не писал ей, заставляя ее тревожиться о его делах. Как утверждает Смит, он вернулся домой, только получив известие о ее смерти. Кубичек же сообщает, что, когда она стала совсем беспомощной, она попросила его приехать, потому что ухаживать за ней больше было некому. Он приехал в конце ноября и провел с ней примерно три недели вплоть до ее кончины. Кубичек был страшно удивлен, увидев, как его друг подметает пол и готовит матери еду. Гитлер даже проявил необычайную заинтересованность к своей одиннадцатилетней сестре, заставив ее дать матери обещание, что она будет прилежно учиться в школе. Отношение Гитлера к матери Кубичек описывает в крайне сентиментальных тонах, пытаясь показать, как сильно тот ее любил. Но я бы не стал слишком доверяться его свидетельствам, ибо Гитлер несомненно старался, как всегда, использовать этот случай, чтобы произвести благоприятное впечатление. Он вряд ли мог отказать матери в ее просьбе, и три недели — не такой уж большой срок, чтобы разыгрывать роль любящего сына. Впрочем, эти проявления доброты и душевной заботы настолько контрастируют с обычным поведением Гитлера по отношению к матери, что к картине, нарисованной Кубичеком, невольно относишься с недоверием⁵⁵.

Судя во всему, мать так и не стала для Гитлера человеком, к которому он был искренне и нежно привязан. Она символизировала собой охранительное по отношению к нему божество, бывшее также богиней хаоса и смерти. Одновременно

она служила объектом неприкрытого садизма, вызывая в нем ярость, когда в чем-то ему перечила.

От шести до одиннадцати лет (1895-1900)

Переход к новому этапу был внезапным. Когда Алоиз Гитлер вышел в отставку, у него появилось достаточно времени, чтобы всецело посвятить себя семье и воспитанию сына. Он купил дом с девятью акрами земли в Хафельде близ Ламбаха. Юный Гитлер поступил в небольшую сельскую школу в Фишляме, находившуюся неподалеку от дома, и учился там весьма успешно. Он послушно выполнял все требования отца, по крайней мере внешне, но, как пишет Смит, «с некоторыми оговорками: он по-прежнему манипулировал матерью и мог в любой момент, общаясь с любым человеком, взорваться в приступе ярости». Мальчик был вряд ли доволен такой жизнью, хотя у него не было прямых силовых столкновений с отцом. Но была в жизни Адольфа одна область, где он мог забыть обо всяких ограничениях и обо всем, что он ощущал как недостаток свободы. Это была игра с другими мальчиками в войну или в индейцев. Уже в таком нежном возрасте «свобода» означала для Гитлера безответственность, отсутствие ограничений, и самое главное — «свободу от реальности». Это была также возможность верховодить в компании сверстников. Если вдуматься в то значение, которое имели для Гитлера эти игры, можно прийти к выводу, что в них нашли выражение черты, проявлявшиеся у него с возрастом все более отчетливо: потребность командовать и уход от реальности. На первый взгляд, игры эти представляются вполне безобидными и нормальными для данного возраста. У нас еще будет возможность убедиться в том, что это не так, когда мы увидим, что Гитлер сохранил приверженность этим играм в возрасте, в котором нормальные мальчики уже давно вырастают из подобных забав.

В последующие годы в семье произошли некоторые перемены. Старший сын Алоиза ушел из дому, когда ему было четырнадцать лет, чрезвычайно расстроив этим отца. Роль старшего сына вынужден был принять на себя Адольф. Затем Алоиз продал ферму, и семья переехала в Ламбах. Адольф продолжал учебу в относительно современной начальной школе Ламбаха, где он также хорошо успевал. Все это время он успешно избегал конфронтации с часто недовольным отцом.

В 1898 г. семья снова переехала, на этот раз в дом в Леондинге, в пригородах Линца, и Адольф продолжал учебу уже в третьей по счету школе в Линце. Здесь Алоизу, кажется, понравилось больше, чем где-либо. Он мог разводить своих пчел на полуакре принадлежавшей ему земли и спорить о политике

в местной таверне. Все же он оставался весьма авторитарным и не позволял забывать, кто является главой дома. Вот что скажет о нем позднее Йозеф Майерхофер, его лучший друг по Леондингу: «В семье он был строг и не допускал никаких поблажек. Его жене приходилось довольно туго». При этом Майерхофер подчеркивает, что строгость его была отчасти напускной и детей он не бил. «Он никогда его не трогал (Адольфа.— Э.Ф.) Я не верю, чтобы он его бил, но нередко орал на него. «Этот гадкий мальчишка!» — повторял он часто.— «Я ему покажу!». Но он только лаял, а не кусался. Хотя парень ходил перед ним по струнке» (Б.Ф. Смит, 1967).

Итак, перед нами не жестокий тиран, а просто авторитарный, в чем-то не очень гибкий отец, которого сын побаивался. Этот страх мог стать одним из источников покорности Гитлера (о ней речь еще впереди). Однако строгость отца нельзя вырывать из контекста. Сын, который бы так не бежал от ответственности, не настаивал, чтобы его оставили в покое, мог установить с отцом более дружеские отношения, ведь в конце концов отец был вполне благонамеренным человеком, вовсе не склонным к деструкции. Расхожие представления о неизбежной «ненависти к авторитарному отцу» далеко не всегда уместны, как и стереотип эдипова комплекса.

Как бы то ни было, пять лет начальной школы прошли для Гитлера более успешно, чем можно было ожидать. Кроме уже упомянутых причин, это было обусловлено реалистической атмосферой, царившей в школе. Способности мальчика были, наверное, выше среднего, благодаря статусу его семьи к нему хорошо относились учителя, и поэтому он без особых усилий получал высокие оценки. Таким образом, учеба в школе не была для него большим испытанием. Она не нарушила уже установившегося равновесия между его бунтарством и способностью к адаптации.

К концу этого периода в сравнении с его началом никаких видимых ухудшений в поведении мальчика не наблюдалось. Были, впрочем, тревожные признаки: он так и не преодолел свой ранний нарциссизм, не приблизился к реальности, не приобрел никаких активных интересов. Вместо этого он выстроил себе магический воображаемый мир свободы и власти. Первые годы, проведенные в школе, не помогли ему вырасти из тех одежд, в которых он пришел в школу. И все же открытых конфликтов у него почти не было, и на первый взгляд он вполне приспособился к жизни.

От одиннадцати до семнадцати лет (1900-1906)

Переход Гитлера в среднюю школу (Realschule) и последовавшие за этим годы, вплоть до смерти отца, ознаменовали резкий

поворот к худшему. В этот период сложились условия, которые направили его развитие по весьма неблагоприятному руслу.

Решающими событиями трех лет, оставшихся до смерти отца (он умер в 1903 г.), были: (1) его полная несостоятельность в школе; (2) конфликт с отцом, который настаивал на карьере чиновника; и (3) дальнейший уход в фантастический мир игр.

В своей книге «Mein Kampf» Гитлер изображает эти события в благовидном и выгодном для себя свете: ему, свободному и независимому человеку, претила карьера бюрократа, он хотел быть творческой личностью; поэтому он восстал против школы и специально перестал хорошо учиться, чтобы отец позволил ему стать художником.

Если внимательно изучить доступные нам свидетельства и материалы, эта картина изменится на прямо противоположную. (1) Он плохо учился в школе в силу причин, которые мы сейчас обсудим. (2) Мысль стать художником была в действительности рационализацией его неспособности ко всякой дисциплинированной работе. (3) Конфликт с отцом не сводился только к его нежеланию быть чиновником: речь шла от отказе вообще учитывать требования реальности.

Что касается его учебы, то здесь все достаточно прозрачно. Уже на первом году средней школы он успевал настолько плохо, что вынужден был остаться на второй год. Затем каждый год он сдавал дополнительные экзамены, чтобы быть допущенным в следующий класс. А в конце третьего года обучения в Линце его перевели в следующий класс лишь с условием, что после этого он покинет школу. В результате он перешел в школу в Штейре, но в конце четвертого года обучения решил, что не будет учиться еще год, чтобы закончить Realschule. Весьма символичен случай, который произошел в конце его последнего школьного года. Получив табель с оценками, он пошел с одноклассниками выпить вина, а вернувшись домой, обнаружил, что потерял документ. Пока он размышлял, какое придумать оправдание, его вызвали к директору школы. Оказалось, что табель был найден на улице: он использовал его в качестве туалетной бумаги. Даже если допустить, что он был более или менее пьян, нельзя не отметить, что такое поведение является символом его ненависти и презрения к школе.

Есть вполне очевидные объяснения неудач Гитлера в средней школе. В начальной школе он был отличником. Интеллект выше среднего, определенный талант и хорошо подвешенный язык позволяли ему удерживаться в этой роли без особого труда. В средней школе ситуация оказалась иной. Интеллект его одноклассников был здесь в среднем выше, чем в начальной школе. Учителя и знали, и требовали больше. Кроме того, на них не

производил впечатления социальный статус родителей Гитлера, так как здесь был иной контингент учащихся. Короче говоря, чтобы успевать в средней школе, надо было по-настоящему работать,— не то чтобы до седьмого пота, но все-таки значительно больше, чем привык, хотел и мог юный Гитлер. Для этого в высшей степени нарциссического мальчика, без труда ходившего в отличниках в начальной школе, новая ситуация оказалась шокирующей. Это была проверка на прочность его нарциссической линии поведения и демонстрация того, что реальность подчас бывает непослушной.

У многих детей при переходе из начальной школы в среднюю возникают такого рода проблемы. Обычно они заставляют ребенка менять свое поведение, преодолевать в определенной мере инфантильные установки, учиться делать усилия. На Гитлера эта ситуация подействовала прямо противоположным образом. Вместо того, чтобы сделать шаг, приближающий его к реальности, он, наоборот, отстранился, ушел еще глубже в мир фантазии и стал уклоняться от контактов с людьми.

Если бы неудачи в школе были действительно связаны с тем, что изучаемые предметы оказались для него неинтересны, он бы сосредоточил усилия на тех занятиях, которые его волновали. Однако он плохо успевал даже по немецкой истории, предмету, вызывавшему у него неподдельный энтузиазм. Хорошие оценки он получал только по рисованию, но у него был несомненный талант и поэтому ему не приходилось прикладывать здесь усилий. Позднее он оказался не способен упорно работать в области, которая, пожалуй, интересовала его более всего,— в архитектуре. Он мог совершать усилия только эпизодически, импульсивно, под давлением неотложных потребностей или страстей. Но мы еще вернемся к теме неспособности Гитлера к систематическому труду. Здесь она упомянута с единственной целью — показать, что его неудачи в средней школе объяснялись отнюдь не «художественными наклонностями».

На протяжении всех этих лет Гитлер все дальше уходил от реальности. Он не испытывал никакого интереса к окружающим его людям — отцу, матери, братьям, сестре. Он общался с ними лишь в той мере, в какой этого требовало его стремление быть предоставленным самому себе, но эмоционально он был от них далек. Единственное, что вызывало у него устойчивый и страстный интерес, это игры с другими ребятами в войну, в которых он был заводилой и лидером. Но если для мальчика девяти, десяти и даже одиннадцати лет это было в порядке вещей, то для ученика средней школы участие в таких играх приобретало уже странный оттенок. Характерен случай, который произошел во время его конфирмации в возрасте пятнадцати лет. Один

родственник устроил по этому поводу застолье, но Гитлер был явно не в духе, держался неприветливо и, как только смог вырваться из-за стола, тотчас убежал играть в войну.

Игры эти имели в жизни Гитлера несколько функций. Они давали ему возможность чувствовать себя лидером и утверждали во мнении, что благодаря своим суггестивным способностям он мог заставлять других следовать за собой. Они питали его нарциссизм и, что крайне важно, перемещали центр его жизни в область фантазии, все более отвлекая его от реальности — от реальных людей, реальных достижений и реальных знаний. Еще одним проявлением фантазерских наклонностей был его пылкий интерес к романам Карла Мая. Май был немецким писателем, перу которого принадлежало множество захватывающих историй из жизни североамериканских индейцев, имевших привкус реальности, хотя сам автор в жизни не видел ни одного индейца. Наверное, все мальчики в Германии и Австрии зачитывались книжками Мая: он был здесь не менее популярен, чем Джеймс Фенимор Купер в Соединенных Штатах. Восторженное отношение Гитлера к сочинениям Мая было бы поэтому вполне нормальным для младшего школьника, но, как пишет Смит, «в дальнейшем оно приобрело более серьезную окраску, ибо Гитлер так никогда и не расстался с Карлом Маем. Он читал его подростком, читал юношей, читал, когда ему уже перевалило за двадцать. И даже будучи рейхсканцлером, он продолжал восторгаться им, перечитывая, в который уже раз, все романы про Дикий Запад. Больше того, он никогда не пытался маскировать или скрывать то восхищение, которое вызывали у него книги Мая. В «Беседах»⁵⁶ он превозносит Мая и описывает, с какой радостью он обычно читает его произведения. Он говорил о нем практически с каждым — со своим секретарем, с пресс-секретарем, со слугой и со старыми товарищами по партии» (Б. Ф. Смит, 1967).

Но я объясняю эти факты иначе, чем Смит. Смит считает, что, поскольку детское увлечение Гитлера романами Мая было связано с переживанием счастья, то, в соответствии с принципом удовольствия, он ухватился за него позднее, когда не смог справиться с подростковыми проблемами. В какой-то степени такая интерпретация может быть и верной. Но я убежден, что в ней упущено главное. Романы Мая нельзя отрывать от игр в войну: то и другое является выражением его жизни в мире фантазии. Что эти увлечения, совершенно адекватные в определенном возрасте, продолжали захватывать его и позднее, указывает на очевидную склонность к отрыву от реальности. В них проявилась нарциссическая установка, сфокусированная на одной теме: Гитлер — лидер, воин и победитель. Конечно, имеющихся свидетельств недостаточно, чтобы утверждать это с полной уверенностью.

Однако, если сопоставить поведение Гитлера в этом раннем возрасте с событиями его последующей жизни, можно усмотреть там и здесь одну и ту же нарциссическую фигуру: человека, в высшей степени углубленного в себя, для которого фантазии реальнее, чем сама реальность. Когда мы видим юного шестнадцатилетнего Гитлера, погруженного в фантастический мир, мы невольно задаем себе вопрос, как удалось этому нелюдимому мечтателю стать, пусть на мгновение, хозяином Европы. Здесь мы повременим с ответом на этот вопрос: для этого нужно продвинуться несколько дальше в анализе развития личности Гитлера.

Какими бы ни были причины его неудач в средней школе, они, безусловно, имели для юного Гитлера серьезные эмоциональные последствия. Представим себе мальчика, которым восхищается мать, который успешен в начальной школе и верховодит в компании сверстников. Все эти достижения, не требовавшие никаких усилий, лишь подкрепляли его нарциссизм и уверенность в собственной исключительной одаренности. И вот почти без всякого перехода он обнаруживает себя в ситуации неудачника. У него не было способа скрыть свой провал в школе от отца и матери. Гордость его была уязвлена, нарциссизму нанесен тягчайший удар. Если бы он был в состоянии признать, что причиной неудач было его неумение трудиться, он мог бы выкарабкаться, ибо у него несомненно были способности, достаточные, чтобы успевать в средней школе⁵⁷. Но непробиваемый нарциссизм сделал такое прозрение невозможным. В результате, не будучи в силах изменить реальность, он был вынужден подменить ее и отвергнуть. Он подменил ее, обвинив учителей и отца в том, что они стали причиной его неудач, и вообразив, будто его провал в школе явился выражением стремления к свободе и назависимости. Он отверг реальность, ибо, создав символ «художника» и живя мечтой о карьере великого художника, он в то же время не прикладывал никаких усилий, чтобы достичь своей цели. Следовательно, идея эта имела ярко выраженный фантастический характер. Провал в школе был первым поражением и унижением, которое испытал Гитлер. За этим последовали другие. Можно предположить, что они питали его обиду и ненависть к тем, кто был их причиной или свидетелем. И когда бы у нас не было оснований считать, что некрофилия Гитлера коренится в его ранних злокачественных инцестуальных наклонностях, мы бы утверждали, что начало ей вполне могли положить эта ненависть и эта обида.

Нельзя сказать ничего определенного о том, как повлияла на четырнадцатилетнего Адольфа смерть отца. Если бы, как писал впоследствии сам Гитлер, конфликт с отцом был причиной его

неудач в школе, смерть этого жестокого тирана и соперника знаменовала бы начало свободы. Он должен был почувствовать освобождение, начать строить реалистические планы, трудиться для их осуществления и, быть может, вновь повернуться с любовью к матери. Но ничего такого не произошло. Он продолжал жить так же, как прежде. Гитлер был, по выражению Смита, «почти целиком соткан из удовольствий, доставляемых играми и мечтами», и не мог найти выхода из этого состояния.

Посмотрим теперь на конфликт Гитлера с отцом, возникший в годы его учения в Realschule, еще с одной стороны. Алоиз Гитлер решил, что его сын будет учиться в средней школе. Гитлер-младший не проявил особого восторга, но этот план принял. В соответствии с версией, изложенной в «Mein Kampf», настоящий конфликт начался, когда отец стал настаивать, что ему надлежит стать чиновником. Это желание отца было само по себе вполне естественным, поскольку Алоиз находился под впечатлением собственных успехов на этом поприще и думал, что это станет лучшей карьерой и для сына. Когда Адольф выдвинул контрпредложение, сказав, что он хочет быть художником, отец, по его версии, заявил: «Нет, только через мой труп». Гитлер-младший пригрозил тогда, что он вообще забросит учебу. И когда отец не уступил, «я, не говоря ни слова, превратил мою угрозу в реальность» (А. Гитлер, 1943). Таково объяснение самого Гитлера. Однако оно слишком удобно, чтобы быть истинным.

«Это объяснение точно соответствовало самооценке Гитлера, считавшего себя человеком твердым и решительным, который к 1924 г. (году, когда была написана «Mein Kampf») прошел уже большой путь и намеревался уверенно идти дальше — вперед к победе.

Вместе с тем оно было согласовано с образом мятежного художника, смело устремившегося в политику, чтобы спасти Германию. Но, главное, этим удалось объяснить его плохую успеваемость и медленное взросление, а заодно — представить в героическом свете весь юношеский период, — весьма сложная задача для всякой автобиографии, имеющей в виду политические цели. Вообще, история эта так хорошо увязывается со всеми намерениями будущего фюрера, что невольно закрадывается подозрение — уж не выдумал ли он ее от начала до конца» (Б. Ф. Смит, 1967).

Вполне вероятно, что отец хотел, чтобы сын стал чиновником. С другой стороны, отец никак его прямо к этому не принуждал. И юный Гитлер не сделал того, что сделал в пятнадцатилетнем возрасте его старший брат, — не вступил с отцом в открытый

конфликт и не ушел из дома. Наоборот, он примирился и освоился с этой ситуацией, и только еще больше замкнулся в себе.

Чтобы разобраться в этом конфликте, надо принять во внимание позицию отца. Он наверняка видел, как видела мать, что сын растет человеком безответственным, не любит трудиться и не выражает ни к чему интереса. Алоиз был неглуп и незлобив и, по-видимому, не столько мечтал о том, что сын станет чиновником, сколько вообще желал, чтобы тот стал кем-нибудь. Он должен был чувствовать, что идея стать художником была не более чем предлогом для того, чтобы и дальше плыть по течению, ничем всерьез не занимаясь. Если бы возражение сына состояло в том, что он, например, хочет изучать архитектуру, и если бы он доказал серьезность своих намерений успехами в школе, реакция отца была бы, наверное, совсем иной. Но Адольф не делал ничего, что могло бы убедить отца в его серьезности. Он даже не попросил разрешения брать уроки живописи, если он будет нормально учиться в школе. Что его плохая учеба не была восстанием против отца, видно из его реакции на попытки матери вернуть его к реальности. После смерти отца и ухода из Realschule он решил оставаться дома, чтобы «читать, рисовать и мечтать. Уютно расположившись в квартире на Гумбольдтштрассе (куда к этому времени переехала мать.— Э.Ф.), он мог позволить себе расслабиться. Он терпел присутствие в своем убежище Паулы (сестры, пятью годами младше его.— Э.Ф.) и матери, поскольку не мог от них отделаться, не приняв неприятного решения покинуть дом и пойти работать. Им, однако, не разрешено было ему мешать, хотя мать платила за квартиру, а сестра за ним убирала» (Б.Ф. Смит, 1967).

Клара явно тревожилась за Адольфа и убеждала его быть серьезнее. Она не настаивала на карьере чиновника, но старалась привить ему к чему-нибудь интерес. Она послала его в художественную школу в Мюнхене. Там он пробыл несколько месяцев, но на этом дело и кончилось. Гитлер любил элегантно одеться, и мать «платила за вещи, благодаря которым он имел вид денди, надеясь, возможно, что это подтолкнет его к каким-то социальным шагам. Если ее план заключался в этом, он полностью провалился. Дорогая одежда служила для него лишь символом независимости и, укрепляя в нем чувство самодостаточности, только еще больше отъединяла его от мира» (Б.Ф. Смит, 1967).

Клара сделала еще одну попытку стимулировать интересы Адольфа, дав ему денег на поездку на четыре недели в Вену. Оттуда он прислал ей несколько открыток с восторгами по поводу «величавости», «достоинства» и «великолепия» зданий. Однако грамматика и синтаксис этих посланий далеко не соответствовали стандартам грамотности, которых можно было ожидать от

семнадцатилетнего юноши, окончившего четыре класса средней школы. Кроме того, мать разрешила ему брать уроки музыки (за несколько лет до этого отец предлагал, чтобы он занимался пением), и он музицировал в течение четырех месяцев — до начала 1907 г. Затем он бросил эти занятия из-за того, что ему надоело играть гаммы, но ему и так пришлось бы от них отказаться, поскольку как раз в это время мать серьезно заболела и семья была вынуждена существенно сократить расходы.

Попытки матери пробудить в нем интерес к какому-нибудь реальному делу были мягкими, совсем не авторитарными, почти психотерапевтическими. Из его реакции на эти попытки можно заключить, что и негативное отношение Гитлера к отцу было не столько протестом против идеи насчет карьеры чиновника, сколько защитой замкнутого, безвольного юноши от человека, который воплощал для него начала реальности и ответственности. Дело было, конечно, не в нежелании идти на государственную службу, и уж во всяком случае — не в эдиповом соперничестве.

Отвращение Гитлера к упорному — и не очень упорному — труду требует особых пояснений. Нам будет легче понять это, если мы вспомним, что такое поведение часто встречается у детей, привязанных к материнской юбке. Они уверены — часто бессознательно, — что мать все сделает для них и за них, как это было в младенчестве. Они не чувствуют необходимости прикладывать к чему-то усилия или поддерживать порядок в своих вещах: ведь мать всегда придет и приберет за ними. Они живут как бы в «раю», где от них ничего не ждут и не требуют, а для них делают все. Я думаю, что так было и с Гитлером. И, по-моему, это не противоречит предположению, что его привязанность к матери была холодной и безличной. По-человечески он не любил ее и не заботился о ней, но тем не менее она выполняла для него квазиматеринскую функцию.

Нарисованный мною портрет юного лентяя, неспособного к серьезной работе и нежелающего продолжать учебу в школе, может вызвать у некоторых читателей вопрос: что же здесь особенного? Ведь есть и сегодня в средней школе множество нерадивых учащихся, которые также нередко сетуют на педантизм и скуку, царящие в школе, и лелеют мечты о свободной жизни, не встречающие поддержки у их родителей. И все-таки у них нет некрофильских наклонностей. Наоборот, многие из них относятся к жизнелюбивому, свободолюбивому и открытому типу личности. Некоторые читатели могут, пожалуй, обвинить меня в том, что, описывая школьные неудачи Гитлера, я стою на позициях крайнего консерватизма.

Я бы хотел ответить на эти возражения. Во-первых, разгильдяи и двоечники в школах и правда не редкость, но их, безусловно,

нельзя стричь всех под одну гребенку. Здесь есть множество разных типов и случаев, и каждый надо рассматривать особо. Во-вторых, во времена юности Гитлера учащихся гораздо реже выгоняли из школы, чем это делают теперь. Значит, для человека, попавшего в такую ситуацию, не было стандартного сценария, которому он мог бы с легкостью следовать. В-третьих, и это, наверное, самое главное, ибо это касается уже лично Гитлера, его не просто не интересовали школьные дисциплины: его не интересовало *ничего*. Он никогда ни к чему не прилагал большого труда, — ни в то время, ни позднее. (Мы еще увидим, как он изучал архитектуру.) И он был ленив не потому, что умел наслаждаться жизнью, не стремясь ни к какой особенной цели. Напротив, он был снедаем изнутри непомерным честолюбием, необыкновенным стремлением к власти. Будучи от природы наделен огромной жизненной энергией, он находился в постоянном напряжении и был не способен к тихим радостям. Как правило, школьные неудачники относятся к совершенно другому типу. Если же они и напоминают в своем развитии Гитлера, если у них одновременно есть воля к власти и отсутствует привязанность к кому бы то ни было, то это уже — серьезная проблема. И вполне реальная опасность.

Что же касается моего «консерватизма», который проявляется в утверждении, что отсутствие трудолюбия и недостаток ответственности являются негативными качествами, — что ж, в наши дни это одна из главных проблем молодежного радикализма. Одно дело, когда человека не интересуют какие-то предметы или он предпочитает другие, или даже решает бросить школу. Но если он вообще избегает ответственности и ни к чему не прикладывает усилий — это уже серьезное нарушение процесса взросления, от которого невозможно абстрагироваться, даже если возложить всю вину за это на общество. И серьезно заблуждается тот, кто думает, что лень является качеством революционера. Решительность, твердость в намерениях, сосредоточенность — вот черты, образующие ядро развитой личности, в том числе личности революционера. Пусть те молодые люди, которые думают иначе, изучат более пристально Маркса, Энгельса, Ленина, Розу Люксембург, Мао Цзедуна, — и у каждого из них они обнаружат два жизненно важных качества: работоспособность и чувство ответственности.

Вена (1907-1913)

В начале 1907 г. мать финансировала Гитлеру переезд в Вену для обучения в Академии Художеств. Теперь он наконец получил независимость. Он не испытывал более давления со стороны отца

и мог строить жизнь по своему усмотрению. При этом ему не надо было даже решать финансовых проблем, так как наследства отца и пенсии, которую государство выплачивало детям умерших чиновников, за глаза хватало, чтобы какое-то время жить удобно и без забот⁵⁸. Он оставался в Вене с 1907 по 1913 г.: приехав сюда юношей, он стал здесь взрослым мужчиной.

Что же удалось ему сделать в этот ответственный период своей жизни?

Прежде всего, чтобы облегчить свою жизнь в Вене, он убедил А. Кубичека, с которым дружил в последние годы в Линце, поехать туда вслед за ним. Сам Кубичек горел желанием поехать. Сложнее было уговорить его отца, который смертельно не хотел, чтобы сын пробовал себя на ниве искусства. Но Гитлер уговорил, и эта нешуточная победа была одним из первых свидетельств его суггестивных способностей. Кубичек, как и Гитлер, был пылким поклонником музыки Вагнера. Благодаря этому общему влечению они однажды встретились в опере в Линце и крепко подружились. Кубичек служил учеником в обивочной мастерской своего отца, но у него тоже была мечта: он хотел стать музыкантом. В нем было больше ответственности и трудолюбия, чем в Гитлере, но он не был столь ярок и как личность явно ему уступал. В результате он быстро попал под влияние Гитлера и оказался в подчиненной роли. На нем Гитлер упражнялся в своей способности воздействовать на людей. Кубичек отвечал ему восхищением и тем постоянно укреплял его в его самолюбовании. Эта дружба во многом заменила Гитлеру игры со сверстниками: в ней он чувствовал себя лидером и знал, что им восхищаются.

Приехав в Вену, Гитлер вскоре наведился в Академию Художеств и записался на ежегодный экзамен. Он не сомневался, что будет принят. Но он провалился: пройдя первый тур, срезался на втором (В. Мазер, 1971). Как писал он впоследствии в «Mein Kampf», «известие, что я не принят, было словно гром среди ясного неба». Один профессор в Академии, будто бы, сказал ему, что он более способен к архитектуре, чем к живописи. Даже если это и было так, Гитлер не последовал этому совету. Его могли принять в архитектурную школу, если бы он проучился еще год в Realschule. Но нет свидетельств, что он помышлял об этом всерьез. Во всяком случае, он не слишком откровенен, описывая эти события в «Mein Kampf». Он пишет, что, поскольку у него не было диплома об окончании средней школы, желание стать архитектором было «физически невыполнимо». Далее он гордо заявляет: «Я хотел стать архитектором. Препятствия существуют не для того, чтобы им подчиняться, а для того, чтобы их преодолевать. Я был полон решимости сражаться с трудностями...» Однако факты свидетельствуют об обратном.

«Его характер и образ жизни не позволяли ему признать свои ошибки и рассматривать провал на экзамене как указание на то, что надо что-то в себе изменить. Его уход от действительности получал дополнительный стимул в его социальной аффектации и в презрении к работе, которую он считал грязной, унижительной или унылой. Он был запутавшимся юным снобом, который потворствовал себе так долго, что более уже не мог ни выполнять неприятную работу, ни считаться с кем-либо, кроме себя самого и того образа жизни, к которому он привык. Когда его не приняли в Академию, он решил отправиться назад в свою квартиру на Штумпергассе и продолжать жить там, как будто ничего не случилось. В этом убежище он вновь вернулся к тому, что называл своими «занятиями», то есть что-то рисовал, читал и время от времени совершал экскурсии по городу или ходил в оперу» (Б.Ф. Смит, 1967).

Он притворялся студентом, всем говорил, что учится в Академии, и даже пытался внушить это приехавшему в Вену Кубичеку. Когда Кубичек наконец заподозрил, что это не так, — ибо он не мог понять, как это его друг, будучи студентом, ухитряется спать допоздна, — Гитлер, разразившись гневной тирадой против профессоров Академии, сообщил ему правду. Он сказал, что он им покажет, что изучит архитектуру и без их помощи. Его метод «изучения» заключался в том, что он бродил по улицам, смотрел на монументальные здания, а возвратившись домой, рисовал бесконечные эскизы фасадов. Убеждение, что таким образом он готовит себя к архитектурному поприщу, было безусловным симптомом отсутствия у него реализма. Он говорил с Кубичеком о своих планах реконструкции Вены или о замысле оперы, ходил в парламент слушать дебаты в рейхсрате. Во второй раз он попытался поступить в Академию Художеств, но не был допущен даже к первому экзамену.

Так он провел в Вене больше года, ничем всерьез не занимаясь, дважды провалившись на экзаменах и продолжая делать вид, что готовится к карьере великого художника. Но как бы он ни притворялся, он не мог не чувствовать, что этот год принес одни неудачи. Это поражение было гораздо серьезнее, чем провал в средней школе, который он все-таки мог объяснить намерением стать художником. Теперь он не состоялся как художник, и объяснения этому уже не было. Он не был допущен в ту область, где он собирался достичь величия. Ему ничего не оставалось, как винить профессоров, общество, весь мир. Ненависть к миру должна была возрасти в нем многократно. Его нарциссизм — даже больше, чем во время его школьных неудач, — неизбежно уводил его прочь от реальности, угрожавшей его самооценке, его образу «я»⁵⁹.

С этого момента начался процесс практически полного ухода от общения с людьми, выразившийся прежде всего в том, что он резко порвал единственные тесные отношения, которые у него были,— дружбу с Кубичеком. Пока Кубичек навещал своих домашних, Гитлер выехал из комнаты, которую они снимали вместе, не оставив своего нового адреса. Больше Кубичек его не видел до тех пор, пока Гитлер не стал рейхсканцлером.

Счастливое время безделья, разговоров, прогулок и рисования постепенно пришло к концу. Денег у Гитлера оставалось на год жизни, и то при условии, что он будет экономить. Лишившись собеседника, он стал больше читать. В то время в Австрии существовало множество политических группировок, взгляды которых вращались в основном вокруг идей немецкого национализма, расизма, «национал-социализма» (в Богемии) и антисемитизма. Все они издавали свои памфлеты, проповедовали свою идеологию и предлагали *решение*. Гитлер жадно читал эти памфлеты и набирал из них материал, из которого позднее соорудил свою версию расизма, антисемитизма и «социализма». Если ему и не удалось за все это время, проведенное в Вене, подготовиться к карьере художника, то к своей действительной будущей карьере политического лидера он подготовился неплохо, заложив для нее идеологический фундамент.

К осени 1909 г. у него кончились деньги, и, не заплатив задолженности, он съехал с квартиры. С этого момента в его жизни наступил самый тяжелый период. Он спал на скамейках, иногда — в ночлежках, а в декабре 1909 г. присоединился к настоящим бродягам и проводил ночи в приюте, организованном благотворительным обществом для бездомных. Молодой человек, приехавший в Вену два с половиной года назад с намерением стать великим художником, скатился до положения нищего бродяги, мечтающего о миске горячего супа, потерявшего всякую перспективу и ничего не делающего, чтобы выкарабкаться. Можно согласиться со Смитом, когда он пишет, что вступление в дом для бездомных было со стороны Гитлера «признанием полного и окончательного поражения».

Это было поражение не только художника, но также гордого и хорошо одетого буржуа, всегда с презрением взиравшего на представителей низших классов. Теперь он сам стал изгоем, парией, присоединился к отребью общества. Даже для менее самолюбивого выходца из среднего класса не могло быть худшего унижения. Но поскольку он оказался достаточно устойчивым, чтобы окончательно не погибнуть, эта ситуация, по-видимому, его закалила. Случилось худшее, и он не сломался. Нарциссизм его не был поколеблен. Теперь все зависело от того, удастся ли смыть унижение, отомстив всем «врагам» и посвятив жизнь тому,

чтобы доказать, что его нарциссический образ «я» был не фантазией, а реальностью.

Нам будет легче понять эту ситуацию, если мы вспомним, что, в соответствии с клиническими данными, нарциссические личности, как правило, не могут оправиться после поражения. Поскольку у них существует глубокий разрыв между внутренней, субъективной, и внешней, объективной, реальностью, всякая неудача выливается у них в психоз или какое-нибудь иное тяжелое психическое расстройство. Если им повезет, они могут найти нишу в реальности, например устроиться на незаметную должность, где они могут делеять свои нарциссические фантазии и ругать весь мир, избегая серьезных опасностей и столкновений. Но есть еще один выход, который открыт лишь для тех, кто обладает особыми дарованиями. Можно попытаться изменить реальность, воплотив свои грандиозные фантазии. Для этого нужен, впрочем, не только особый талант, но и благоприятное стечение исторических обстоятельств. Чаще всего такой выход оказывается возможным для политических лидеров в периоды общественных кризисов. Если они обладают способностью увлекать за собой массы и являются достаточно трезвыми, чтобы суметь эти массы организовать, они могут заставить реальность соответствовать их мечтам. Нередко демагог, стоящий по эту сторону границы, за которой уже начинается психоз, спасает себя от безумия, заставляя считать «нормальными» идеи, которые еще вчера расценивались как «бред». Тем самым он руководствуется в своей политической борьбе не только жадой власти, но также стремлением спасти от безумия себя самого.

Но вернемся к Гитлеру, которого мы оставили в самый горький и отчаянный момент его жизни. Период этот длился недолго, всего около двух месяцев. И Гитлеру не пришлось в это время заниматься тяжелым физическим трудом, как он утверждает в

«Mein Kampf». Его обстоятельства стали поправляться после того, как с ним подружился старый бродяга Ханиш. Это был грязный тип, который имел те же политические убеждения, что и Гитлер, и вдобавок интересовался живописью⁶⁰. Но, главное, у него был план, как им обоим избежать нищеты. Гитлер должен был попросить у своих родных немного денег на покупку бумаги и красок, чтобы он мог рисовать открытки, которые Ханиш брался продавать. Гитлер последовал его совету. Получив пятьдесят крон, он купил необходимые материалы и пальто, в котором крайне нуждался. Затем они переехали с Ханишем в Маннергайм — довольно сносное мужское общежитие, в общей гостиной которого Гитлер мог рисовать. Все шло хорошо. Он рисовал открытки, а Ханиш торговал ими на улицах. Затем стали появляться картины побольше, написанные акварелью или маслом, — Ханиш продавал

их багетчикам и торговцам живописью. Была лишь одна проблема: Гитлер работал без усердия. Как только у него появлялись какие-то деньги, он бросал рисовать и проводил время в разговорах о политике с другими обитателями общежития. Тем не менее у него был небольшой, но стабильный доход. В конце концов он повздорил с Ханишем, обвинив его в том, что, продав очередную картину, тот утаил его долю, составлявшую пятьдесят процентов прибыли. Он донес на Ханиша в полицию, и того арестовали за кражу. Гитлер продолжал дело сам. Он рисовал и продавал работы — в основном двум евреям, торговцам живописью. Теперь, став деловым человеком средней руки, он, кажется, работал более регулярно. Жил он при этом довольно скромно и даже скопил немного денег. Едва ли можно было назвать его «живописцем» или «художником», ибо он в основном рисовал с фотографий или копировал сюжеты, которые пользовались спросом. Он продолжал жить в Маннергайме, но приобрел там новый статус. Он стал *постоянным* жильцом, то есть вошел в группу, которая составляла в этом доме элиту, и уже свысока относился к временным постояльцам.

Было, пожалуй, несколько причин, заставлявших его по-прежнему жить в Маннергайме. Менее всего здесь играла роль дешевизна (хотя Мазер считает этот фактор существенным). За пятнадцать крон в месяц, которые он здесь платил, он мог снимать где-нибудь и отдельную комнату. Но здесь были, очевидно, психологические преимущества. Как многие одинокие люди, Гитлер боялся оставаться один. Свое внутреннее одиночество он должен был компенсировать поверхностным общением. Более того, ему нужны были благодарные слушатели. И он в избытке находил их в Маннергайме, где жили в основном маргинальные личности, одиночки, которым почему-либо не удалось устроиться в жизни получше. На их фоне Гитлер безусловно казался интеллигентной и яркой фигурой. Обитателям этого дома отводилась в его жизни такая же роль, какую в свое время играли его товарищи по детским играм, а затем Кубичек. Они позволяли ему относиться к себе свысока и самоутверждаться, испытывая на них свои суггестивные способности. Часто, когда он, сидя в общей гостиной, рисовал, он вдруг прерывался, чтобы произнести энергичный монолог политического содержания, уже тогда напоминавший те речи, которыми он впоследствии прославился. Маннергайм стал для Гитлера школой политической демагогии.

Когда мы размышляем о жизни Гитлера в этот период, перед нами встает один принципиальный вопрос. Быть может, у него появилась способность к систематической работе и он изменился, превратившись из пассивного лентяя в преуспевающего бизнесмена

средней руки? Правильно ли будет сказать, что он нашел наконец себя и обрел психическое равновесие?

На первый взгляд, это было так. Это напоминало позднее взросление, в результате которого Гитлер в конце концов вошел в норму. Но тогда весь приведенный выше детальный анализ его эмоционального созревания оказывается необязательным. Достаточно было сказать, что, испытав в юности определенные сложности становления характера, Гитлер стал к двадцати трем — двадцати четырем годам вполне приспособленным к жизни и психически здоровым человеком.

Однако при более пристальном изучении ситуации такая интерпретация оказывается неубедительной.

В самом деле, перед нами человек чрезвычайно энергичный, обуреваемый честолюбием и жадой власти, твердо убежденный, что призван стать великим архитектором или художником. А какова при этом реальность?

В реальности он потерпел полное фиаско в осуществлении своих намерений. Он стал мелким дельцом. Вся власть его распространялась на кучку отщепенцев, перед которыми он разглагольствовал, метал бисер, не находя среди них хотя бы кого-нибудь, кто готов был в действительности за ним следовать. Быть может, другой человек, менее энергичный и амбициозный, смирился бы с таким поворотом судьбы и с удовлетворением принял бы роль мелкого буржуа, коммерсанта-художника. Другой человек, но не Гитлер: для него это было просто абсурдом. За эти месяцы крайней нищеты в нем произошла только одна перемена: он научился работать — посредственно, спустя рукава, — но все-таки теперь он мог прикладывать к чему-то усилия. Во всех остальных отношениях характер его оставался прежним, разве что черты его проявились более рельефно. Он по-прежнему был человеком, отличавшимся крайним нарциссизмом, ни к кому и ни к чему не испытывавшим интереса, жившим в полуреальной — полуфантастической атмосфере, горевшим страстью к завоеванию и преисполненным презрения и ненависти к окружающему миру. И по-прежнему у него не было цели, плана или идеи, способных перевести его притязания и амбиции в плоскость реальности.

Мюнхен

Бесцельность эта проявилась и в его внезапном решении оставить Маннергайм и ехать в Мюнхен, чтобы поступать там в Академию Художеств. О ситуации в Мюнхене он почти ничего не знал. Он даже не удосужился выяснить, будет ли там такой же спрос на его произведения, какой был в Вене. Он просто снялся с места и поехал, имея при себе немного денег, на которые можно было протянуть в течение нескольких месяцев. Это

решение оказалось ошибочным. Мечта поступить в Мюнхене в Академию не осуществилась. Художественный рынок был здесь гораздо меньше, чем в Вене: по словам Смита, он вынужден был предлагать свои картины посетителям пивных и продавать их на улицах. Правда, Мазер утверждает, что, судя по налоговым декларациям, Гитлер зарабатывал в Мюнхене около ста марок в месяц, что примерно соответствовало его венским доходам. Но факт остается фактом: и в Мюнхене он был не более чем коммерческим художником, то есть попросту копиистом. Ему решительно не удалось достичь славы на избранном поприще, как это рисовалось ему в мечтах. При скромных его талантах и отсутствии подготовки любые его достижения были бы все равно страшно далеки от его надежд.

Стоит ли удивляться, что начало первой мировой войны было для него подарком судьбы? Он благодарил небеса, пославшие это бедствие, ибо оно разом избавило его от необходимости решать, что ему делать со своей жизнью. Война разразилась в тот самый момент, когда он уже не мог далее скрывать от самого себя свою несостоятельность как художника. Война избавила его от унижения и подарила ему чувство законной гордости от сознания собственного героизма. Гитлер был хорошим солдатом. Без всякого покровительства (кроме, может быть, самого минимального) он получал боевые награды за храбрость. Его любило начальство. Он не был более отщепенцем. Это был герой, сражавшийся за Германию, защищавший и прославлявший ее своими ратными подвигами, ибо как солдат он отстаивал ценности национализма. Теперь он мог всецело отдаться всю жизнь терзавшим его страстям — быть разрушителем и победителем. Но это уже была реальная, настоящая война, — не то что война его детских игр. И, вероятно, он сам был на протяжении этих четырех лет более реальным, чем в любой другой период своей жизни. Это был ответственный и дисциплинированный человек, совсем не похожий на того, который еще недавно бил баклуши в Вене. Но война завершилась событиями, которые он воспринял как свою личную последнюю неудачу: поражением и революцией. Поражение еще можно было снести, революцию — нет. Революционеры восстали против всего, что было свято для сложившегося реакционера-националиста, каким был к этому времени Гитлер. И победили. Они стали вдруг хозяевами положения, особенно в Мюнхене, где возникла недолго прорезавшаяся «Советская Республика».

Победа революции придала окончательную и необратимую форму разрушительным наклонностям Гитлера. Он воспринял ее как покушение на него лично, на его ценности и надежды, как покушение на величие, в котором он и Германия были едины. Все это было тем более унижительно, что среди лидеров революции были евреи, которых он в течение многих лет считал своими заклятыми врагами. И вот благодаря им он оказался беспомощным

свидетелем крушения своих мелкобуржуазных националистических идеалов. Такое унижение можно было смыть, лишь уничтожив тех, кто был, по его мнению, в нем виноват. Победоносные союзники, принудившие Германию подписать Версальский договор, тоже вызывали у него ненависть и жажду мести, но в гораздо меньшей степени, чем революционеры и в особенности евреи.

В своей жизни Гитлер как бы поднимался по ступенькам неудач: нерадивый учащийся, исключенный из средней школы, провалившийся на экзаменах абитуриент, изгой, отлученный от своего класса, неудавшийся художник, — каждое поражение все глубже ранило его нарциссизм, все больше его унижало. И с каждой неудачей он все дальше уходил в мир фантазии. В нем нарастала ненависть, крепло желание мстить, развивалась некрофилия, уходившая корнями, по-видимому, еще в детские злокачественные инцестуальные наклонности. Война как будто положила конец полосе его неудач, но она закончилась новыми унижительными событиями: поражением немецкой армии и победой революции. Однако на сей раз Гитлер имел возможность превратить свое поражение и унижение в поражение и унижение нации. Это позволяло забыть о личных неудачах. Не он пал и был втоптан в грязь, но — Германия. Месть за Германию была бы личной мстью. Спасение Германии было бы личным спасением. Смывая позор Германии, он смывал свой собственный позор. Теперь он знал свою цель: стать великим демагогом. Не художником, нет. Он нашел иную область, где у него был подлинный дар и где он мог по-настоящему рассчитывать на успех.

Мы слишком мало знаем об этом первом периоде жизни Гитлера, чтобы с уверенностью говорить о наличии в его поведении ярко выраженных некрофильских тенденций. Пока нам удалось выявить лишь характерологический фон, *благоприятствующий* возникновению этих тенденций: его злокачественные инцестуальные наклонности, нарциссизм, холодность, отсутствие интереса к предметам и к людям, привычка потакать своим желаниям, недостаток реализма, и как результат — неудачи и унижения. Но о жизни Гитлера начиная с 1918 г. известно уже очень многое. Вглядываясь в обширные относящиеся к этому периоду биографические материалы, мы все более отчетливо распознаем проявления его некрофилии.

Методологическое отступление

Разве некрофилия Гитлера нуждается в *доказательствах* — спросят, возможно, некоторые читатели, — ведь он без сомнения был разрушительной фигурой?

Конечно, излишне доказывать, что *деятельность* Гитлера была в высшей степени разрушительной. Однако разрушительные действия не всегда являются проявлением разрушительного, некрофильского характера. Был ли некрофилом Наполеон, который без тени сомнения жертвовал жизнью солдат для удовлетворения своего тщеславия? Или множество других политиков и полководцев, по воле которых на протяжении всей истории происходили грандиозные разрушения,— можно ли всех их назвать некрофилами? Несомненно, всякий, кто санкционирует разрушение, демонстрирует этим, что сердце его ожесточилось. Тем не менее есть мотивы и обстоятельства, заставляющие генералов и политических деятелей, которых никак не назовешь некрофилами, отдавать приказы, чреватые сильнейшими разрушениями. В данном исследовании нас интересует в первую очередь не *поведение*, но *характер*. Иначе говоря, вопрос не в том, было ли разрушительным поведение Гитлера, а в том, был ли он изначально движим страстью к разрушению, являвшейся чертой его *характера*. А это уже надо доказывать. Психологическое исследование, в особенности если предметом его является такая личность, как Адольф Гитлер, должно быть как можно более объективным. Даже если бы Гитлер умер в 1933 г., не совершив еще множества известных действий, повлекших огромные разрушения, его, по всей видимости, уже можно было диагностировать как некрофила,— на основе детального изучения его личности и характера. Крещендо его деструктивных действий, начиная с нападения на Польшу и вплоть до приказа о разрушении большей части Германии и истреблении ее населения,— все это послужило бы тогда лишь подтверждением характерологического диагноза, поставленного до этих событий. С другой стороны, даже если бы мы ничего не знали о его жизни до 1933 г., многие детали его последующего поведения наталкивали бы нас на мысль о тяжелой форме некрофилии, бывшей действительной причиной его разрушительных действий. С точки зрения бихевиоризма, различие самих действий и их мотивации является, конечно, бессмысленным. Однако, если мы хотим понять динамику личности в целом и в особенности той ее области, которая относится к бессознательному, такое различие становится крайне существенным. Тем более важно использование психоаналитических методов, когда мы имеем дело с личностью Гитлера, ибо он подавлял свои некрофильские побуждения, причем многими способами.

Страсть к разрушению⁶¹

Главными объектами разрушения были для Гитлера города и люди. Великий строитель, с энтузиазмом обсуждавший проекты новой Вены, Линца, Мюнхена и Берлина, был тем же самым человеком, который хотел разрушить Париж, сровнять с землей

Ленинград, а в конце концов уничтожить и всю Германию. Эти его намерения засвидетельствованы многими людьми. Как вспоминает Шпеер, будучи на вершине успеха, посетив только что завоеванный Париж, Гитлер сказал ему: «Париж прекрасен, не так ли?.. В прошлом я часто думал, не придется ли нам разрушить Париж. Но когда мы закончим с Берлином, Париж будет бледной тенью. Так зачем нам его разрушать?» (А. Шпеер, 1970). В конце, конечно, Гитлер отдал приказ о разрушении Парижа, приказ, который не выполнил немецкий военный комендант города.

Крайним выражением мании разрушения зданий и городов стал приказ, изданный Гитлером в сентябре 1944 г., провозглашавший «тактику выжженной земли». В нем говорилось, что прежде, чем враг оккупирует Германию, «все, абсолютно все, что связано с поддержанием жизни, должно быть уничтожено: списки на получение продовольственных карточек, книги регистрации браков и места жительства, записи банковских счетов. Кроме этого, надо было ликвидировать запасы продовольствия, сжечь фермы, зарезать скот. Нельзя было оставлять даже произведения искусства, уцелевшие в результате бомбардировок. Памятники, дворцы, усадьбы, церкви, оперные и драматические театры — все это надлежало сровнять с землей» (А. Шпеер, 1970). Это означало, что не будет ни питьевой воды, ни электричества, ни санитарного оборудования, а следовательно, начнутся эпидемии, приносящие смерть миллионам тех, кто не сможет убежать. Шпеер, который был отнюдь не некрофилом, а, напротив, самым что ни на есть биофилом и созидателем, внезапно понял, ознакомившись с этим приказом, какая пропасть разделяет его и Гитлера. Заручившись поддержкой нескольких генералов и партийных чиновников, которым страсть Гитлера к разрушению была столь же чужда, Шпеер, рискуя жизнью, предпринял отчаянные попытки саботировать эти распоряжения. Благодаря усилиям этих людей, а также счастливому стечению некоторых обстоятельств, «тактика выжженной земли» не применялась в последние дни войны в Германии.

Страсть Гитлера к разрушению зданий и городов заслуживает самого пристального внимания, в особенности если ее сопоставить с другой его страстью — к строительству. В этой связи напрашивается даже рискованное утверждение, что его планы реконструкции городов были искуплением за их разрушение. Однако, я думаю, было бы неверно полагать, что его интерес к архитектуре являлся *только* компенсацией страсти к разрушению. Интерес этот был, по-видимому, неподдельным, и, как мы дальше увидим, это было единственное — кроме власти, побед и разрушения, — что по-настоящему интересовало его в жизни.

Страсть к разрушению прослеживается и в планах Гитлера, относившихся к Польше. После того как эта страна будет повержена, ее жителей предполагалось подвергнуть своеобразной культурной кастрации: образование свести к изучению дорожных знаков и начал немецкого языка, из географии сообщать в основном тот факт, что Берлин является столицей Германии, а арифметику вообще исключить. Медицинское обслуживание тоже было сочтено излишним. Условия жизни планировалось свести к минимальному уровню, необходимому для выживания. Все, на что годились поляки,— это быть дешевой рабочей силой и послушными рабами (Х. Пикер, 1965).

Среди *человеческих объектов* первыми были предназначены для уничтожения умственно отсталые. Еще в «Mein Kampf» Гитлер писал: «Дефективным надо запретить производить на свет такое же дефективное потомство... Если это потребуется, неизлечимо больных следует изолировать без жалости — варварская мера для тех несчастных, которых она затрагивает, но — благо для окружающих и потомства» (А. Гитлер, 1943). Воплощая эту идею, Гитлер внес небольшую поправку: умственно отсталых стали не изолировать, а убивать. К числу ранних проявлений деструктивных наклонностей Гитлера относится и вероломное убийство Эрнста Рема (за несколько дней до смерти Рема видели дружелюбно беседующим с Гитлером) и других руководителей штурмовых отрядов, продиктованное соображениями политической тактики (фашистам надо было успокоить промышленников и генералитет, избавившись от деятелей «антикапиталистического» крыла движения).

Еще одним выражением разрушительных фантазий Гитлера является его замечание о мерах, которые бы он принял, случись в стране мятеж вроде того, свидетелем которого он был в 1918 г. Он бы немедленно уничтожил всех лидеров оппозиционных политических движений, в том числе католических, и всех узников концентрационных лагерей. По его собственным подсчетам, это должно было составить несколько сотен тысяч человек (Х. Пикер, 1965).

Главными кандидатами на физическое уничтожение были евреи, поляки и русские. Остановимся здесь хотя бы на проблеме истребления евреев. Не будем излагать все связанные с этим факты: они слишком известны. Но следует, пожалуй, отметить, что систематическое уничтожение евреев началось лишь во время второй мировой войны. Нет свидетельств, что Гитлер до этого задумывался об уничтожении евреев как нации, хотя он мог держать свои планы в секрете. До начала войны политика нацистов была направлена на поддержку еврейской эмиграции из Германии, и правительство даже принимало специальные меры,

облегчающие евреям выезд из страны. Но вот 30 января 1939 г. Гитлер вполне откровенно заявил министру иностранных дел Чехословакии Хвалковскому: «Мы собираемся уничтожить евреев. Они не смогут избежать наказания за то, что они сделали 9 ноября 1918 г. День расплаты настал» (Краушник и др., 1968). В тот же день, выступая в рейхстаге, он сказал по сути то же самое, но в более завуалированной форме: «Если международным банкирам-евреям, находящимся в Европе или за ее пределами, удастся вовлечь народы в новую войну, ее результатом будет не всемирный большевизм и, следовательно, победа иудаизма; это будет конец евреев в Европе»⁶².

Слова, сказанные Хвалковскому, особенно интересны с психологической точки зрения. Гитлер здесь явно проговаривается: он приводит не рациональное объяснение (например, что евреи представляют опасность для Германии), а раскрывает один из своих реальных мотивов — месть за «преступление», то есть за революцию, совершенную небольшим количеством евреев за двадцать лет до этого. Садистский характер его ненависти к евреям сквозит в словах, сказанных в кругу ближайших товарищей по партии после партийного съезда: «Гоните их со всякой работы, сгоняйте их в гетто, посадите их за решетку, где они смогут подохнуть, как того заслуживают, и чтобы весь немецкий народ смотрел на них, как смотрят на диких зверей» (Краушник и др., 1968).

Гитлеру казалось, что евреи отравляют арийскую кровь и арийскую душу. Чтобы понять, как это чувство связано со всем его некрофильским комплексом, обратимся к другой, казалось бы, совершенно не связанной с этим заботе Гитлера, — к сифилису. Как он утверждает в «Mein Kampf», сифилис является одним из «важнейших, насущных для нации вопросов». Он пишет: «Наряду с политическим, этическим и моральным заражением, которому люди подвергаются уже много лет, существуют не менее ужасные бедствия, подрывающие здоровье нации. Сифилис, особенно в больших городах, распространяется все шире и шире, в то время как туберкулез снимает свою жатву смерти уже по всей стране» (А. Гитлер, 1943).

В действительности это было не так. Ни туберкулез, ни сифилис не представляли угрозы таких масштабов, которые пытается приписать им Гитлер. Но это типичная фантазия некрофила: боязнь грязи, отравы и тех опасностей, которые они в себе несут. Перед нами — выражение некрофильской установки, заставляющей рассматривать окружающий мир как нечистое и опасное место. Скорее всего, ненависть Гитлера к евреям имела ту же природу. Инородцы ядовиты и заразны, как сифилис. Следовательно, их надо искоренять. Дальнейшее развитие этого

представления ведет к идее, что они отравляют не только кровь, но и душу.

Чем более сомнительной становилась победа, тем большую силу набирал Гитлер-разрушитель. Каждый шаг на пути к поражению сопровождался все новыми и новыми кровавыми жертвами. В конце концов, настало время истреблять самих немцев. Уже 27 января 1942 г., то есть более чем за год до Сталинграда, Гитлер сказал: «Если немецкий народ не готов сражаться для своего выживания (*Selbstbehauptung*), что ж, тогда он должен исчезнуть (*dann soll es verschwinden*)» (Х. Пикер, 1965). Когда поражение стало неизбежным, он отдал приказ, приводивший в исполнение эту угрозу,— приказ о разрушении Германии: ее земли, зданий, заводов и фабрик, произведений искусства. А когда русские были уже на подступах к бункеру Гитлера, настал момент разрушительного *grand finale*. С ним вместе должна была умереть его собака. Его подруга, Ева Браун, которая пришла в укрытие, нарушив его приказ, чтобы разделить с ним смерть, тоже должна была умереть. Тронутый таким выражением преданности со стороны фрейлейн Браун, Гитлер вознаградил ее, вступив с ней здесь же в законный брак. Готовность умереть за него была, пожалуй, единственным действием, которым женщина могла доказать ему свою любовь. Геббельс тоже остался верен человеку, которому он продал душу. Он приказал своей жене и шестерым малолетним детям принять смерть вместе с ним. Как всякая нормальная мать, жена Геббельса никогда бы не убила своих детей, тем более — под действием дешевых пропагандистских аргументов, с помощью которых Геббельс пытался ее убедить. Но у нее не было выбора. Когда ее в последний раз пришел навестить Шпеер, Геббельс ни на минуту не оставил их вдвоем. Она только смогла сказать, что счастлива, поскольку там с ними нет ее старшего сына (от предыдущего брака)⁶³. Поражение и смерть Гитлера должны были сопровождаться смертью всех, кто его окружал, смертью всех немцев, а если бы это было в его власти, то и разрушением всего мира. Фоном для его гибели могло быть только всеобщее разрушение.

Но вернемся к вопросу, можно ли оправдать действия Гитлера традиционно понимаемыми «государственными интересами», то есть отличался ли он как человек от множества других государственных мужей и военачальников, которые объявляли войны и этим посылали на смерть миллионы людей. В некоторых отношениях Гитлер был совершенно таким же, как и руководители многих других государств, и было бы ханжеством считать его военную политику чем-то из ряда вон выходящим в сравнении с тем, что, как свидетельствует история, делают другие лидеры

других сильных держав. Но в случае Гитлера поражает несоответствие между теми разрушениями, которые производились по его прямому приказу, и оправдывавшими их реалистическими целями. Многие его действия, начиная с уничтожения миллионов и миллионов евреев, русских и поляков, и кончая распоряжениями, обрекавшими на уничтожение немцев, нельзя объяснить стратегической целесообразностью. Это, без сомнения, результаты страсти к разрушению, снедавшей некрофила. Этот факт часто затемняется тем, что при обсуждении действий Гитлера речь идет главным образом об истреблении евреев. Но евреи были не единственным объектом, на который он направлял свою страсть к разрушению. Гитлер, несомненно, ненавидел евреев, но мы бы не погрешили против истины, сказав, что одновременно он ненавидел и немцев. Он ненавидел человечество, ненавидел саму жизнь. Чтобы это стало яснее, попробуем взглянуть на другие проявления его некрофилии.

Давайте прежде всего посмотрим на некоторые спонтанные проявления некрофильской ориентации Гитлера. Вот Шпеер рассказывает о его реакции на финальные кадры кинохроники, посвященной бомбардировкам Варшавы: «Клубы дыма застилали небо. Пикирующие бомбардировщики, наклонившись, устремлялись к цели. Мы могли видеть полет сброшенных бомб, самолеты, выходящие из пике, облака дыма от взрывов, расширявшиеся до гигантских размеров. Эффект усиливало то, что фильм крутили в замедленном темпе. Гитлер был захвачен этим зрелищем. В конце ленты были смонтированы кадры, где самолет пикировал на фоне карты, изображавшей очертания Британских островов. Затем следовал сноп пламени, и острова, взлетая на воздух, разрывались на кусочки. Восторг Гитлера был безграничен. «Вот что с ними будет! — кричал он в необыкновенном воодушевлении. — Вот как мы их уничтожим!» (А. Шпеер, 1970).

Ханфштенгль рассказывает о разговоре, состоявшемся в середине 20-х гг., в котором он пытался убедить Гитлера посетить Англию. Перечисляя достопримечательности, он упомянул Генриха VIII. Гитлер оживился: «Шесть жен — хм, шесть жен — неплохо, и двух из них от отправил на эшафот. Нам действительно стоит поехать в Англию, чтобы пойти в Тауэр и посмотреть на место, где их казнили. Это стоит посмотреть» (Э. Ханфштенгль, 1970). И действительно, это место казни интересовало его больше, чем вся остальная Англия.

Весьма характерной была его реакция в 1923 г. на фильм «Fredericus Rex». По сюжету фильма, отец Фредерика хочет казнить своего сына и его друга за попытку бежать из страны. Еще в кинотеатре и потом, по пути домой, Гитлер повторял:

«Его (сына) тоже надо убить — великолепно. Это значит: долой голову с каждого, кто погрешит против государства, даже если это твой собственный сын!» Затем он развил эту тему, сказав, что такой метод надо применить и к французам (которые в это время оккупировали Рурскую область), и заключил: «Подумаешь — сжечь десяток наших городов на Рейне и Руре и потерять несколько десятков тысяч человек!» (Э. Ханфштенгль, 1970).

Не менее характерными были *шутки*, которые Гитлер любил повторять. Он придерживался вегетарианской диеты, но гостям подавали обычную еду. «Если на столе появлялся мясной бульон, — вспоминает Шпеер, — я мог быть уверен, что он заведет речь о «трупном чае»; по поводу раков он всегда рассказывал историю об умершей старушке, тело которой родственники бросили в речку в качестве приманки для этих животных; увидев угря, он объяснял, что они лучше всего ловятся на дохлых кошек» (А. Шпеер, 1970).

На *лице* у Гитлера постоянно сквозила брезгливая гримаса, словно он принюхивался к неприятному запаху. Она хорошо различима на многих его фотографиях. Смех его был неестественным. На фотографиях видна принужденная, самодовольная ухмылка. Особенно ярко запечатлелась она в кадрах кинохроники, снятых, когда он был на гребне удачи, сразу после капитуляции Франции, в железнодорожном вагоне в Компьене. Выйдя из вагона, он пляшет некий «танец», похлопывая себя руками по ляжкам и по животу, а затем гнусно улыбается, будто только что проглотил Францию⁶⁴.

Еще одной чертой, выдающей в нем некрофила, является *скука*. Ярким проявлением этой характерной формы безжизненности были его застольные беседы. В Оберзальцберге Гитлер и окружавшие его люди, пообедав, шли в павильон, где им подавали чай, кофе, пирожные и другие лакомства. «Здесь, за чашкой кофе, Гитлер пускался в длинные монологи. То, о чем он говорил, было в основном известно собравшимся, поэтому все слушали вполуха, хотя изображали внимание. Иногда Гитлер сам засыпал посреди своих разглагольствований. Тогда компания продолжала беседовать шепотом в надежде, что он проснется к ужину» (А. Шпеер, 1970). Потом все шли обратно в дом, и два часа спустя подавали ужин. После ужина показывали два кинофильма. Затем какое-то время все обменивались впечатлениями от фильмов, обычно довольно банальными. «Примерно с часу ночи некоторые уже не могли сдерживать зевоты, хотя делали над собой усилие, чтобы казаться бодрыми. Но все продолжали общаться. В унылой беседе проходил еще час или больше, оставляя ощущение пустоты. Наконец Ева Браун, обменявшись с Гитлером несколькими словами, получала разр-

шение уйти к себе наверх⁶⁵. Через четверть часа, пожелав собравшимся доброй ночи, удалялся и Гитлер. Теперь оставшиеся могли расслабиться, и нередко за этими часами общего оцепенения следовала веселая вечеринка с шампанским и коньяком (А. Шпеер, 1970)⁶⁶.

Во всех этих чертах отчетливо проявлялась страсть Гитлера к разрушению. Однако ни миллионы немцев, ни политики всего мира не смогли этого увидеть. Наоборот, они считали его патриотом, движимым любовью к своей родине, спасителем, который избавит страну от унижений Версальского договора и от экономической катастрофы, великим зодчим новой, процветающей Германии. Как же могло случиться, что немцы и другие народы мира не распознали под маской создателя этого величайшего из разрушителей?

На это было много причин. Гитлер был законченным лжецом и прекрасным актером. Он заявлял о своих миролюбивых намерениях и после каждой победы утверждал, что в конечном счете все делает во имя мира. Он умел убеждать, — не только словами, но и интонацией, ибо в совершенстве владел своим голосом. Но таким образом он лишь вводил в заблуждение своих будущих врагов. Как-то, беседуя с генералами, он заявил: «У человека есть чувство прекрасного. Каким богатым становится мир для того, кто умеет использовать это чувство... Красота должна властвовать над людьми... Когда закончится война, я хочу посвятить пять или десять лет размышлениям и литературной работе. Войны приходят и уходят. Остаются только ценности культуры...». Он заявлял о своем желании положить начало новой эре терпимости и одновременно обвинял евреев в том, что с помощью христианства они посеяли нетерпимость (Х. Пикер, 1965).

Подавление деструктивных тенденций

Рассуждая таким образом, Гитлер, пожалуй, на сознательном уровне и не лгал. Он просто входил в свои прежние роли «художника» и «писателя», ибо так никогда и не признал своей несостоятельности в этих областях. Однако такого рода высказывания имели еще одну, более важную функцию, имевшую прямое отношение к «стержневым» свойствам его характера. Функция эта заключалась в подавлении сознания собственной деструктивности.

Прежде всего, он шел путем *рационализации*. Всякое разрушение, которое производилось по его приказу, имело рациональное объяснение: все это делалось во имя спасения, процветания и триумфа немецкого народа и с целью защиты от врагов — евреев, русских, а затем англичан и американцев. Он просто повиновался

биологическому закону выживания. («Если я и верю в какую-нибудь божественную необходимость, то это необходимость сохранения видов» (Х. Пикер, 1965). Иначе говоря, отдавая разрушительные приказы, Гитлер был убежден, что намерения его благородны и что он просто исполняет свой «долг». Но он упорно вытеснял из своего сознания собственное стремление к разрушению, избегая таким образом необходимости глядеть в лицо подлинным мотивам своих действий.

Еще более эффективным способом подавления является развитие *реактивных образований*. Явление это хорошо известно в клинической практике: человек как бы отрицает какие-то свои качества, развивая в себе качества прямо противоположные. Примером реактивного образования было вегетарианство Гитлера. Конечно, не всякое вегетарианство выступает в такой роли. Но в случае Гитлера это, по-видимому, было именно так, ибо он перестал есть мясо после самоубийства своей племянницы Гели Раубаль, которая была его любовницей. Как показывает все его поведение в этот период, событие это вызвало у него острое чувство вины. Даже если отбросить как бездоказательное предположение, что это он сам убил ее, приревновав к одному еврейскому художнику,— такая гипотеза встречается в литературе,— все равно есть основания винить его в этой смерти. Он держал ее взаперти, был необычайно ревнив и в то же время с увлечением ухаживал за Евой Браун. После смерти Гели он впал в депрессию и устроил своеобразный поминальный культ: ее комната оставалась нетронутой, пока он жил в Мюнхене, и он посещал ее каждое Рождество. Отказ от мясной пищи был несомненно искуплением вины и доказательством его неспособности к убийству. Возможно, тем же объясняется и его нелюбовь к охоте.

Отчетливые проявления этого реактивного образования можно обнаружить в следующих фактах, которые мы почерпнули в книге В. Мазера (1971). Гитлер не участвовал ни в каких столкновениях с политическими противниками до того, как он захватил власть. Он тронул политического противника только однажды. Он никогда не присутствовал при убийствах или казнях. (Рем знал, о чем говорит, когда он перед смертью просил, чтобы его застрелил сам фюрер.) После того, как некоторые его товарищи погибли при попытке осуществить переворот в Мюнхене (9 ноября 1923 г.), он всерьез помышлял о самоубийстве и у него стала дергаться левая рука — симптом, вновь появившийся после поражения под Сталинградом. Генералам не удалось убедить его совершить поездку на фронт. «Многие военные, и не только военные, были твердо уверены, что он избегал этой поездки, потому что не мог выносить вида мертвых и раненых солдат»⁶⁷ (В. Мазер, 1971). И

дело было не в отсутствии физической смелости, которую он продемонстрировал еще в Первую Мировую войну, и не в жалости к немецким солдатам — к ним он испытывал не больше теплых чувств, чем к кому-либо другому (В. Мазер, 1971)⁶⁸. Я считаю, что эта фобия — страх увидеть мертвые тела — была защитной реакцией: на самом деле он боялся осознать собственную страсть к разрушению. Пока он отдавал и подписывал приказы — он просто говорил и писал. То есть «он» не проливал кровь, ибо избегал *видеть* настоящие трупы и всячески предохранял себя от эмоционального сознания собственной деструктивности. Эта защитная реакция основывается, в сущности, на том же механизме, что и его несколько навязчивое стремление к чистоте, о котором говорит Шпеер⁶⁹. Такой симптом, в мягкой форме, в какой он был отмечен у Гитлера, равно как и в тяжелой форме постоянного навязчивого мытья, как правило, свидетельствует о желании человека смыть с себя грязь или кровь, символически покрывающую его руки (или все тело). При этом сама грязь или кровь не даны сознанию: человек просто испытывает необходимость все время быть «чистым». Нежелание видеть трупы похоже на эту навязчивость: то и другое суть формы отрицания деструктивности.

В конце жизни, предчувствуя наступление своего последнего поражения, Гитлер уже более не мог продолжать подавлять страсть к разрушению. Это видно по тому, как он реагировал в 1944 г. на зрелище мертвых тел руководителей неудавшегося заговора генералов. Человек, который еще недавно не мог выносить вида трупов, теперь распорядился, чтобы ему показали фильм о пытках и казнях генералов, где были засняты их тела в тюремной одежде, висящие на крюках с мясокомбината. Фотографию этой сцены он поставил на свой письменный стол⁷⁰. Его угроза в случае поражения разрушить Германию начинала действовать. И это была совсем не его заслуга, что Германию удалось сохранить.

Другие аспекты личности Гитлера

Невозможно понять личность Гитлера, как и любого другого человека, сосредоточившись лишь на одной из его страстей, пусть даже она представляется самой главной. Чтобы ответить на вопрос, как этот человек, движимый страстью к разрушению, сумел стать самой влиятельной фигурой в Европе, вызывавшей восхищение множества немцев (и изрядного числа жителей других стран), надо попытаться представить структуру его характера *в целом*, проанализировать его способности и таланты и вникнуть в особенности социальной ситуации, в которой он жил и действовал.

В дополнение к некрофилии, Гитлер может служить также примером садистского типа личности, хотя черты садиста в его характере несколько смазаны благодаря интенсивному действию страсти к чистому разрушению. Поскольку я уже анализировал садо-мазохистские, авторитарные качества личности Гитлера, остановлюсь здесь на этом лишь вкратце. Во всем, что писал и говорил Гитлер, прослеживается стремление властвовать над слабыми. Вот, например, как он объясняет преимущества проведения массовых митингов в вечернее время:

«По утрам и даже в течение дня человеческая воля гораздо сильнее сопротивляется попыткам подчинить ее другой воле и чужим мнениям. Между тем вечером люди легче поддаются воздействию, которое оказывает на них более сильная воля. В самом деле, каждый митинг — это борьба двух противоположных сил. Ораторский дар, которым обладает более сильная, апостолическая натура, в это время дня сможет гораздо легче захватить волю других людей, испытывающих естественный спад своих способностей к сопротивлению, чем это удалось бы сделать в другое время с людьми, еще сохранившими полный контроль над энергией своего разума и воли» (А. Гитлер, 1943).

Вместе с тем, со свойственной ему мазохистской покорностью, он считал, что действует, подчиняясь высшей силе, будь то «Провидение» или биологические законы. Как-то в одной фразе он выразил и свой садизм, и свою некрофилию: «Все, чего они (массы) хотят, это чтобы победил сильный, а слабый — был уничтожен или безжалостно подавлен» (А. Гитлер, 1943). Садист сказал бы просто: «подавлен». Только некрофил мог потребовать «истребления». Союз «или» в этой фразе указывает на связку садизма и некрофилии как разных сторон личности Гитлера. Однако у нас есть убедительные свидетельства, что страсть к истреблению была в нем сильнее, чем страсть к подавлению.

Тремя другими чертами его характера, тесно связанными между собой, были его нарциссизм, уход от реальности и отсутствие любви, тепла и привязанности к кому или чему бы то ни было.

Нагляднее всего в этой картине проявляется *нарциссизм*. Все типичные симптомы нарциссической личности были у Гитлера налицо. Он интересовался только собой, своими желаниями, своими мыслями. Он мог до бесконечности рассуждать о своих идеях, своем прошлом, своих планах. Мир был для него реальным лишь в той мере, в какой он являлся объектом его теорий и замыслов. Люди что-нибудь для него значили, только если служили ему или их можно было использовать. Он всегда знал все лучше других. Такая уверенность в собственных идеях и построениях указывает на развитую форму нарциссизма.

В своих суждениях Гитлер опирался в основном на эмоции, а не на анализ и *знание*. Вместо политических, экономических и социальных *фактов* для него существовала *идеология*. Он верил в идеологию, поскольку она удовлетворяла его эмоционально, а потому верил и в факты, которые в системе этой идеологии считались верными. Это не означает, что он вообще игнорировал факты. В каком-то смысле он был очень наблюдателен и некоторые факты мог оценить лучше, чем многие люди, которым не свойствен нарциссизм. Но эта способность, которую мы еще обсудим, не исключала того, что многие его фундаментальные представления имели абсолютно нарциссическую основу.

Ханфштенгль описывает ситуацию, в которой весь нарциссизм Гитлера раскрывается как на ладони. Геббельс велел сделать для себя звукозапись некоторых речей Гитлера и каждый раз, когда Гитлер к нему приходил, проигрывал ему эти речи. Гитлер «падал в огромное мягкое кресло и наслаждался звуками собственного голоса, пребывая как бы в состоянии транса (In einer Art von Vollnarkose). Он был как тот трагически влюбленный в себя самого греческий юноша, который нашел свою смерть в воде, с восхищением глядя в собственное отражение на ее гладкой поверхности» (Э. Ханфштенгль, 1970). Обсуждая «культ эго» Гитлера, Штрамм приводит слова генерала Альфреда Йодля о его «почти мистической уверенности в собственной непогрешимости как вождя нации и военачальника» (Х. Пикер, 1965). Шпеер показывает, как в строительных планах Гитлера проявлялась его «мания величия». Его дворец в Берлине должен был стать самой большой из когда-либо существовавших резиденций — в сто пятьдесят раз больше, чем резиденция канцлера, выстроенная во времена Бисмарка (А. Шпеер, 1970).

С нарциссизмом у Гитлера было тесно связано полное *отсутствие интереса* к кому-либо или чему-либо, кроме того, что служило ему лично. Его отношение к людям было холодным и дистантным. Его абсолютному нарциссизму соответствовало столь же полное отсутствие любви, нежности или способности сопереживания. На протяжении всей жизни рядом с ним не было никого, кто мог бы с полным основанием считаться его другом. Кубичек и Шпеер приблизились к нему больше других, но все же и их нельзя назвать «друзьями». Кубичек, будучи ровесником Гитлера, выступал по отношению к нему как слушатель, поклонник и компаньон, но Гитлер никогда не был с ним откровенен. Со Шпеером отношения складывались по-другому. В нем Гитлер, судя по всему, видел самого себя в роли архитектора. Через посредство Шпеера *он*, Гитлер, должен был стать великим зодчим. Он, кажется, был даже по-своему привязан к Шпееру. Это — единственная привязанность, которую можно отыскать во

всей его биографии, за исключением, быть может, привязанности к Кубичеку. И я допускаю, что одной из причин этого удивительного явления было то, что архитектура была единственной областью, к которой Гитлер испытывал неподдельный интерес, единственная сфера за пределами его собственной личности, где он мог по-настоящему жить. Тем не менее, Шпеер тоже не был его другом. Он сам хорошо сказал об этом на Нюрнбергском процессе: «Если бы у Гитлера вообще были друзья, я был бы его другом». Но у Гитлера друзей не было. Он всегда был скрытным одиночкой, — и в те времена, когда он рисовал открытки в Вене, и тогда, когда стал Фюрером Рейха. Шпеер говорит о его «неспособности к человеческим контактам». Но Гитлер и сам сознавал свое полное одиночество. Как вспоминает Шпеер, Гитлер однажды сказал ему, что, когда он (Гитлер) отойдет от дел, его вскоре забудут. «Люди повернутся к тому, кто придет на его место, как только поймут, что власть у него в руках...» Все его оставят. Играя с этой мыслью и преисполнившись жалости к себе, он продолжал: «Возможно, иногда меня посетит кто-нибудь из тех, кто шел со мной рука об руку. Но я на это не рассчитываю. Кроме фрейлейн Браун я никого с собой не возьму. Только фрейлейн Браун и собаку. Я буду одинок. Почему, в самом деле, кто-нибудь захочет добровольно проводить со мной время? Меня просто не будут замечать. Все они побегут за моим преемником. Быть может, раз в год они соберутся на мой день рождения» (А. Шпеер, 1970). Из этих слов видно, что Гитлер не только отдавал себе отчет, что его никто по-человечески не любит, но и был убежден, что единственное, что притягивает к нему людей, это его власть. Его друзьями были собака и женщина, которых он никогда не любил и не уважал, но держал у себя в подчинении.

Гитлер был холоден, сострадание было ему незнакомо. Шпеер, как и Геббельс, неоднократно пытались убедить его посетить из соображений пропаганды города, которые подверглись бомбардировке. «Но Гитлер всякий раз отметал эти предложения. Теперь во время поездок от Штеттинского вокзала в резиденцию канцлера или в свою квартиру на Принцрегентенштрассе в Мюнхене он велел шоферу ехать короткой дорогой, хотя прежде предпочитал маршруты длиннее. Поскольку я сопровождал его в нескольких таких поездках, я заметил, с каким безразличием он глядел на новые разрушения, мимо которых проезжала машина» (А. Шпеер, 1970). Единственным живым существом, «вызывавшим в нем проблески человеческого чувства», была его собака (А. Шпеер, 1970).

Другие люди, не столь тонкие, как Шпеер, часто в этом отношении обманывались. То, что казалось им *теплотой*, было в действительности *возбуждением*, возникавшим, когда Гитлер

касался своих излюбленных тем или лелеял планы мести и разрушения. Во всей литературе о Гитлере я ни разу не нашел хотя бы намек на то, что в какой-то ситуации он проникся сочувствием к кому-нибудь, ну если не к врагам, то по крайней мере к солдатам или к гражданам Германии. Никогда, принимая во время войны тактические решения, отдавая приказы не отступать (например, во время сражения под Сталинградом), не брал он в расчет число приносимых в жертву солдат. Они были для него только определенным «количеством стволов».

Предоставим подвести итог Шпееру: «Благородные человеческие качества у Гитлера отсутствовали. Нежность, любовь, поэзия были чужды его натуре. На поверхности он был вежлив, обаятелен, спокоен, корректен, дружелюбен, сдержан. Роль этой весьма тонкой оболочки состояла в том, чтобы скрывать его подлинные черты». (Послесловие Шпеера к книге Ж. Броссе, 1972).

Отношения с женщинами

В отношениях с женщинами Гитлер обнаруживал такое же отсутствие любви, нежности или сострадания, как и в отношениях с мужчинами. Это утверждение как будто противоречит факту привязанности Гитлера к матери. Однако, если предположить, что привязанность эта была злокачественной по своему типу, то есть холодной и безличной, для нас не будет неожиданностью, что и в дальнейшем его отношения с женщинами носили такой же характер.

Женщин, к которым Гитлер проявлял интерес, можно разделить на две категории, различающиеся, главным образом, по их социальному статусу: 1) «респектабельные» женщины, то есть богатые, занимающие высокое положение в обществе, или известные актрисы; 2) женщины, стоявшие ниже него на социальной лестнице, например, Гели Раубаль или Ева Браун — его подруга в течение многих лет. Его поведение и чувства, которые он испытывал по отношению к представительницам этих групп, были совершенно различны.

Среди женщин, принадлежавших к первой группе, были немолодые, богатые мюнхенские дамы, относившиеся к нему дружески и дарившие многочисленные подарки — для партии и для него лично. Что более важно — они приобщали его к великосветской жизни и обучали хорошим манерам. Он вежливо принимал их подношения и их восхищение, но никогда не вступил ни с одной из них в связь и не испытывал по отношению к ним никаких эротических переживаний. Это были в его жизни фигуры материнского типа.

Были и другие женщины, стоявшие в социальном отношении выше него, с которыми он был всегда неловок и застенчив. Прототипом этого отношения послужило его юношеское увлечение еще в Линце привлекательной девушкой из высшего класса по имени Стефани. Как свидетельствует Кубичек, он часами бродил около ее дома и старался встретить ее на прогулках, но никогда не осмелился с ней заговорить и не пытался сделать так, чтобы их кто-нибудь познакомил. В конце концов, он послал ей письмо, в котором писал, что хочет на ней жениться, но позднее, — когда будет из себя что-нибудь представлять. Письмо было без подписи. Все это поведение, на котором лежала печать полного отсутствия чувства реальности, можно объяснить его юношеской незрелостью, но, по свидетельству многих лиц, в частности, Ханфштенгля и Шпеера, такую же застенчивость он проявлял в отношениях с некоторыми женщинами и в последующие годы. Похоже, что женщинами, которые его волновали, он восхищался издали. Еще в Мюнхене он любил смотреть на привлекательных женщин. Придя к власти, он все время окружал себя красотками, главным образом киноактрисами. Но нет свидетельств, что у него был с кем-нибудь из них роман. По отношению к этим женщинам «Гитлер вел себя, как выпускник школы танцев на прощальном вечере. Он был смущенно-предупредителен, действовал строго по правилам, отпускал ровно положенное число комплиментов, встречал, провожал и на австрийский манер целовал руку» (А. Шпеер, 1970).

Кроме этого, были женщины, которыми он не восхищался, которых не уважал, такие как Гели Раубаль и Ева Браун. Они ему подчинялись. С женщинами этого типа он, судя по всему, обычно вступал в связь.

Половая жизнь Гитлера была предметом самых различных спекуляций. Многие авторы утверждают, что он был гомосексуалистом, но соответствующих свидетельств нет и, кажется, это было не так⁷¹. С другой стороны, ничем не подтверждено, что его половая жизнь была нормальной и что он вообще не был импотентом. Основным источником сведений об этой сфере жизни Гитлера являются воспоминания Ханфштенгля, который в 1920-е и в начале 1930-х гг. провел с ним немало времени в Мюнхене и в Берлине⁷².

Ханфштенгль передает слова, сказанные Гели Раубаль своей подруге: «Мой дядя чудовище. Невозможно представить, чего он от меня требует!» Это косвенным образом подтверждает другая история, которую приводит Ханфштенгль, рассказанная ему Ф. Шварцем, казначеем Партии в 20-е гг. Как тот утверждал, Гитлера шантажировал человек, завладевший порнографическими рисунками, на которых Гитлер изобразил Гели в таких поло-

жениях, «которые отказалась бы принимать любая профессиональная натурщица». Гитлер распорядился выдать требуемую сумму, но не позволил уничтожить рисунки. Они хранились затем в его сейфе в Коричневом Доме. Никто не знает, что на них было изображено, но вряд ли это была просто обнаженная Гели, ибо в Мюнхене 20-х гг. такой сюжет не мог быть достаточно компрометирующим, чтобы шантажировать Гитлера. Вероятно, что сюжеты рисунков были связаны с какими-то извращениями и что сексуальные наклонности Гитлера носили ненормальный характер. Но мы не можем с уверенностью сказать, что Гитлер был абсолютно не способен совершать нормальный половой акт, как это утверждает Ханфштенгль. Однако можно предположить, что сексуальные привычки такого холодного, внутренне скованного человека, с явными садистскими и некрофильскими наклонностями, каким был Гитлер, носили извращенный характер. Впрочем, вряд ли стоит при отсутствии данных пытаться представить детальную картину его сексуальных предпочтений. Я думаю, что, как минимум, можно быть уверенным, что с женщинами, стоявшими ниже него, сексуальные отношения складывались по анально-садистскому типу, а с женщинами, вызывавшими его восхищение — по мазохистскому.

Мы также ничего не знаем о его сексуальных отношениях с Евой Браун, но нам известно довольно много об их взаимоотношениях на эмоциональном уровне. Ясно, что она была ему безразлична. Об этом свидетельствуют, например, подарки, которые он дарил ей ко дню рождения. Он просто велел своему адъютанту купить каких-нибудь дешевых украшений и дежурный букет цветов. «Вообще, Гитлер с базразличием относился к ее чувствам. В ее присутствии он рассуждал о женщинах так, будто ее не было рядом. «У мужчины с высоким интеллектом должна быть примитивная и глупая женщина», — говорил он» (А. Шпеер, 1970).

Интересным документом, свидетельствующим об отношении Гитлера к Еве Браун, является ее дневник. И хотя местами ее почерк неразборчив, там можно прочитать примерно следующее.

«11 марта 1935 г. Я хочу только одного — тяжело заболеть, чтобы не видеть его хотя бы неделю. Почему со мной ничего не случится? Зачем мне все это? Если бы я его никогда не встречала! Я в отчаянии. Я снова покупаю снотворные порошки, чтобы забыться и больше об этом не думать.

Иногда я жалею, что не связалась с дьяволом. Я уверена, что с ним было бы лучше, чем здесь.

Три часа ждала я перед входом в Карлтон, чтобы увидеть, как он принес цветы... и повел ее обедать. (Приписка 16 марта: большое воображение.)

Он использует меня только для определенных целей, иначе это невозможно. (Позднее добавлено: нонсенс!)

Когда он говорит, что любит меня (er hat mich lieb), это только минутное настроение. Это как обещания, которые он никогда не выполняет.

1 апреля 1935 г. Вчера вечером он пригласил нас в Фиер Ярессейтен (ресторан в Мюнхене.— Э.Ф.). Я должна была сидеть с ним рядом три часа и не могла сказать ему ни слова. Прощаясь, он дал мне, как это уже однажды было, конверт с деньгами. Как было бы приятно, если бы он еще приписал несколько теплых слов: это доставило бы мне такое удовольствие. Но он об этом не думает.

28 мая 1935 г. Я только что отправила ему письмо, что для меня очень важно, будет ли он... (неразборчиво).

Что ж, посмотрим. Если я не получу ответа сегодня к десяти вечера, я просто приму мои двадцать пять таблеток и незаметно... засну.

Разве это... любовь, как он меня часто уверяет, если он в течение трех месяцев не сказал мне ласкового слова?..

Господи, я боюсь, что он не ответит сегодня. Если бы кто-нибудь мне помог, все так ужасно и безнадежно. Наверное, мое письмо пришло в неподходящий момент. Может быть, я не должна была ему писать? Как бы то ни было, неизвестность сносить труднее, чем внезапный конец.

Я решила принять тридцать пять таблеток. Теперь это уже наверняка. Если бы он хотя бы попросил кого-нибудь мне позвонить»⁷³.

В том же дневнике она жалуется, что он не купил ей ко дню рождения того, чего она так хотела (маленькую собачку и одежду), но лишь велел кому-то принести ей цветов. Она сама купила себе украшений примерно на двенадцать долларов в надежде, что ему по крайней мере будет приятно, когда она появится в них.

Есть свидетельства, что поведение Гитлера по отношению к женщинам, которые ему по-настоящему нравились, носило мазохистский характер. Ханфштенгль рассказывает, что однажды Гитлер пришел к нему в гости, и когда хозяин на минуту вышел из комнаты, он бросился на колени перед его женой, миссис Ханфштенгль, сказал, что он ее раб, и стал корить судьбу за то, что он так поздно встретил ее в своей жизни. Главное в этом эпизоде,— мазохистское поведение Гитлера,— подтверждается документом, который удалось отыскать Лангеру (1972). Известная киноактриса Рене Мюллер рассказала своему режиссеру А. Цейслеру о том, что случилось в тот вечер, когда она была приглашена в резиденцию канцлера:

«Она была уверена, что он хочет с ней переспать. Они оба уже разделились и вроде бы собирались лечь, когда Гитлер внезапно повалился на пол и стал умолять, чтобы она его ударила. Она не решалась, но он просил ее, говорил, что он ни на что не годится, обвинял себя во всех грехах и униженно ползал перед ней, как в агонии. Сцена эта стала для нее невыносимой, и она в конце концов вняла его уговорам и ударила его. Это его страшно возбудило и он просил еще и еще, бормоча, что это больше, чем он мог ожидать, что он недостойн находиться с ней в одной комнате. Она продолжала его бить, и он все больше приходил в возбуждение».

Вскоре после этого Рене Мюллер покончила с собой.

Были и другие женщины из высшего класса, про которых говорили, что у них роман с Гитлером. Но мы не знаем, как далеко заходили эти отношения. Примечательно, что многие женщины, испытывшие близость с Гитлером, покончили или пытались покончить жизнь самоубийством: Гели Раубаль, Ева Браун (дважды), Рене Мюллер, Юнити Митфорд и еще несколько более сомнительных случаев, о которых упоминает Мазер. Трудно удержаться от замечания, что страсть Гитлера к разрушению распространялась и на них.

Какой бы ни была природа извращенных сексуальных наклонностей Гитлера, какими бы ни были подробности, знание о них мало добавляет к тому, что мы уже о нем знаем. Более того, нам приходится оценивать достоверность имеющихся скудных данных об этой сфере его жизни, рассматривая их сквозь призму его характера.

Способности и таланты

В ходе характерологического анализа Гитлер все более отчетливо предстает перед нами как человек замкнутый, склонный к нарциссизму, чуждый близости с другими людьми, не умевший трудиться и обладавший ярко выраженными чертами садо-мазохиста и некрофила. Непонятно, как он мог при этом достигать успеха, если не обладал исключительными способностями и талантами. Но был ли в действительности талантлив Гитлер?

К числу его очевидных, лежавших на поверхности способностей относилось умение влиять и производить впечатление на людей, убеждая их в чем-либо. Эта способность, как мы видели, была у него еще в детстве. Он обнаружил ее и стал использовать, выступая в роли лидера в играх с другими детьми в войну, затем — во взаимоотношениях с Кубичеком, который был первым его реальным последователем, наконец — в гостинной Маннергайма в Вене. В 1919 г., вскоре после революции, военное начальство

послало его с пропагандистской миссией, имевшей целью склонить солдат к правым идеям и возбудить в них ненависть к революционерам. Он познакомился с небольшой группой, входившей в Социалистическую Рабочую Партию (всего около пятидесяти человек), стал в течение года непререкаемым лидером этой партии, добился ее переименования в Национал-Социалистическую Немецкую Рабочую Партию, изменения устава и уже в то время считался одним из самых популярных ораторов Мюнхена.

Эта способность влиять на людей,— главный талант всех демагогов,— имела несколько корней.

Прежде всего, здесь надо вспомнить о том, что обычно называли его магнетизмом, источником которого, по мнению большинства авторов, были его глаза (Х. Пикер, 1965; В. Мазер, 1971; А. Шпеер, 1970). Описано много случаев, когда люди, относившиеся к нему с предубеждением, внезапно меняли точку зрения и шли за ним после того, как он прямо глядел им в глаза. Вот как вспоминает о своей первой встрече с Гитлером профессор А. фон Мюллер, читавший курс истории для солдат, проходивших разведывательную подготовку в Мюнхене:

«Заканчивая свою лекцию, я заметил в аудитории небольшую группу, заставившую меня остановиться. Они стояли как будто загипнотизированные человеком, обращавшимся к ним и говорившим странным гортанным голосом, без остановки и со все возрастающим возбуждением. У меня возникло странное чувство, что возбуждение его слушателей тоже все время росло, и это в свою очередь придавало дополнительную силу его голосу. Я увидел бледное, худое лицо... с коротко подстриженными усиками и огромными бледно-голубыми сверкающими и в то же время холодными глазами фанатика» (В. Мазер, 1971).

Существует много других свидетельств, упоминающих свойственный взгляду Гитлера магнетизм. Поскольку я сам видел его лишь на фотографиях, которые именно об этом качестве могут создать превратное впечатление, мне остается только высказывать предположения об этом явлении. Однако задача моя облегчается тем, что у людей с сильно развитым нарциссизмом часто наблюдается специфический блеск в глазах, создающий впечатление сосредоточенности, целеустремленности и значительности как бы не от мира сего. В самом деле, порой бывает нелегко различить по выражению глаз человека духовно развитого, почти святого, и человека, страдающего сильным нарциссизмом, по сути полусумасшедшего. Единственным эффективным критерием является в таком случае присутствие (соответственно — отсутствие) теплоты во взгляде. Но все свидетели сходятся в том, что глаза Гитлера были холодными,— как было холодным и выражение его

лица в целом,— и что ему вообще были несвойственны всякая теплота или сочувствие. Эта черта может отталкивать,— и она действительно отталкивала многих,— но может быть и источником магнетической силы. Лицо, выражающее холодную жестокость, вызывает страх. Но некоторые страху предпочитают восхищение. Здесь лучше всего подойдет слово «трепет»: оно абсолютно точно передает возникающее в такой ситуации смещение чувств. Трепет соединяет в себе ужас и благоговение⁷⁴.

Еще одним фактором, объясняющим суггестивные способности Гитлера, была *уверенность* в своих идеях, свойственная всякой нарциссической личности. Чтобы понять это явление, надо вспомнить, что во всем нашем знании есть только один непреложный факт: это смерть. Но сказать, что мы ничего не знаем наверняка, не значит утверждать, что мы живем лишь догадками. От культурной догадки к гипотезе и дальше к теории ведет путь познания, уменьшающего неопределенность и опосредованного разумом, реалистическим наблюдением, критическим мышлением и воображением. Для того, кто обладает этими способностями, относительная неопределенность — вещь вполне приемлемая, ибо она является результатом приложения этих качеств. Определенность же уныла, ибо она мертва. Но если у людей этих способностей нет,— особенно когда дело происходит в обстановке такой социальной и политической неопределенности, как это было в Германии в 20-е гг.,— они обращают свои взоры к фанатику, имеющему ответы на все вопросы, и с готовностью объявляют его почти что спасителем.

Еще одним связанным с этим фактором, облегчавшим демагогическую деятельность Гитлера, был его дар *упрощенного толкования*. Его речи не были перегружены тонкостями интеллектуальных или моральных суждений. Он брал факты, подтверждавшие его тезисы, грубо лепил их один к другому и получал текст, вполне убедительный, по крайней мере, для людей, не отягощенных критической способностью разума. Кроме того, он был блестящим актером и умел, например, очень точно передавать мимику и интонации самых различных типов⁷⁵. Он в совершенстве владел голосом и свободно вносил в свою речь модуляции, необходимые для достижения нужного эффекта. Обращаясь к студентам, он бывал спокоен и рассудителен. Одна манера речи предназначалась у него для общения с грубоватыми старыми мюнхенскими друзьями, другая — для разговора с немецким принцем, третья — для бесед с генералами. Он мог устроить гневную сцену, желая сломить неуступчивость чехословацких или польских министров, а принимая Чемберлена, мог быть предупредительным и дружелюбным хозяином.

Говоря о способности Гитлера оказывать воздействие на людей, нельзя пройти мимо его *приступов гнева*. Внезапные вспышки гнева сыграли большую роль в формировании клишированного образа Гитлера, особенно за пределами Германии, рисуящего его как человека всегда разгневанного, орущего, не владеющего собой. Такой образ весьма далек от того, что было в действительности. Гитлер был в основном спокоен, вежлив и хорошо владел собой. Вспышки гнева, хотя и довольно частые, были все-таки в его поведении исключением. Но они бывали очень интенсивными. Эти приступы случались в ситуациях двух типов. Во-первых, во время его выступлений, особенно под конец. Ярость его была при этом совершенно подлинной, не наигранной, ибо ее питала настоящая ненависть и страсть к разрушению, которым он давал свободно излиться в какой-то момент своей речи. Именно подлинность делала его гневные тирады столь убедительными и заразительными. Но, будучи подлинными, они отнюдь не были бесконтрольными. Гитлер очень хорошо знал, когда приходило время подстегнуть эмоции слушателей, и только тогда открывал плотину, которая сдерживала его ненависть.

Вспышки ярости, возникающие во время бесед, были совсем другими. Они напоминали скорее те приступы, которые случались с ним в ситуациях фрустрации в детстве⁷⁶. Шпеер говорит, что они были сродни капризам шестилетнего ребенка, и действительно, «эмоциональный возраст» Гитлера был где-то около шести лет. Этими вспышками Гитлер наводил страх на собеседников, но он был в состоянии их контролировать, когда в этом была нужда.

Вот характерная сцена, описанная одним из выдающихся немецких военачальников, генералом Хайнцем Гудерианом:

«С красным от гнева лицом, поднятыми вверх кулаками, весь дрожа от ярости, он (Гитлер) стоял передо мной, потерявши всякое самообладание (*fassungslos*)... Он кричал все громче и громче, лицо его перекошило». Когда он увидел, что этот спектакль не произвел впечатления на Гудериана, который продолжал настаивать на мнении, вызвавшем всю эту вспышку гнева, Гитлер вдруг переменился, дружелюбно улыбнулся и сказал: «Продолжайте, пожалуйста, доклад. Сегодня Генеральный Штаб выиграл сражение» (В. Мазер, 1971).

Оценка, которую дает этому поведению Гитлера Шпеер, подтверждается многими свидетельствами.

«После драматических переговоров Гитлер любил высмеивать своих оппонентов. Однажды он описывал таким образом визит Шушнинга 12 февраля 1939 г. в Оберзальцберг. Он сказал, что, изобразив приступ гнева, он заставил австрийского канцлера понять всю серьезность ситуации и в конце концов уступить. Вероятно, многие из его широко известных истерических сцен

были хорошо продуманным спектаклем. Вообще, Гитлер на удивление умел владеть собой. В те времена он терял самоконтроль всего несколько раз, по крайней мере, в моем присутствии» (А. Шпеер, 1970).

Еще одним замечательным даром Гитлера была его исключительная *память*. Приведем свидетельство Шрамма:

«Одна способность, которой он вновь и вновь удивлял окружающих — включая тех, на кого не действовали его чары, — была его невероятная память. Он мог легко воспроизвести любую несущественную деталь, — имена героев в романе Карла Мая, фамилии авторов когда-то прочитанных книг, даже инструкции по изготовлению велосипедов, которые он читал в 1915 г. Он точно помнил все даты своей политической биографии, гостиницы, в которых когда-то жил, названия улиц, по которым ездил» (Х. Пикер, 1965).

Известно, что Гитлер легко запоминал цифры и технические детали. Он мог назвать точный калибр и дальность любого оружия, количество подводных лодок, которые находятся в данный момент в плавании или стоят в гавани, и множество других подробностей, имевших значение для ведения войны. Неудивительно, что его генералы бывали искренне поражены глубиной его знаний, хотя в действительности это было только свойство механической памяти.

Здесь мы подходим к важному вопросу об *эрудиции* и *знаниях* Гитлера, вопросу, который приобретает особое звучание сегодня, когда участились попытки вновь поднять на щит образ Гитлера и воскресить атмосферу восхищения «величием» этого человека. Эта тенденция отчетливо прослеживается в широко публикуемых ныне воспоминаниях бывших нацистов.

Мазер занимает в этом вопросе довольно противоречивую позицию. Он предупреждает читателя, что не следует доверять суждениям Гитлера о своей собственной эрудиции, ибо они сомнительны и не подтверждены объективными данными. (Гитлер, например, утверждал, что каждую ночь он прочитывал одну серьезную книгу и таким образом, начиная с двадцатидвухлетнего возраста, успел серьезно изучить всемирную историю, историю искусств, архитектуры и политических наук). Затем, игнорируя свое предостережение, Мазер пишет, не ссылаясь при этом на источники, что, по словам «хорошо осведомленных» свидетелей, Гитлер начал еще в школьные годы изучать серьезные труды по науке и искусству, но более всего продвинулся в тех областях истории, в которых он сам считал себя специалистом. Приведем лишь один яркий пример, показывающий, сколь уязвима не критичная позиция, занимаемая Мазером в оценке эрудиции Гитлера. Мазер пишет, что заметки Гитлера в *Zwiesgespräche*

подтверждают «то, что до этого и так неоднократно доказывал Гитлер, — в публичных выступлениях и в частных беседах, — его глубокое знание Библии и Талмуда» (В. Мазер, 1971). Талмуд — большая и сложная книга. И чтобы добиться ее «глубокого знания», нужны годы. Между тем здесь нет никакой загадки: в антисемитской литературе, с которой Гитлер был прекрасно знаком, разбросано множество цитат из Талмуда, часто искаженных или вырванных из контекста, чтобы доказать порочность евреев. Гитлер запоминал эти фразы и блефовал, внушая своим слушателям, что он «глубоко изучил» Талмуд. То, что ему верили его слушатели, в общем понятно. Гораздо печальнее, что тридцать лет спустя на ту же удочку попался профессиональный историк.

Гитлер действительно мог бойко рассуждать с видом компетентного человека буквально обо всем на свете, и всякий, кто прочтет его «Беседы» (Х. Пикер, 1965), может легко себя в этом убедить. Он без труда вдавался в проблемы палеонтологии, антропологии, любых областей истории, философии, религии, женской психологии и биологии.

Но что показывает критический анализ эрудиции и знаний Гитлера?

В школе он был полностью не способен к серьезному чтению, даже по истории, которая его интересовала. В венский период он в основном проводил время, гуляя по улицам, разглядывая здания, делая зарисовки и беседуя. Способность к упорной учебе и серьезному, глубокому чтению могла появиться у него после войны, но, кроме заявлений самого Гитлера, у нас нет об этом никаких свидетельств. (Считается, что он пронес с собой через всю войну том Шопенгауэра. Неизвестно, однако, много ли он из него прочитал.) С другой стороны, как показывает внимательное изучение его «Бесед», речей и *Mein Kampf*, он был жадным читателем и обладал способностью отыскивать и запоминать факты, чтобы затем использовать их при любой возможности, подкрепляя свои идеологические посылки.

Если попытаться объективно взглянуть на *Mein Kampf*, мы едва ли сможем квалифицировать его как труд, написанный действительно эрудированным человеком. Это скорее умно — и очень недобросовестно — состряпанный пропагандистский памфлет. Что же касается его речей, то, несмотря на их потрясающую эффективность, они были произведениями уличного демагога, но не образованного человека. «Беседы» демонстрируют его самые высокие интеллектуальные и коммуникативные достижения. Но и в них он предстает перед нами как одаренный, но очень поверхностно образованный человек, не знавший ничего досконально, который, перескакивая из одной области знаний в другую, ухитрялся, благодаря своей удивительной памяти, выстраивать

более или менее связные цепочки фактов, специально выуженных из различных книг. Порой он допускал грубейшие ошибки, свидетельствующие о недостатке у него фундаментальных знаний. Но время от времени ему удавалось удивлять своих слушателей, хотя, по-видимому, и не всех.

(Пытаясь определить впечатление, которое производили «Беседы» на гостей Гитлера, следует помнить, что, хотя среди его слушателей были в основном образованные и интеллигентные люди, многие из них были загипнотизированы его личностью и потому готовы были не замечать существенных пробелов в его знаниях. Кроме того, их безусловно поражала широта его кругозора и уверенность, с которой он судил обо всем. Будучи воспитаны в традициях интеллектуальной честности, они просто не могли допустить мысли, что человек, сидящий перед ними, блефует.)

Как свидетельствуют различные источники, Гитлер, за немногими исключениями, не читал ничего, что противоречило его идеологическим предрассудкам или требовало критического и объективного размышления. Такова была структура его личности, что мотивом к чтению у него было не познание, но добывание все новых и новых средств, дающих возможность убеждать других и себя. Он хотел, чтобы все, что он читает, его волновало, и во всем искал только подтверждение своих предрассудков, которое приносило бы ему немедленное эмоциональное удовлетворение. Так же, как он не интересовался музыкой Баха или Моцарта, а слушал только оперы Вагнера, он не читал книг, которые требовали внимания и участия, открывали красоту истины. Он буквально пожирал печатные страницы, но с очень прагматической установкой. В любой области вряд ли нашлись бы сколько-нибудь серьезные книги, которые можно было читать таким способом. Для этого скорее годились политические памфлеты и псевдонаучные призывы, такие как книги по расовой теории Гобино или Чемберлена, или популярные брошюры по дарвинизму, где он мог вычитывать то, что ему было нужно. Вероятно, он читал литературу по вопросам, которые его действительно интересовали, то есть по архитектуре и военной истории, но насколько серьезно — мы не знаем. В общем, чтение Гитлера сводилось, по-видимому, лишь к популярной литературе (включая памфлеты), где он отыскивал цитаты из более серьезных источников, которые он запоминал и воспроизводил в нужный момент, создавая впечатление, что ему известны первоисточники. Действительная проблема заключается вовсе не в том, сколько книг прочитал Гитлер, а в том, приобрел ли он в результате фундаментальное качество образованного человека — способность объективного и осмысленного усвоения знания. Можно часто услышать, что Гитлер всего

достиг самообразованием. Я бы сказал иначе: Гитлер был не самоучкой, но недоучкой, и то, чего он недоучил, было знание о том, что такое знание.

Необразованность Гитлера проявлялась не только в этом. У него, безусловно, была возможность приглашать немецких ученых, работающих в любой из областей, чтобы с их помощью расширить и углубить свои знания. Но, по свидетельству Шрамма, равно как и Шпеера, он тщательно избегал таких ситуаций⁷⁷. Он неловко себя чувствовал в присутствии людей, стоявших с ним наравне или выше его, чего бы это ни касалось. Это — типичное проявление нарциссического и авторитарного характера. Он должен был всегда находиться в положении, где он мог чувствовать себя неуязвимым. Если это было не так, общение (так же, как и серьезная книга) представляло угрозу всему стройному зданию его полузнания.

Гитлер избегал специалистов. Единственное исключение он делал для архитекторов, в особенности для профессора П. Л. Трооста. Троост не раболепствовал перед Гитлером. Когда Гитлер приходил к нему на квартиру, Троост никогда не встречал его у входа и не провожал до дверей, когда тот уходил. Тем не менее Гитлер был в восхищении от Трооста. С ним он не был ни высокомерным, ни многословным, но вел себя как студент (А. Шпеер, 1970). Даже на фотографии, опубликованной в книге Шпеера, можно увидеть, как Гитлер тушует перед профессором. Я думаю, что Гитлер так вел себя по отношению к Троосту, потому что, как я уже отмечал, интерес его к архитектуре был совершенно искренним.

В музыке и живописи, так же как в истории и философии, вкусы Гитлера определялись почти исключительно его страстями. Каждый вечер, после ужина в Оберзальцберге, он смотрел два кинофильма. Больше всего он любил оперетты и мюзиклы. И не терпел фильмов о путешествиях, о природе или учебных фильмов (А. Шпеер, 1970). Как я уже упоминал, его приводили в восторг фильмы типа Fredericus Rex. В музыке его интересовала почти исключительно оперетта и Вагнер, который был для него просто необходимым эмоциональным допингом. Ханфштенгль часто играл для него в течение нескольких минут Вагнера, особенно когда он был в подавленном настроении, и Гитлер немедленно приходил в норму.

Мы не знаем, интересовался ли этот бывший художник живописью. Он предпочитал осматривать музеи снаружи, оценивая их архитектуру, но редко заходил внутрь, чтобы познакомиться с картинами. Вот как описывает Ханфштенгль их посещение Музея Кайзера Фридриха в Берлине в начале 20-х гг. Первым полотном, перед которым остановился Гитлер, был «Человек с

золотым шлемом» Рембрандта. «Разве это не уникально?» — сказал он, обращаясь к юному отпрыску члена Партии, которого взял с собой в музей. — «Этот героический взгляд солдата. Эта воинственность во всем. Здесь видно, что Рембрандт был, все-таки, арийцем и германцем, хотя он иногда и выбирал модели в еврейском квартале Амстердама».

Гитлер-художник в основном копировал открытки и старые гравюры. Главным образом, это были фасады зданий («архитектурная графика»), но также и пейзажи, портреты и иллюстрации для рекламы. Он руководствовался принципом спроса и, как мы знаем, повторял некоторые сюжеты, если они хорошо продавались. Качество его живописи и рисунков в общем соответствовало тому, что можно было бы ожидать от художника его уровня. Его произведения имели опрятный вид, но были безжизненны и не слишком выразительны. Лучше всего ему удавались архитектурные эскизы. Но даже когда он не копировал их (например, во время войны), они все равно отличались точностью, педантизмом и сухостью. В них никогда не было ничего личного, хотя они были «неплохо исполнены» (А. Шпеер, 1970). Даже сам Гитлер признал впоследствии, что он рисовал только для того, чтобы заработать себе на жизнь, и был «маленьким художником» (ein kleiner Maler). В 1944 г. он сказал своему другу Хоффману, фотографу: «Я не хочу быть художником. Я рисовал, только чтобы жить и учиться» (В. Мазер, 1971). Из этого можно заключить, что он был коммерческим художником, копировальщиком и не имел настоящего таланта к живописи⁷⁸.

Впечатление, что Гитлеру не доставало оригинальности, еще усиливается, если взглянуть на более чем сотню его эскизов, которые хранятся у Шпеера. Я не эксперт в вопросах искусства, но думаю, что всякий психологически сензитивный человек отметил бы педантизм и безжизненность этих набросков. Например, одна небольшая деталь в эскизах театрального интерьера повторяется многократно и, по сути, без изменений. Такие же повторы есть в серии эскизов обелиска. Иногда в карандашных штрихах чувствуется агрессия. В других случаях поражает отсутствие какой-либо выразительности, личного отношения. Было очень любопытно обнаружить среди этих рисунков (выполненных между 1925 и 1940 гг.) безыскусные изображения подводных лодок, танков и другого военного снаряжения⁷⁹.

То обстоятельство, что Гитлер не проявлял интереса к живописи, не означает, что его интерес к архитектуре не был подлинным и искренним. Это очень важно для понимания личности Гитлера, ибо, по всей видимости, это было единственное, что его по-настоящему интересовало в жизни. Дело в том, что интерес этот не вытекал из его нарциссизма, не был проявлением

его деструктивности и не являлся блефом. Конечно, трудно судить о подлинности интересов человека, в такой степени привыкшего выдавать себя не за того, кто он есть. Тем не менее я считаю, что у нас есть свидетельства, неопровержимо доказывающие неподдельность его интереса к архитектуре. Самым знаменательным в этом отношении фактом является его готовность, о которой говорит Шпеер, без конца обсуждать архитектурные проекты. Очевидно, что при этом он был движим реальной заинтересованностью в чем-то, что лежало за пределами его персоны. И не менторствовал, а задавал вопросы и по-настоящему принимал участие в дискуссии. Я убежден, что только в эти моменты этот властолюбивый, бесчувственный разрушитель начинал участвовать в жизни, хотя общение с ним все равно оставляло Шпеера без сил, ибо он имел дело с его личностью в целом. Я не утверждаю, что, говоря об архитектуре, Гитлер в корне менялся, но это была ситуация, в которой «чудовище» больше всего становилось похоже на человека.

Это не означает, что Гитлер был прав, когда утверждал, что внешние обстоятельства не позволили ему стать архитектором. Как мы видели, ему надо было сделать совсем немного, чтобы достичь этой цели, но он этого не сделал, потому что стремление к власти и разрушению оказалось в нем более сильным, чем любовь к архитектуре. Вместе с тем, гипотеза о подлинности его интереса к архитектуре не отрицает того факта, что у него была гигантомания и дурной вкус. Как отмечает Шпеер, он любил неабарокко 80-х и 90-х гг. и постоянно обращался к его декадентским формам, популярным во времена Кайзера Вильгельма II. То, что в архитектуре, как и в других областях, его подводил вкус, неудивительно, ибо вкус неотделим от характера. Гитлер был грубой, примитивной, бесчувственной натурой, он был слеп ко всему, что не касалось его лично, и потому вряд ли мог обладать изысканным вкусом. И все же, я думаю, важно было отметить этот факт — подлинность его интереса к архитектуре, поскольку это был единственный конструктивный элемент в его характере и, быть может, единственный мостик, который связывал его с жизнью.

Оболочка

Анализ характера Гитлера будет неполным, если мы упустим из виду, что этот терзаемый страстями человек был на поверхности дружелюбным, вежливым, сдержанным и почти застенчивым. Он был особенно обходителен с женщинами и никогда не забывал послать им цветы по случаю какого-нибудь торжества. Он ухаживал за ними за столом, предлагал пирожные

и чай. Он стоял, пока не селись его секретарши. В предисловии к «Беседам» Шрамм пишет, какое впечатление производил он на окружающих его людей. «В кругу приближенных к нему людей бытовало убеждение, что «босс» проявляет заботу об их благополучии, разделяет их радости и печали, что он, например, заранее думает о том, какой подарок человеку будет приятно получить на день рождения...» Д-р Х. Пикер, молодой человек, который, до того как он попал в окружение Гитлера, «видел его только издали, в роли «государственного мужа», был чрезвычайно поражен той гуманной атмосферой, которую Гитлер создавал в своем узком кругу, покровительством, которое он оказывал к младшим, его готовностью смеяться со всеми... Да, в этом кружке Гитлер, одинокий человек, не имевший семьи и друзей, был хорошим «товарищем», а что такое товарищество, он узнал во время Первой Мировой войны и принес это знание в мирную жизнь. Люди, окружавшие Гитлера, знали, как нравятся ему красивые и хорошо одетые женщины, знали о его любви к детям, видели, как он был привязан к своим собакам и как он наслаждался, наблюдая поведение этих животных» (Х. Пикер, 1965).

Эту роль дружелюбного, доброго, чуткого человека Гитлер умел играть очень хорошо. И не только потому, что он был великолепный актер, но и по той причине, что ему нравилась сама роль. Для него было важно обманывать свое ближайшее окружение, скрывая всю глубину своей страсти к разрушению, и, прежде всего, обманывать самого себя⁸⁰.

Кто взялся бы утверждать, что в поведении Гитлера не было ни одного доброго элемента, что в нем вовсе отсутствовала благонамеренность? Мы должны допустить, что такие элементы в нем были, ибо, наверное, не бывает людей, в которых нет ни крупицы любви и добра. Вместе с тем то, что было в нем доброго, могло быть, как мы имели возможность убедиться, только элементом покрывавшей его личность оболочки. Так, забота Гитлера о подарках к дням рождения своих сотрудников контрастирует с его поведением по отношению к Еве Браун, на которую он не собирался производить впечатление своей обходительностью. Что касается смеха Гитлера, то здесь Пикер оказался недостаточно проницателен, чтобы различить в нем искусственность и принужденность. Чтобы понять, чего стоит пресловутое чувство товарищества, приобретенное, по словам Пикера, на войне, процитируем вслед за Ханфштенглем рапорт офицера, начальника Гитлера, где он пишет, что, хотя Гитлер является примерным и дисциплинированным солдатом, «он был исключен из списков на присвоение очередного звания из-за высокомерного отношения к товарищам и раболепства перед

начальством» (Э. Ханфштенгль, 1970). Любовь к детям — замечательная черта, которую слишком часто эксплуатируют политики: в личной беседе Шпеер выразил серьезные сомнения в ее подлинности в случае Гитлера. Столь же сомнительной оказывается и его любовь к собакам. Шрамм пишет, что Гитлер приказал соорудить в своей штаб-квартире полосу препятствий вроде тех, на которых тренируют пехотинцев. Здесь она использовалась для испытания смелости и сообразительности собак. Офицер, который был приставлен к собакам, показал Шрамму, с какой быстротой они могут реагировать на сменяющие друг друга команды «стоять» и «лежать». В связи с этим Шрамм замечает: «У меня возникло впечатление, что передо мной машина, а не собака. И мелькнула мысль, что, тренируя псов, Гитлер стремится лишить их воли» (Х. Пикер, 1965).

Шрамм пишет, что у Гитлера было два лица — дружелюбное и устрашающее, — и что оба были настоящими. Когда говорят, что в каком-то человеке сидят два человека, сменяющие друг друга, как Джекиль и Хайд⁸¹, предполагается, что оба являются подлинными. Однако уже со времен Фрейда такая точка зрения не может считаться психологически состоятельной. Реальный водораздел проходит между ядром бессознательного и ролью, которую человек играет, включающей рационализации, компенсации и другие формы защиты, скрывающие реальность. Даже если не апеллировать к фрейдизму, теория двойственной личности поразительно и опасно наивна. Кто не встречал людей, которые обманывают не только словами, но всем своим поведением, манерой держаться, интонацией, жестами? Многие люди умеют искусно представлять персонаж, которым они хотят казаться. Они так мастерски играют роль, что нередко вводят в заблуждение людей проницательных и психологически искушенных. Не имея внутри никакой фокусной точки, никаких подлинных принципов, ценностей или убеждений, Гитлер мог «играть» доброго дядю и даже не сознавать в тот момент, что это всего лишь роль.

Гитлеру нравилась эта роль не только потому, что он хотел кого-то обмануть. Она была ему навязана ситуацией, в которой он рос. Я даже не имею в виду, что его отец был незаконнорожденным ребенком, а мать не имела образования. Социальная ситуация этой семьи была особенной и по другим причинам. Отчасти из-за работы отца, отчасти по другим соображениям, семья жила в разное время в пяти разных городах. Кроме того, будучи имперским таможенным чиновником, отец держался несколько особняком в местном сообществе, принадлежавшем к среднему классу, хотя с точки зрения доходов он вполне мог в него вписаться. Но где бы они ни жили, семья Гитлеров никогда не была полностью интегрирована в местную

социальную ситуацию. И хотя они вполне сводили концы с концами, в культурном отношении они принадлежали к низшему слою буржуазии. Отец происходил из низов и интересовался лишь политикой и пчелами. Свободное время он проводил обычно в таверне. Мать была необразованной и занималась только семьей. Будучи тщеславным юношей, Гитлер должен был ощущать социальную незащищенность и стремиться к признанию в более обеспеченных слоях среднего класса. Уже в Линце он почувствовал вкус к элегантной одежде: он выходил прогуляться в костюме с иголки и с тростью. Мазер пишет, что в Мюнхене у Гитлера была фракная пара и что его одежда всегда была чистой, выглаженной и никогда не потрепанной. Затем проблему одежды решила военная форма, но его манеры остались манерами хорошо воспитанного буржуа. Цветы, внимание к интерьеру своего дома, поведение — все это указывало на несколько назойливое желание продемонстрировать, что он «принят» в хорошем обществе.

Он был настоящий *bourgeois-gentilhomme*, нувориш, стремящийся доказать, что он джентльмен⁸². Он ненавидел низший класс, потому что ему надо было доказывать, что он к нему не принадлежит. Гитлер был человек без корней, и не только потому, что он был австрийцем, изображавшем немца. У него не было корней ни в каком социальном классе. Он не был рабочим, не был буржуа. Он был одиночкой в социальном, а не только в психологическом смысле. Единственное, что он смог в себе обнаружить, это самые архаические корни — корни расы и крови.

Восхищение, которое вызывает у Гитлера высший класс, — явление довольно распространенное. Такая установка, — обычно глубоко вытесненная, — встречается и у других социалистических деятелей этого периода, например, у Рэмси Мак-Дональда. Будучи выходцами из низших слоев среднего класса, эти люди в глубине души мечтают быть «принятыми» в высший класс — класс промышленников и генералов. Мечты Гитлера были еще более нескромными: он хотел заставить власть имущих поделиться с ним властью и даже встать выше них и командовать ими. Гитлер, бунтарь, лидер *рабочей* партии, был влюблен в богатых и в их образ жизни, несмотря на то, что, пока он не пришел к власти, он произнес в их адрес немало нелестных слов. Гитлер — добрый и предупредительный человек, — это была роль. Реальностью было его желание быть «джентльменом», быть «принятым», «принадлежать». Гитлер был по-своему гротескной фигурой: человек, сжигаемый страстью к разрушению, человек без жалости и сострадания, вулкан, кипящий архаическими побуждениями и в то же время старающийся казаться благовоспитанным, милым, безвредным джентльменом. Неудивительно, что ему удалось

обмануть многих, кто в силу самых различных причин не сопротивлялся обману.

Это сочетание корректного буржуа и убийцы в полной мере проявилось в бракосочетании с Евой Браун в бункере, незадолго до их смерти. Законный брак — высшее отличие, которое мог предложить мелкий буржуа Гитлер своей подруге. И для нее, воспитанной в традициях буржуазной морали, это тоже было высшим достижением. Надо было соблюсти все формальности. Для совершения церемонии нужен был мировой судья, найти которого в части Берлина, еще не занятой советскими войсками, оказалось непросто. Но глава государства не чувствовал себя вправе изменить бюрократическую процедуру, назначив судьей кого-нибудь из присутствующих. Пришлось ждать несколько часов, прежде чем судьбу отыскивали. Церемония прошла по всем правилам, подавали шампанское. Гитлер-джентльмен вел себя безукоризненно, но было ясно, что только неотвратимость близкой смерти могла заставить его узаконить отношения со своей подругой. (Если бы у него была хоть крупинка здравого смысла, не говоря уж о любви, он мог сделать это несколькими неделями раньше.) При этом Гитлер-убийца не переставал действовать. Женитьба на Еве не стала препятствием для вынесения смертного приговора ее зятю, которого он заподозрил в предательстве. Незадолго перед этим он приговорил к смерти своего врача, д-ра Карла Брандта, лечившего его с 1934 г. Приговор был вынесен трибуналом в составе Геббельса, генерала СС Бергера и молодежного лидера Аксмана. Сам Гитлер выступил одновременно в роли прокурора и верховного судьи. Причиной смертного приговора, на котором настаивал Гитлер, было то, что Брандт оставил свою семью в Тюрингии, где уже были американцы, вместо того чтобы привезти ее в Оберзальцберг. Гитлер заподозрил Брандта в том, что он использует свою жену для связи с американцами. (Жену Брандта спас Гиммлер, который в ту пору сам пробовал снискать доверие американцев.)

Какими бы психологическими и социальными причинами ни объяснялись особенности оболочки личности Гитлера, надо признать, что она играла важную роль. С ее помощью он успешно обманывал тех лидеров немецкой промышленности, армии и националистического движения (равно как и многих политиков в других странах мира), которых могла оттолкнуть его грубая и разрушительная натура. Конечно, многие видели в нем не только этот фасад. Но многие дали себя обмануть и тем способствовали созданию условий, позволивших Гитлеру беспрепятственно следовать по пути разрушения.

Пороки воли и реализма

Сам Гитлер считал своим главным достоинством нестигаемую волю. Был ли он прав, зависит от того, что понимать под «волей». На первый взгляд, вся его карьера свидетельствует о том, что он и в самом деле обладал исключительной силой воли. Он хотел стать великим и, начав с нуля, в течение всего двадцати лет осуществил это намерение, достигнув таких высот, о которых даже сам, наверное, не мечтал. Разве это не характеризует его как волевого человека?

Вместе с тем у нас есть серьезные основания сомневаться в его волевых качествах, ибо, как мы видели, в детстве и в юности Гитлер был существом абсолютно безвольным. Он был ленив, не умел трудиться и вообще был не готов совершать какие-либо усилия. Все это не очень вяжется с представлениями о волевой личности. Дело, на мой взгляд, заключается в том, что то, что Гитлер называл «волей», было в действительности его страстями, сжигавшими его изнутри и заставлявшими искать пути их утоления. Воля его была сырой и неоформленной, как у шестилетнего ребенка (по точному замечанию Шпеера). Ребенок, не знающий, что такое компромисс, капризничает и закатывает истерику. Конечно, можно сказать, что он проявляет так свою волю. Но правильнее, все-таки, взглянуть на это иначе: он слепо следует своим побуждениям, не умея направить фрустрацию в какое-то русло. Когда Гитлер не видел возможностей для достижения своей цели, он просто топтался на месте и работал только, чтобы сводить концы с концами. До начала Первой Мировой войны у него не было ни малейшей идеи, ничего, что напоминало бы план достижения какой-то цели. И если бы не политическая ситуация, сложившаяся после войны, он скорее всего продолжал бы плыть по течению, может быть, стал бы где-то работать, хотя при его недисциплинированности это было бы трудно. Пожалуй, по его складу, ему бы подошла роль торговца сомнительным товаром, успех дела которого зависит от умения уговорить покупателя. Но ожидание Гитлера было вознаграждено. Его фантастические устремления и его дар убеждать неожиданно соединились с социальной и политической реальностью. Он стал агентом реакционного крыла армейского командования, который должен был не только шпионить за солдатами, но и вести среди них пропаганду милитаристских идей. Так, начав с малого, Гитлер постепенно стал монополистом в торговле товаром, который пользовался огромным спросом у разочарованных и смятенных «маленьких людей», и в продаже которого были кровно заинтересованы сначала армия, а затем и другие влиятельные группы, — идеологией национализма, антикоммунизма и милитаризма. Когда

он доказал на этом поприще свою состоятельность, немецкие банкиры и промышленники оказали ему такую щедрую финансовую поддержку, что он получил возможность захватить власть.

Слабость воли Гитлера проявлялась в его нерешительности. Многие из тех, кто наблюдал его поведение, отмечают, что в ситуации, требующей принятия решения, его вдруг начинали одолевать сомнения. У него была привычка, свойственная многим слабовольным людям, дожидаться в развитии событий такого момента, когда уже не надо принимать решения, ибо его навязывают сами обстоятельства. Гитлер умел манипулировать обстоятельствами, чтобы нагнетать обстановку: он подбрасывал в топку побольше дров, перекрывал все пути к отступлению и доводил ситуацию до точки кипения, когда он уже вынужден был действовать так, как он действовал. Таким образом, мобилизуя всю свою изощренную технику самообмана, он избегал необходимости принимать решения. Его «решения» были в действительности подчинением неизбежности свершившихся фактов, но не актами воли. Приведем только один пример. Представляется сомнительным, что он заранее вынашивал идею завоевания Польши, ибо с симпатией относился к стоявшему во главе польского правительства реакционному полковнику Беку. Но когда Бек отверг сравнительно мягкие требования Гитлера, тот пришел в ярость и стал нагнетать напряжение в отношениях с Польшей. В конце концов единственным выходом из положения оказалась война.

Избрав ту или иную линию, Гитлер проводил ее с непоколебимым упорством, которое *можно* было бы назвать «железной волей». Чтобы разобраться в этом кажущемся противоречии, остановимся коротко на понятии воли. Прежде всего, я бы предложил различать «рациональную волю» и «иррациональную волю». Под рациональной волей я понимаю энергичные усилия, направленные на достижение некоторой рациональной цели. Такое целеустремленное поведение требует реализма, дисциплины, внимательности и умения не отдаваться на волю минутных порывов. С другой стороны, иррациональная воля — это побуждение, в основе которого лежит иррациональная по своей природе страсть. Действие иррациональной воли можно уподобить разливу реки, прорвавшей плотину. Она включает в себе огромную силу, но человек — не хозяин ей: он ею захвачен, подчинен, является ее рабом. У Гитлера была сильная воля, если понимать под этим волю иррациональную. Но его рациональная воля была слаба.

Кроме слабой воли, у Гитлера было еще одно качество, которое не давало в полной мере раскрыться его способностям. Это было его неумение воспринимать реальность. Мы уже видели, как оно проявилось в его затянувшемся до шестнадцатилетнего возраста

увлечении игрой в войну. Мир фантазии был для него более реальным, чем реальность. Никак не соотносилось с реальностью и его намерение стать художником. Это была просто мечта. И его деятельность в качестве коммерческого художника ни в коей мере не была ее осуществлением. Люди тоже не были для него реальными. Он видел в них только инструменты. Но настоящих человеческих контактов у него не было, хотя порой он бывал весьма проницателен⁸³. Впрочем, не будучи в полной мере реалистом, он в то же время не жил целиком и в мире фантазии. Его мир складывался из реальности и фантазий, смешанных в определенной пропорции: здесь не было ничего до конца реального и ничего до конца фантастического. В некоторых случаях, особенно когда он оценивал мотивы своих противников, он бывал удивительным реалистом. Он почти не обращал внимания на то, что люди *говорили*, и принимал во внимание только то, что считал их подлинными (даже не всегда осознанными) побуждениями. Это хорошо видно на примере его оценки британско-французского политического курса. В определенном смысле победы Гитлера начались с нежелания Великобритании выпонять решение Лиги Наций о блокаде Италии после того, как Муссолини напал в 1935—1936 гг. на Эфиопию. Используя самые разнообразные отговорки, англичане продолжали поставлять в Италию нефть, необходимую для военных действий, в то время как Эфиопия с огромным трудом могла получать из-за границы даже оружие. Еще одним окрылившим Гитлера событием была Гражданская война в Испании 1936—1939 гг. Великобритания не давала законному правительству Испании возможности импортировать оружие, необходимое для его защиты, а французское правительство, которое в то время возглавлял социалист Блум, не осмеливалось действовать вопреки англичанам. При этом международный комитет демократических стран, задачей которого было воспрепятствовать интервенции в Испании, не сделал ничего, чтобы предотвратить военное вмешательство Гитлера и Муссолини, выступавших на стороне Франко⁸⁴. Кроме того, французы и англичане не оказали никакого сопротивления, когда Гитлер оккупировал Рейнскую демилитаризованную зону. В то время Германия была еще совершенно не готова к войне, и, как заметил позднее в «Беседах» Гитлер (Х. Пикер, 1965), если бы во Франции тогда были настоящие политики, ему бы не удалось этого сделать. И, наконец, визит в Германию Чемберлена, — приехавшего уговаривать Гитлера смягчить свой политический курс, — лишь окончательно подтвердил то, в чем Гитлер уже и так был уверен: что Великобритания и Франция не собираются действовать в соответствии со своими заявлениями. Гитлер проявил себя настоящим реалистом и раскусил поведение Чемберлена: как

хороший торговец лошадьми, он сразу увидел, что его партнеры блефуют. Чего не смог увидеть Гитлер, так это более *широкой политической и экономической реальности*, составлявшей контекст этих событий. Он не учел традиционной заинтересованности Великобритании в поддержании равновесия сил на континенте, не понял, что Чемберлен и его окружение не представляют интересов всех консерваторов, не говоря уж об общественном мнении населения Великобритании в целом. В своих оценках он слишком доверился мнению Иохима фон Риббентропа, человека безусловно умного, но поверхностного, не готового к пониманию политических, экономических и социальных тонкостей британской системы.

То же отсутствие реализма в суждениях отличало и его отношение к США. Он, по сути, ничего не знал об этой стране и, главное, не пытался узнать. Как считают эксперты, его мнение о Соединенных Штатах определялось исключительно предрассудками. Он, например, считал, что американцы слишком слабы, чтобы быть хорошими солдатами, что в Америке всем заправляют евреи и что американское правительство не рискнет вмешиваться в войну, поскольку их страну разрывают такие внутренние конфликты, что там может произойти революция.

Как военачальник, Гитлер тоже далеко не всегда был в состоянии учитывать объективные стратегические и тактические факторы. П. Шрамм (1965) в своем глубоком анализе деятельности Гитлера во время войны определенно указывает на этот дефект его стратегического мышления. Не умаляя его заслуг в этой области, он приводит (опираясь на свидетельства генерала А. Йодля) три примера дерзких и изобретательных военных планов, предложенных Гитлером в первый период войны. Но начиная с 1942 г. его суждения в военной области становятся крайне уязвимыми. Он действовал здесь так же, как и при чтении книг: выуживал в военных рапортах информацию, которая подкрепляла его намерения, и не обращал внимания на то, что ставило под сомнение его планы. Его приказ не отступать, который привел к катастрофе под Сталинградом и тяжелым потерям на других участках фронта, Шрамм характеризует как проявление «прогрессирующей потери здравого смысла». Планируя последнее контрнаступление в Арденнах, он упустил из виду ряд важнейших обстоятельств тактической ситуации. Шрамм пишет, что стратегия Гитлера была стратегией «престижа» и «пропаганды». Недостаток реализма не позволил ему понять, что ведение войны и ведение пропаганды должно строиться на совершенно различных принципах. Свидетельством уже полной потери чувства реальности стал его приказ от 24 апреля 1945 г., подписанный за два дня до самоубийства (когда весь сценарий смерти уже был им

разработан), предписывающий «доводить до сведения фюрера все важные решения за тридцать шесть часов до их исполнения» (П. Шрамм, 1965).

Вглядываясь в это характерное для личности Гитлера сочетание слабой воли с потерей чувства реальности, мы неизбежно приходим к вопросу, действительно ли он стремился к победе или бессознательно, вопреки очевидным его усилиям, действия, которые он предпринимал, были направлены к катастрофе. Некоторые весьма проницательные исследователи склонны отвечать на этот вопрос утвердительно. Вот что пишет, например, К. Буркхардт: «Мы не выйдем за границы здравого смысла, предположив, что сидевший в нем мизантроп нашептывал ему то, в чем он был всегда бессознательно абсолютно уверен: что его, причем именно его лично, ожидает ужасный, бесславный конец. 30 апреля 1945 г. это опасение стало реальностью» (цит. по: П. Шрамм, 1965). Как вспоминает Шпеер, когда еще перед войной Гитлер с увлечением обсуждал с ним свои архитектурные планы, у него было смутное ощущение, что по-настоящему Гитлер не верит в их реализацию. Это не было уверенностью, но на интуитивном уровне Шпеер это чувствовал⁸⁵. Примерно так же рассуждает и Ж. Броссе, пытаясь ответить на вопрос, верил ли действительно Гитлер в окончательную победу и, более того, желал ли он ее в глубине души (Ж. Броссе, 1972). Анализируя личность Гитлера, я пришел к аналогичным выводам. Мой вопрос заключался в том, мог ли человек, снедаемый сильнейшей, всепоглощающей страстью к разрушению, по-настоящему стремиться к созидательной деятельности, которая стала бы необходимой в случае победы. Конечно, и Буркхардт, и Шпеер, и Броссе, и я говорим не о сознательной части личности Гитлера. Предположение, что он не верил в осуществление своей мечты,— будь то в области искусства или политики,— и не стремился ее реализовать, относится исключительно к его бессознательным побуждениям. Если не делать такой поправки, мысль, что Гитлер не стремился к победе, звучит просто абсурдно⁸⁶.

Гитлер был игрок. Он играл жизнями всех немцев, играл и своей собственной жизнью. Когда все было потеряно и он проиграл, у него не было особых причин сожалеть о случившемся. Он получил то, к чему всегда стремился: власть и удовлетворение своей ненависти и своей любви к разрушению. *Этого* удовлетворения поражение у него не отнимало. Маньяк и разрушитель не проиграл. Кто действительно проиграл, так это миллионы людей — немцев, представителей других наций и национальных меньшинств,— для которых смерть в бою была зачастую самой легкой формой страдания. Но поскольку сострадание было ему

незнакомо, их муки не становились его муками и не доставляли ему угрызений совести.

Анализируя личность Гитлера, мы обнаружили в ней ряд сугубо патологических черт. Вначале мы выдвинули гипотезу о наличии у него признаков детского аутизма, затем выявили в его поведении ярко выраженный нарциссизм, неконтактность, нарушения восприятия реальности и тяжелую некрофилию. Можно не без оснований заподозрить у него наличие психотических, а возможно, и шизофренических качеств. Но означает ли это, что Гитлер был сумасшедшим, что, как это нередко считают, он страдал тяжелым психозом или определенной формой паранойи? Ответ на такой вопрос, я думаю, должен быть отрицательным. Несмотря на все ненормальности, несомненно присутствовавшие в его характере, он был все-таки достаточно здоровым человеком, чтобы действовать целеустремленно, а иногда и успешно. Хотя из-за своих нарциссических и деструктивных наклонностей он порой неверно воспринимал и оценивал реальность, тем не менее нельзя отказать ему в том, что он был выдающимся демагогом и политиком. Когда он действовал в этой области, он вовсе не выглядел психопатом. Даже в последние дни, будучи уже физически и душевно сломленным человеком, он все-таки владел собой. Что же касается его параноидальных черт, надо признать, что подозрительность его имела основания,— об этом свидетельствуют различные направленные против него заговоры, так что вряд ли можно считать это проявлением паранойи. Нет сомнения, если бы Гитлер предстал перед судом, даже перед самым беспристрастным, его бы ни за что не признали невменяемым. Но, хотя с клинической точки зрения он не был безумцем, с точки зрения человеческих взаимоотношений он безусловно не был и здоровым. Различия между психотическими чертами характера и тяжелым психозом как таковым могут иметь значение для суда, решающего, направить ли человека в тюрьму или в психиатрическую лечебницу. Но по большому счету, когда мы имеем дело с человеческими взаимоотношениями, психиатрические ярлыки не работают. Нельзя использовать клинический диагноз для затемнения *моральной* проблемы. Как среди «здоровых» встречаются порочные и порядочные люди, так есть они и среди сумасшедших. Порок надо судить сам по себе и клинический диагноз не должен влиять на эти суждения. Но и самый порочный человек, оставаясь человеком, вызывает к нашему состраданию.

В заключение я должен сказать, что помимо очевидной академической задачи, которую я ставил в этом исследовании, пытаясь проиллюстрировать теоретические понятия садизма и некрофилии, я имел в виду и еще одну цель. Я хотел указать на распространенное заблуждение, которое не позволяет нам

распознавать в своей среде потенциальных фюреров до того, как они покажут свое настоящее лицо. Мы почему-то считаем, что порочный, склонный к разрушению человек должен быть самым дьяволом и выглядеть как дьявол. Мы убеждены, что у него не может быть никаких достоинств и что лежащая на нем каинова печать должна быть очевидной и различимой для каждого. Такие дьявольские натуры существуют, однако они чрезвычайно редки. Как мы уже имели возможность убедиться, деструктивная личность демонстрирует миру добродетель: вежливость, предупредительность, любовь к семье, любовь к детям, любовь к животным. Но дело даже не в этом. Вряд ли найдется человек, вообще лишенный добродетелей или хотя бы благих порывов. Такой человек находится на грани безумия или, что в принципе то же самое, является «моральным уродом». *Пока мы не откажемся от лубочного представления о пороке, мы не научимся распознавать реальное зло.*

Наивная уверенность, что порочного человека легко узнать, таит в себе величайшую опасность: она мешает нам определить порок еще до того, как личность начнет свою разрушительную работу. Я считаю, что в большинстве своем люди редко обладают столь сильными разрушительными наклонностями, какие были у Гитлера. Но, даже если такие люди составляют всего десять процентов, этого вполне достаточно, чтобы, приобретая власть и влияние, они представляли реальную угрозу для общества. Конечно, не всякий разрушитель способен стать Гитлером, если у него нет соответствующих талантов. Но он может стать эффективным эсэсовцем. С другой стороны, Гитлер не был гением, и способности его не были сверхъестественными. По-настоящему уникальной была социально-политическая ситуация, в которой он мог подняться до таких высот. Не исключено, что среди нас живут сотни потенциальных фюреров, которые смогут прийти к власти, если пробьет их исторический час.

Рассматривать такую фигуру, как Гитлер, объективно, без гнева и пристрастия, заставляет нас не только научная честность, но и желание усвоить исторический урок, который может оказаться полезным и сегодня, и завтра. Всякая попытка внести в портрет Гитлера искажения, лишив его человечности, чревата в дальнейшем неспособностью распознать других порочных людей, прокладывающих свой путь к власти.

Послесловие

«Анатомия деструктивности» Э. Фромм

Наша техническая цивилизация создала такие средства насилия, что трудно представить себе политическую цель, ради осуществления которой иные из них вообще могут быть применены. Однако равновесие страха едва удерживает от коллективного самоубийства; в конфликтах и войнах «местного» значения гибнут сотни тысяч людей. Журналисты ежедневно обрушивают на нас поток информации о самых разнообразных формах насилия, царящего на улицах городов, в том числе и в самых благополучных странах. Причем деструктивность проявляется не только в отношении людей друг к другу: и природная среда, и памятники культуры, и простейшие предметы подвергаются бессмысленному разрушению. Консерваторы требуют усиления полицейской машины репрессий, революционеры прославляют насилие как «повивальную бабушку истории», но в обоих случаях провозглашаемые идеалы служат идеологическим оправданием смерти одних людей от рук других. В семье, в школе, в армии, на производстве индивид сталкивается с направленным на него потоком агрессивности и отвечает тем же по отношению к более слабому. И наказания, и безнаказанность, кажется, способствуют человеческой жестокости и деструктивности. Никакой общественный договор не меняет человеческой природы и вслед за Гоббсом мы повторяем сегодня: «договоры без меча — только слова».

Самые совершенные религиозные и моральные учения не изменили природы человека. Многим индивидам насилие над другими доставляет наслаждение; мы именуем их садистами, «ненормальными», но достаточно посмотреть вокруг, и обнаруживается, что такого рода склонности имеются в чуть менее выраженной форме у слишком многих; более того, если мы достаточно самокритичны, то находим агрессивные желания и фантазии и у самих себя. Наконец, социологи и психологи говорят нам, что в обществах с низким уровнем насильственных смертей возрастает число самоубийств, словно перед нами та же сила, только направленная не на другого, а на самого себя, но несущая

тот же смертельный исход. Не только дешевые подделки современного кино, великие произведения прошлого говорят нам о разрушительных страстях человеческих.

Причины насилия, природа человеческой агрессивности — вот вопросы, рассматриваемые в книге Э. Фромма «Анатомия деструктивности» (1973). Над этой книгой Фромм работал шесть лет, осваивая не только биографические сочинения о Гитлере и Гиммлере, но также целый ряд областей науки, к которым он практически не обращался в предшествующих своих книгах. Данные нейрофизиологии, этологии, экспериментальной психологии, палеонтологии, этнографии потребовались для написания исследования по проблеме агрессивности. Эта проблема широко обсуждалась в 60—70-е гг. после выхода в свет книг К. Лоренца и других этологов; актуальность ее ни у кого не вызывает сомнений и сегодня — мы живем не в лучшем из миров, насилие продолжает царить и в международных отношениях, и в личных. Человек является единственным биологическим видом, для которого свойственно истребление себе подобных, — вот истина факта, от которой отталкивается Фромм. Требуется уяснить, каковы истоки деструктивности, садизма, насилия; принадлежат ли они природе, связаны ли с социальными отношениями. О «доброй» и «злой» природе человека спорили в Древнем Китае и в Афинах, во времена Августина и Руссо; спор этот, пусть в иных терминах, продолжается и сегодня. Психоаналитический портрет одного из самых деструктивных людей нашего века является иллюстрацией общих теоретических положений Фромма на этот счет.

Термин «агрессивность» сегодня используется настолько широко, что служит для обозначения самых различных типов поведения: агрессивен и рвущийся к воротам футболист, и коммерсант, и бандит, и садист, пытающий заключенного. Столь широким употреблением этого термина мы во многом обязаны тем теориям, согласно которым агрессивность коренится в природе человека, является выражением инстинктивной программы поведения; просто одна и та же энергия выходит на поверхность в различных действиях.

Фромм согласен с Лоренцом и его последователями в критике бихевиоризма, в том, что не все в человеке раскладывается на схемы типа «стимул-реакция»; человек не настолько податлив, чтобы с помощью «кондиционирования» и прочих воздействий внешней среды из него можно сделать все что угодно. Агрессия не является просто ответом на внешнее воздействие, вызывающее, скажем, фрустрацию. Агрессивное действие мотивировано и внутренними, скрытыми от наблюдения программами и структурами. Однако, полагает Фромм, инстинктивизм в психологии

ничуть не лучше бихевиоризма: человеческая личность игнорируется в обоих случаях. Поэтому с инстинктивизмом Лоренца и его последователей Фромм спорит на протяжении почти всей книги, а так как к инстинктивизму склонялся и Фрейд, то значительное критическое внимание уделено в книге и воззрениям основателя психоанализа. При всех различиях между Лоренцом и Фрейдом, они придерживались одной и той же «гидравлической» модели психической энергии: если эта энергия инстинкта не выплескивается вовне в деструктивных актах, то она приносит вред организму. С помощью этой модели такие явления, как преступность и война, сводятся к инстинктам. Главное открытие Фрейда — его характерология — было, по мнению Фромма, затемнено натуралистическими схемами, позаимствованными Фрейдом у механической науки прошлого века.

Напомним, что Фрейд обратил внимание на часто встречаемые одновременно черты характера, которые образуют целостную структуру — синдром. Например, в случае «анального характера», — это упрямство, бережливость (или даже скупость), стремление к чистоте, порядку, пунктуальность, дисциплинированность. Фрейд связывал эти черты с определенной стадией развития либидо в раннем детстве, с анальной эротикой. Для Фромма, отбросившего всю теорию либидо, характер представляет собой форму соотносительности человека с миром и с самим собой, а сексуальность является лишь одной из форм выражения этой фундаментальной ориентации человека. Начиная с первых своих крупных произведений — «Бегство от свободы», «Человек сам для себя», Фромм разрабатывал учение о характере как «второй природе» человека, — системе, заменившей человеку недостающие инстинкты. На физиологические нужды человек, подобно всем животным, отвечает инстинктивным поведением, удовлетворяет «органические влечения». Но над ними надстраивается социокультурная реальность, в которой живет и действует человек: он находится как бы между двумя царствами, каждое из которых имеет свои законы. Проблема состоит в том, как соединяются в человеке природа и культура, биологическое и социальное.

Фромм отходит не только от фрейдовского натурализма; разного рода социологические теории «среды» он также считает крайне односторонними: «Человек — не чистый лист бумаги, на котором культура пишет свой текст»¹. У человека имеется некая постоянная природа — сохраняющееся во всех культурах и исторических обстоятельствах ядро его психики. Но природа человека должна быть понята не субстанциалистски: «Я предлагаю определять человеческую природу не в терминах какого-либо из специфических свойств человека — будь то любовь, ненависть, добро или зло, но исключительно в терминах фундаментальных

противоречий, характерных для человеческого существования и коренящихся в биологической дихотомии: отсутствующие инстинкты и самосознание»². Два фундаментальных процесса вели к уменьшению детерминации поведения инстинктами и увеличению мозга. У предка человека уже не было унаследованной инстинктивной программы поведения для большинства ситуаций; он мог выжить лишь применяя свой разум. Более того, он наделен самосознанием и не может прожить свою жизнь, повторяя образцы поведения своего вида, — он становится проблемой для самого себя.

Животное обладает своей экологической нишей, оно адаптируется к среде и живет в гармонии с ней либо погибает. В отличие от всех организмов, человек находится в состоянии неравновесия, неустойчивости. Следствием этого являются экзистенциальные дихотомии. Человек является частью природы, подчинен ее законам и не может их изменить, но он же все время выходит за пределы природного мира; он является частью, но отделен от целого; он бездомен, но стремится к гармонии с миром; он конечен и смертен, знает об этом и пытается максимально реализовать себя в отпущенный ему недолгий век. Человек одинок, сознает себя обособленным существом, но и не выносит одиночества, его счастье зависит от солидарности с другими, от чувства сопричастности с прошлыми и будущими поколениями. Человеку не дано всезнание, но ему необходимо осмысленное существование, он является проблемой для себя, ищет решения, создавая различные религиозные и философские системы. Он по природе является «идеалистом» и «религиозным существом», так как не может жить без идеалов и без надежды и веры³. В процессе творения человеком самого себя достигнутая относительная гармония с внешним миром вновь и вновь нарушается — и он снова ищет равновесия.

Экзистенциальная противоречивость — это источник специфических для человека нужд: ему требуются все новые формы соотнесенности с миром, он принужден преодолевать бессилие, обособленность, потерянность. Разрешимы исторические дихотомии. Например, современное противоречие между громадой имеющихся технических средств и неспособностью должным образом их использовать, национальные и классовые конфликты и т. д. Экзистенциальные дихотомии неустранимы. На них каждый должен давать свой индивидуальный ответ, причем не только умом, а всем своим существом. Природой человека («второй природой») являются прежде всего те страсти, в которых находит выражение отношение к миру, целостный ответ на экзистенциальную противоречивость. Таким ответом могут быть стремления к справедливости, свободе, истине, любви к ближнему; но в равной мере ими могут стать ненависть, садизм, нарциссизм, де-

структивность. В отличие от «органических влечений», такие специфические для человека черты Фромм называет «укорененными в характере страстями». Социально-исторические обстоятельства способствуют или препятствуют тем или иным проявлениям человеческой природы, но эти страсти не являются преходящими, это вечные спутники человечества.

Характер определяется Фроммом как «относительно стабильная система всех неинстинктивных стремлений, через которые человек соотносится с природным и человеческим миром»⁴. Наследуемые психофизиологические свойства и темперамент лишь в незначительной мере определяют взаимоотношения человека с миром. Характер — это заместитель отсутствующих у человека инстинктов. Органические влечения у людей примерно одинаковы, индивиды отличаются друг от друга теми страстями, которые занимают господствующее положение в их характере. Наследственная конституция, воспитание в детском возрасте, социальные воздействия способствуют формированию характера, но со временем он делается относительно независимой и стабильной системой, опосредующей реакции на стимулы внешней среды и на органические влечения. Характер снимает с индивида бремя решения всякий раз, когда требуется действие, — он задает типичный для данного индивида способ восприятия идей и ценностей, отношения к миру, к другим людям. Личность как бы «инстинктивно» ведет себя в соответствии со своим характером (который, по словам Гераклита, является «роком человека»). Скупец не задумывается, копить ему или тратить, — его влечет сбережение. Обусловленные характером стремления бессознательны и настолько сильны, несомненны для личности, что она воспринимает свои реакции как «естественные», само собой разумеющиеся. Страсти в концепции Фромма заменили инстинктивные влечения ортодоксального психоанализа, но существо подхода осталось прежним: поведение и мышление детерминированы главным образом бессознательными стремлениями, которые часто вытесняются из сознания, незаметны не только для внешнего наблюдателя, но и для самого носителя страстей.

Характер представляет собой индивидуальный ответ каждого на экзистенциальные дихотомии. Однако имеются и общие для различных групп черты: окружающая среда заставляла каждую из групп (род, племя, потом нации, классы) приспосабливаться к различным ситуациям. Каждой группе требуются специфические способы распределения и канализации психической энергии. Члены сообщества «должны желать делать то, что они должны делать для нормального функционирования общества»⁵. Семья есть «психический агент» общества: в ней ребенок приспосабливается к тем задачам, которые ему придется решать в данном обществе.

«Социальный характер» — это ядро характерологической структуры множества индивидов, он выступает как образец и норма.

В своем учении о социальном характере Фромм пытается соединить фрейдовскую концепцию «Сверх-Я»⁶ с марксизмом и американской социальной психологией. Кроме того, поскольку индивидуальный характер возникает как ответ на экзистенциальную ситуацию, — Фромм близок также Бинсвагеру, Сартру и другим представителям экзистенциального психоанализа («изначальный выбор» создает некую «кристаллизацию» характера, способ бытия-в-мире). Но в то же самое время ядром характера оказываются черты, детерминируемые социальной средой. Как писал Фромм в «Здоровом обществе», «влияние специфических условий нашего способа производства и нашей социальной и политической организации на природу человека побуждает нас искать картину личности среднего человека, живущего и действующего в этих условиях»⁷. Можно сказать, что для Фромма индивидуальный характер есть результат синтеза природного и социального, причем природное понимается не столько биологически, сколько экзистенциально, тогда как социальное входит в психику человека извне в процессе воспитания, социализации.

Социальный характер есть совокупность ориентаций, установок, норм, которые также не осознаются индивидом. Скажем, индустриальное общество требует дисциплины, порядка, пунктуальности и эти черты развиты у членов такого общества в значительно большей мере, чем у предков нынешних европейцев, живших до индустриальной революции, либо у представителей других культур. Эти черты должны усваиваться не по одному лишь принуждению, они должны стать желанными, на них делается ударение в процессе воспитания, они получают одобрение, а противоположные им осуждаются и т. д. Пока данная культура успешно приспосабливается к внешним условиям, социальный характер стабилизирует общество, но при резких изменениях внешних условий он может мешать — общественная психология отстает от перемен и становится «элементом дезинтеграции».

В ряде работ Фромм рассматривал характерологические изменения, происходившие на протяжении последних двух веков в рамках западноевропейской цивилизации. Взгляды Фромма на будущее этого общества были пессимистическими. В 50-е гг. он писал: «В развитии как капитализма, так и коммунизма, насколько мы можем предвидеть их на ближайшие 50—100 лет, будет продолжаться процесс отчуждения. Обе системы движутся к управляемому обществу, с хорошо накормленными и одетыми, удовлетворившими свои влечения людьми... Люди во все возра-

стающей степени будут делаться автоматами, делающими машины: разумность первых уменьшается вместе с ростом интеллекта вторых»⁸. Критике «кибернетического» общества посвящены десятки страниц и в «Анатомии человеческой деструктивности». Если в XIX веке проблема состояла в том, что «Бог умер», то в XX веке вопрос стоит о «смерти человека»; в прошлом для людей существовала опасность стать рабами, в будущем им грозит превращение в роботов. Сделавшись Големом, человек начинает крушить природу и других людей, он не может сохранить психического здоровья, став шизоидным роботоподобным существом.

Тем не менее Фромм надеялся на изменения к лучшему. Выход он видел не в луддизме, не в уничтожении технологии массового производства, а в децентрализации, уменьшении власти государства и крупных корпораций, в демократизации на производстве, передаче власти на уровень самоорганизующихся общин, муниципалитетов, районов. Иначе говоря, он был сторонником демократического социализма, за что ему равно доставалось и от коммунистической пропаганды, и от неоконсерваторов. Так как Фромм был противником насилия, считал бессмысленными всякого рода «революционные» обобществления, то в 60—70-е гг. его подвергли язвительной критике и «новые левые». В общем, для одних он всегда оставался «красным», а для других всегда был каким-то «розовым» либералом и утопистом, «абстрактным гуманистом» (политическая конъюнктура меняется, и сегодня Фромма готовы провозгласить «своим» не только «зеленые», которым он был действительно близок по духу, но и марксисты, в одночасье сделавшиеся и «демократическими социалистами», и (страшно сказать) «абстрактными гуманистами», — лучше поздно, чем никогда...).

Социально-политические воззрения Фромма заслуживают специального разбора, подчеркнем лишь, что учение о социальном характере излагается им на языке «раннего» Маркса и социальной психологии, и язык этот, заметим, не всегда переводим на язык психоанализа, употребляемый им при анализе индивидуальных характеров. «Укорененные в характере страсти» являются, по Фромму, ответом на экзистенциальные, а не социальные противоречия. Эти страсти могут быть рациональными и иррациональными. Причем данные предикаты относятся не только к логическому выражению страстей в мышлении, но также к аффектам и верованиям человека — разумно все то, что служит жизни, неразумно несущее ей вред. Инстинкты в этом смысле разумны, они поддерживают жизнь индивида и рода — «человеческая иррациональность определяется отсутствием инстинктов, а не их присутствием»⁹. С этой точки зрения рациональными и

иррациональными являются также и те страсти, которые образуют материю «сновидений человека, а также всех религий, мифов, драм, искусства — короче говоря, всего, что делает жизнь осмысленной и заслуживающей того, чтобы быть прожитой»¹⁰. Когда цивилизация становится «моноцеребральной», это неизбежно влечет за собой рост деструктивности, так как подавляется эмоциональная жизнь людей. Страсти — это божества, которым поклоняется человек, и весь вопрос в том, каким божествам он служит — любви или ненависти. Идеалами сегодняшнего человека слишком часто становятся богатство, власть, техническое господство над природой; таким божеством может сделаться иррациональная деструктивность — «некрофилия».

Жизнь сама по себе есть благо; инстинкты разумны. В человеческой природе самой по себе нет зла, но существует постоянная его возможность. Агрессивность присуща всем животным и выполняет защитные функции, но она не имеет ничего общего с человеческой страстью к уничтожению. Ссылаясь на данные палеонтологии, антропологии и истории, Фромм утверждает, что уровень деструктивности рос вместе с развитием человеческой цивилизации. У человека отсутствуют инстинктивные механизмы подавления внутривидовой агрессивности¹¹, он выходит из животного мира и получает свободу, каковую может использовать во зло. Чем больше ступень его свободы, тем вероятнее использование ее в деструктивных целях. В первобытных племенах свобода невелика, индивид еще не выделяется из рода, нет частной собственности, социальной иерархии. Столкновения между племенами случались, но они не имели характера войн. Даже после неолитической революции (11—9 тысяч лет назад) общество было сравнительно эгалитарным, без эксплуатации и войн, при господстве матриархальной религии. Решающие перемены происходят в IV—III тысячелетиях до н.э., когда возникают городская цивилизация, частная собственность, социальное неравенство, эксплуатация рабского труда, государственная «мега-машина» и войны.

Укорененная в характере деструктивность является причиной далеко не всех разрушительных действий, совершаемых людьми. От деструктивности в собственном смысле слова Фромм отличает различные формы «псевдо-агрессии» (игра, самоутверждение) или защитной агрессии. Последняя может иметь патологические формы: например, индивидуальный или коллективный нарциссизм может быть причиной агрессивных реакций. Но и такая, почти всегда иррациональная реакция, имеет своим источником внешнее воздействие. Войны и преступления, чаще всего совершаемые из расчета, приобретательство и конформизм также могут стать причиной агрессивного поведения. Имеет место и спонтанная

деструктивность (скажем, из мести, в состоянии экстаза) — она часто ведет к потрясающе жестоким действиям, но все же не коренится в характере.

По-настоящему деструктивному характеру присущ садизм. Фромм критикует тех, кто видит в садизме и мазохизме прежде всего черты сексуального поведения; в сексуальной сфере проявляется то, что уже имелось как постоянная черта характера, — интенсивное стремление к власти над другими, к унижению, причинению страданий. Садизм определяется Фроммом как «страсть к абсолютному и неограниченному контролю над живым существом»¹². Другой делает вещь, собственностью; садист стремится к роли божества, во власти коего находится тварь. Как ответ на фундаментальную человеческую ситуацию, садизм создает иллюзию всемогущества, выхода за «удел человеческий» — особенно для того, кто в реальной жизни лишен смысла и творчества. У садиста нет практической цели, но его буревает не просто стремление к власти (такое может быть и рациональным — для дела, просто для самоутверждения, от полноты сил). Садизм же есть «трансформация собственного бессилия во всеилие — это религия психологических калек»¹³. Садисту доставляет наслаждение власть над слабыми и беспомощными; чувствуя собственную пустоту и ничтожность, он нуждается в авторитете и подчинении. Садист не стремится к истреблению других как таковому, скорее, ему необходим контроль над их трепещущей плотью — без жертвы он ощущает собственную бессодержательность.

Садо-мазохистский (или авторитарный) характер в психоанализе обычно выводится из анального характера. Фромм предложил вместо последнего говорить о «накопительском» — анальная эротика здесь выступает лишь как символическое выражение данного типа, а не как причина его образования. Ригидность, стерильность, иррациональная пунктуальность и чистоплотность связаны тут с особым отношением к реальности, — по отношению к ней индивид ощущает себя как бы осажденной крепостью, он ничего не хочет выпускать (отсюда «накопительство») и не дает ничему проникнуть извне (это «грязное», «враждебное»). Такой «накопитель» ощущает, что у него ограниченный запас энергии, все время сокращающийся и невозполнимый. Главные его ценности — безопасность и порядок, он подозрителен, все время опасается, что кто-то завладеет его собственностью. Можно сказать, садизм есть патология данного типа характера.

Примерами садистского характера для Фромма выступают Сталин и Гиммлер. О первом из них Фромм пишет достаточно скупое¹⁴. Гиммлеру посвящено обстоятельное исследование —

«клинический случай анально-накопительского садизма». Фромм приводит массу любопытных фактов о юных годах будущего рейхсфюрера СС, подчеркивает мелочность, педантизм, внутреннюю пустоту — черты, сформировавшиеся еще до того, как Гиммлер сделался «кровавым псом Европы». Не будь нацизма, и этот человек стал бы мелким чиновником, изводящим подчиненных и просителей, — таких людей всегда имеется в избытке. Собственно говоря, за редкими исключениями, приводимые Фроммом факты из жизни и деятельности Гиммлера говорят не столько о садизме как стремлении доставлять другим мучения, сколько о педантичном и хладнокровном принятии и исполнении самых чудовищных решений. Фактически Гиммлер предстает в описании Фромма просто как на редкость мелкотравчатая, омерзительная личность, и его человеконенавистническая деятельность, по сути, не выводится из «укорененной в характере» садистской страсти.

Термин «некрофилия» (любовь к мертвому) обычно применяется к психическим нарушениям, представляющим интерес для сексопатологов и криминологов. Фромм же видит за частными явлениями типа «труполобия» и «труположества» некрофилию как общую черту характера. Толчком к созданию учения о некрофилии как особого рода страсти было для Фромма знакомство с речью испанского философа и писателя М. де Унамуно, в которой он назвал «некрофильными» лозунги фалангистов: «Долой интеллигеницию!», «Да здравствует смерть!»¹⁵. Первой публикацией Фромма, в которой им развивается учение о «биофилии» и «некрофилии», была книга «The heart of man» (1964). Клинические наблюдения и переосмысление фрейдовского учения об Эросе и Танатосе, инстинктах жизни и смерти, привели Фромма к гипотезе о двух глубинных страстях, пронизывающих все живое и ведущих постоянную борьбу: стремление к росту, рождению, развитию, организческому усложнению и противостоящая ему страсть к умерщвлению, разрушению, расчленению живого.

Для некрофильного характера свойственны тяга ко всему разлагающемуся и распадающемуся, к болезни и смерти. Клинические наблюдения показывают, что у некрофилов помимо сексопатологий проявляются влечения ко всякого рода испражнениям (это находит выражение и в соответствующих часто повторяемых ругательствах). Когда влечение вытеснено в бессознательное, то может проявиться навязчивое стремление к чистоте — некрофил как бы все время «отмывается», у него такое выражение лица, словно он все время ощущает неприятный запах. Фромм перечисляет еще целый ряд признаков, часть которых он затем обнаруживает у Гитлера. Наибольший интерес, однако, представляют его рассуждения о связи между некрофилией и

поклонением технике, всему механическому, особенно там, где техника служит разрушению. В XX веке именно эта сторона некрофилии нашла свое полное выражение. Не разлагающиеся тела и не туалетные запахи влекут сегодняшнего некрофила, а, казалось бы, нечто диаметрально противоположное — стерильность зданий из стекла и стали, новенькие автомобили и домашние приспособления. Все это — полезные и нужные предметы, но уже по тому, как многим автомобиль кажется чуть ли не частью собственного тела, как новый танк или истребитель вызывает восторг, замечено, что такое современная некрофилия. Ее чертами оказываются ненависть ко всему органическому, замена жизненного на механическое, причем за отполированным фасадом цивилизации происходит отравление всей природной среды. «Безжизненный мир тотальной техники, — пишет Фромм, — есть лишь иная форма смерти и разложения»¹⁶. Первым литературным выражением этого духа деструктивности в нашем веке были футуристические манифесты Маринетти — именно изложенная в них программа, по мнению Фромма, была реализована национал-социализмом и получила полное осуществление в методах массового уничтожения с помощью современной техники. В футуристических манифестах заявила о себе идеология разрушительного нигилистического бунта. Для Фромма бунтарь (а таковым был Гитлер) принципиально отличается от революционера, поскольку первый реализует страсть к разрушению и уничтожению, второй действует во имя роста жизни и свободы. К сожалению, и это Фромм признает, ко всякому революционному движению пристаёт немалое число «бунтарей», влекомых одной лишь разрушительной страстью. Они объявляют разрушение творческой страстью, но сеют лишь ненависть¹⁷. В современном искусстве Фромм также обнаруживает очевидное присутствие духа деструктивности.

Для понимания предложенной Фроммом картины ранних лет Гитлера необходимы некоторые пояснения по поводу терминологии и методологии. Самые ранние корни некрофилии Фромм обнаруживает в инцестуозной фиксации на матери, причем особого рода — «злой инцестуозности». Нередко встречаются случаи, когда взрослый человек не в силах выйти из детства, несамостоятелен, фиксирован на аффектах младенческого возраста и т. д. Нормальная стадия развития ребенка, привязанного в первые годы к матери, позднее может стать причиной неприспособленности или даже невроза. Однако у склонных к аутизму детей может выработаться иная, не аффективная, холодная привязанность. Мать для них — скорее факт, чем реальная личность; она символически предстает не как дарующая жизнь, а как источник хаоса и смерти. В злой инцестуозности, как ее описывает

Фромм, есть нечто дьявольски-холодное, и если такой личности не удастся смягчить эту основополагающую установку, то она движется к душевному аду. В особенности, если эта личность терпит поражение за поражением, если ее нарциссический мир получает все новые удары — если такая личность не ломается и не впадает в безумие, то она способна, при благоприятных обстоятельствах, трансформировать реальность, придав ей черты своих страстей. Гитлер был наделен целым рядом талантов, был наделен огромной жизненной энергией, и в соответствующих социально-политических условиях он преобразовал свои некрофильные фантазии в европейскую действительность.

По существу, здесь мы выходим за пределы психологии. Хотя Фромм не склонен создавать своего рода демонологию, кое-где по тексту разбросаны ссылки на мифологическую символику — учение о некрофилии связано с традиционными религиозными представлениями. Как философское обобщение проявляется такая формула: биофилия и некрофилия суть две глубинных тенденции всего живого — начиная с уровня клетки между ними идет вечная борьба. Принципы «гуманистической этики» являются выражением биофилии, деструктивность предстает и как зло, и как болезнь. Некрофил — это «психологический калека»: тот, кто не способен созидать, кто не выходит из нарциссического отщепенства, полной обособленности от чувства и страданий других людей, тот, кто лишен бытия и делает принципом собственную пустоту, свое ничто, — через него в мир приходят только зло и смерть.

Метод психоанализа состоит в том, чтобы на основе сновидений, свободных ассоциаций, действий, текстов и т. п. нащупать бессознательное ядро психики, главные мотивы поведения и мышления. В случае психобиографии главными источниками становятся свидетельства очевидцев — по ним Фромм воссоздает характер, который делает понятными действия исторического лица. Психоанализ представляет собой герменевтику, главную роль в которой играет не эмпатия, а исследование различных символических экспрессий. Понимание предполагает здесь общую объяснительную теорию — в данном случае таковой является концепция характера.

Опытным полем психоанализа является клиника неврозов, а потому психоаналитические биографии нередко производят впечатление совершенно произвольных увязок творчества, политической деятельности с гипотетическими «комплексами»; иногда эти построения кажутся самой настоящей «либидобелибердой», как охарактеризовал такие штудии любивший аллитерации Владимир Набоков. Фромм избегает откровенно надуманных схем, его исследование достаточно объективно. Однако, хотя у Гитлера

несомненно присутствовали психопатологические отклонения, предложенная Фроммом интерпретация вызывает немало вопросов.

Прежде всего, Фромма можно упрекнуть в том, что он некритически подходит к свидетельствам, отбирает лишь те из них, которые подтверждают его трактовку Гитлера. Он корит одного из историков за использование не вызывающих доверия свидетельств и критикует ортодоксальных психоаналитиков за подгонку материала под свои схемы, вроде обязательного эдипова комплекса. Но «злостная инцестуозность» в раннем детстве ничуть не достовернее эдипова комплекса, а с нею связаны практически все построения Фромма. Критически следует относиться и к тем фактам, которые приводят бывшие приближенные фюрера. После краха режима они стали создавать образ «демонической» личности, отдававшей иррационально жестокие приказы: генералы оправдывают этим свои поражения, деятели режима перелагают на Гитлера ответственность за преступления, в которых они соучаствовали. Нам неплохо знакомы такого рода ссылки на «культ личности», с помощью которых большая часть ответственности перелаживается на «отца народов», тогда как все прочие оказываются лишь исполнителями приказов. Вожди, конечно, были преступными в обоих случаях, но ответственность они разделяли с людьми, у которых не было никаких психопатологических отклонений, не говоря уж о «демонизме», — последнего они не замечали за своими «вождями», пока им служили (либо пока те действовали в общих для всей верхушки интересах). О «безумии» вождей начинают говорить после их свержения или смерти.

Всякая схема узка и позволяет выявить только какую-то сторону явления (в этом, впрочем, и достоинство любой модели). Для Фромма личность человека в огромной мере определяется бессознательными страстями, образующими характер: все подчинено какой-то доминирующей страсти, в случае Гитлера — деструктивности. Однако, надо заметить, бессознательная система установок и ориентаций человека является значительно более сложной. Представитель когнитивной психологии, например, включил бы в нее не только страсти, но также определенный набор мыслительных установок, клише, накопленных данным индивидом знаний. В случае Гитлера это привело бы, видимо, к более достоверной картине, где национализм связывался бы не со «злостной инцестуозностью», а ксенофобия не выводилась бы из нарциссизма. Ненависть Гитлера к евреям и славянам, коммунистам и социал-демократам была не одной лишь индивидуальной патологией, она коренится в социальной «патологии», в идеологии, имевшей в Германии давние истоки и обострившейся после поражения в войне, Версальского договора, экономического кризиса.

Фромм готов признать наличие значительных интеллектуальных способностей у Гитлера, но они оказываются в полном подчинении у бессознательных деструктивных желаний. Вряд ли такая личность была бы способна пробиться к власти и долго ее удерживать. Значительно большей была роль холодного расчета. Не спонтанная ярость, как полагает Фромм, толкнула Гитлера на войну с Польшей, а тем самым и на мировую войну, — планы ее уже были разработаны, когда Гитлер ставил вопрос о «данцигском коридоре». То же самое можно сказать о многих других решениях фюрера, которые Фромм относит исключительно к влиянию иррациональной деструктивности.

Фромм верно замечает, что Гитлер не является каким-то уникальным индивидом, что людей с подобными чертами характера имеется немало. Тогда возникает вопрос: есть ли вообще нужда в учении о характере как индивидуальном ответе на экзистенциальные противоречия, который, к тому же, дается в раннем детстве? Конечно, корни деструктивного поведения заметны уже в детстве и юности Гитлера. Он был озлобленным на весь белый свет, был переполнен мстительной ненавистью. Но таких молодых людей было много в европейских столицах начала века, они пополняли ряды и революционеров-террористов, и националистических группировок, и просто преступного элемента. После войны они насчитывались уже десятками тысяч — выбитые из гражданской жизни, привычные к крови, готовые решать все вопросы с помощью оружия и рвущиеся к власти. Из них формировал свои легионы Муссолини, они были костяком многочисленных правых союзов в Германии. Вряд ли Гитлер сильно отличался психологически от этой массы. Социальной психологии хорошо известна следующая закономерность: когда группа испытывает чувства беспокойства, страха, ненависти, то она выталкивает в свои вожди тех, у кого эти чувства наиболее ярко выражены. Будучи своеобразным медиумом, Гитлер был носителем не только собственной деструктивности, на него проецировались страх и агрессивность масс. Индивидуальная «некрофилия» Гитлера представляет интерес лишь потому, что у него имелась предрасположенность к роли вождя в таких условиях, ибо деструктивный характер развился у него ранее.

Спор о роли личности в истории длится уже давно, и всем понятна неудовлетворительность чисто социологического подхода. На «классическое» решение Плеханова (по поводу Наполеона: нужна была «шпага», и ее призвали) еще Сартр заметил: не в том ли весь вопрос, какая шпага призывается, всякий ли из призванных генералов мог сделаться императором и залить кровью всю Европу? Тоталитарные режимы в Германии, Италии, России возникли в результате первой мировой войны, революций и

контрреволюций, но многое в истории этих стран связано с личностью того диктатора, который взобрался на вершину власти. Режимы личной власти неизбежно персонифицируются, и термины «гитлеризм», «сталинизм», «маоизм», «франкизм» передают опыт миллионов людей и сохраняют свою значимость для историков и социологов. При сходных экономических и политических структурах личность накладывает отпечаток на всю систему; понятна, например, разница между Кадаром и Чаушеску.

Поэтому психологические исследования, вроде того, которое было проделано Фроммом, многое дают нам для понимания истории нашего века. Предложенная Фроммом картина «клинического случая некрофилии» не является бесспорной, но она проливает свет на то, как могут соединяться и взаимодействовать в истории психика преданного деструктивным страстям индивида и политический режим, способствующий реализации самых чудовищных фантазий. Если же учесть, что подобные Гитлеру личности всплывают со дна общества в условиях экономического и политического кризиса, на волне массовых волнений, национальных страстей и призывов к насилию, то такого рода исследования обретают и практический смысл.

А. М. Руткевич

Приложение

*Из книги Эрнста Генри
«Гитлер против СССР»
(М., 1937).*

...30 июня 1934 г. в казармах и на задворках Мюнхена и Берлина были убиты лидеры германского национал-социализма — Рем, Гейнес, Эрнст и сотни их друзей. Они были умерщвлены по приказанию Гитлера. Этот день ознаменовал начало нового периода в истории Германии, а в истории Европы открыл новые перспективы. Что же произошло 30 июня?

Миру казалось, что перед ним разворачивается действие детективного фильма. Ведь убитые были самыми доверенными лицами Гитлера. Все это — люди, которые восемнадцать месяцев назад, 30 января 1933 г., завоевали для Гитлера власть в Германии; это — люди, которые непрерывно в течение десяти лет командовали его армией, организовали поджог рейхстага и довели национал-социалистское движение до его расцвета. Они лежали теперь в собственной крови. И все-таки происшедшее заключало в себе больше чем «дворцовый» переворот. Рем, Гейнес и Эрнст были *генералами германской мелкой бжуазии*. Это — основное и в этом причина их смерти.

Во главе армии германского фашизма стояли «генералы» двух родов. Это, во-первых, самые блистательные, самые прославленные, самые могущественные из них, те, на которых опирается официальное правительство Германии, — триумвират Гитлер — Геринг — Геббельс. Это герои 30 января, провозгласившие себя спасителями нации. На деле эти лидеры были прежде всего представителями самой реакционной и самой неразборчивой в средствах группы в Германии. Их подобрала в грязи, увенчала лаврами и поддержала миллионными средствами тайная олигархия королей Рура — угольных и стальных баронов. История о том, как пришли к власти Гитлер и его друзья, уже не является более тайной.

Несмотря на всю помпу, эти люди и прежде и теперь ступеньваются перед мощью капитала. В недрах богатого промышленного Рура в течение десятков лет скоплялась огромная неодушевленная масса капиталов. Душой этого гигантского туловища является империализм. В течение десятков лет Рур

держит в своих руках всю Германию и пытается сжимать ее все крепче и крепче для того, чтобы добиться выполнения своих империалистических вожелений. Гитлер, Геринг и Геббельс являются поистине полными выразителями этого концентрированного капитала в его гигантской и неустанной борьбе за расширение своих владений, за выход из Центральной Европы на арену всего континента. Поверхностному взгляду европейского наблюдателя эта борьба представляется политикой Великой Германии. Но внутри страны, среди посвященных, она известна как «Континентальный план» германской тяжелой промышленности. Это главная сила, незримо вдохновляющая трех лидеров национал-социализма вместе с их приверженцами. Это та сила, в жертву которой они готовы отдать все: республику, свободу германского народа, мир в Европе, права рабочего класса, и уж во всяком случае — доверие мелкой буржуазии. Какое значение имеет для них все это? Внутри фашизма эта троица вождей и их сторонники осуществляют волю и закон империализма. Фашистские лидеры мечтали о новом великолепном паневропейском государстве тевтонской расы, им грезилось, что они стоят во главе этого государства, как вожди и победители. Они были словно зачарованы этим видением. Ведь именно поэтому они создали и возглавили национал-социалистскую партию. Но для того чтобы вступить на этот путь, надо было сначала сломить волю тех, кто преграждал здесь дорогу, — волю пролетариата.

Лидерам национал-социалистов пришлось заключить союз с инородной группой, им пришлось прибегнуть к услугам вожakov мелкой буржуазии. Мелкий люд уже долгое время метался в поисках мистического спасителя. Сплоченный, безымянный капитал, стоявший за реакцией, и распыленная мелкобуржуазная масса — миллионы разорившихся мелких торговцев, крестьян, торговых служащих и низших государственных чиновников — сплотились на время так тесно, что образовали, казалось, единый массив. Этот массив обрушился на германский рабочий класс. Тогда-то и поднялись новые фашистские генералы — Рем и его хунта, командовавшая под конец двумя с лишним миллионами вооруженных коричневорубашечников.

Это были люди различного толка. Они подняли знамя Гитлера и пошли в бой во славу его имени. Однако это были прежде всего сыны взбунтовавшейся мелкой буржуазии, ее непосредственные вожди, ее «герои», ее демагоги. Даже в своих новых разукрашенных мундирах они не перестали до известной степени отражать характер и природу той массы, из которой они вынырнули так внезапно, с такой головокружительной быстротой.

Они говорили языком мясников и содержателей постоянных дворов, языком конторщиков, фермерских сынков и студентов; таинственные империалистические интересы касались их лишь во вторую очередь, за «мистическую» личность Гитлера они не прозакладывали бы и ломаного гроша, ведь они сами его «сделали». Они жаждали новых «великих» подвигов в духе Валленштейна.

Рем, Гейнес и Эрнст были самыми жестокими и беспощадными из всех крупных вождей национал-социалистов — вся Германия содрогалась при виде их кровавых дел. Они выражали — сознательно или бессознательно — бурное анархическое бешенство разоренной мелкой буржуазии, бешенство, которое, однажды разгоревшись, так часто принимает форму необузданного терроризма, ибо мелкая буржуазия, смертельно раненая могучими силами капитала, слепо набрасывается на «левых». Но Рем и его соратники были не только безжалостными палачами. Ведь одновременно они являлись лидерами национал-социалистской партии, и когда они в верхах партии и в государственных учреждениях громко и настойчиво требовали «второй национал-социалистской революции», то их толкали те же мотивы, что и при расправах с рабочими. Чего хотели эти люди и что называли они «второй революцией»? Коротко говоря, они хотели *богатств*, принадлежащих другим группам и классам; богатств больших универсальных магазинов, богатств еврейской буржуазии, богатств рабочих кооперативных обществ и профсоюзов, богатств крупных землевладельцев; у них разгорался аппетит, отчасти даже на священные и неприкосновенные богатства промышленности и банков. Всего этого хотели лидеры только для мелкой буржуазии и для самих себя.

Робин Гуды городских окраин, избивавшие евреев и социалистов и не испытывавшие притом ни малейших угрызений совести, считали, что эти их вождения и являются как раз социализмом. Отсюда яркое кричащее противоречие между политической программой и личным поведением крупнейших генералов СА (штурмовых отрядов). Проявляя чудовищную жестокость по отношению к левому крылу рабочего класса, они стояли одновременно на самых «левых» позициях внутри национал-социалистской партии. Это — противоречие, присущее самой мелкой буржуазии...

...Фашистские главари снова раскололись на две группы. Тайный антагонизм между Ремом и Гитлером, существовавший в верхах национал-социалистской партии, оставался долгое время скрытым от международного общественного мнения, но он был

неизбежен. За этим антагонизмом, за соперничеством между двумя честолюбивыми кликами наемников скрывалось реальное и притом невероятно напряженное противоречие интересов капиталистической олигархии и мелкого буржуа, империализма и мелкой буржуазии, Рура и маленьких городков. Один из противников должен был победить и, победив, избавиться от врага наиболее удобным по его мнению способом, удалив его из своей «системы», своего «государства». В момент, когда напряженность этого противоречия сделала взрыв неизбежным, в верхушке, т. е. между Ремом и Гитлером, должно было что-то произойти. Этот момент стал очень близок летом 1934 г. Порочный круг замыкался...

...И вот наступил день, когда потекли потоки крови, грязи и предательства, при помощи которых фашизм привык «делать историю»; это движение, которое никогда не борется в открытую, а всегда нападает из-за угла и впивается в горло. Обе стороны имели именно такой план. Обе клики были готовы применить одна к другой «стратегию поджога рейхстага», тактику гангстеров. Одни называли это «второй революцией», другие спасением авторитета. И те и другие говорили о возвышенных идеалах национал-социализма...

...Банкротство фашистских масс поразительно совпадало, словно следовало определенному закону, с другим явлением — личным банкротством *фашистских лидеров*. Конечно, их предали массы; но ведь могли же они, сражаясь, по крайней мере, дорого продать свои жизни. Что делали они в последний момент? Как использовали они последний шанс на исторической сцене? *Как они умирали?*

Рем, умирая, кричал и визжал, непрерывно повторяя: «Я не виновен!» Он не воспользовался против своих убийц даже брошенным ему револьвером. Рем, который десятки раз организовывал политические убийства, отдавал приказы об их выполнении, цинично восхвалял их как естественную необходимость, как солдатское ремесло, — кричал с пеной у рта: «То, что вы делаете со мной, это политическое убийство». Его припугнули револьвером.

Эрнста, раненого и избитого до полусмерти, доставили на аэроплане в застенок Берлин-Лихтерфельд. Перед взводом чернорубашечников он упал на колени и молил о пощаде. «Хайль, Гитлер, — кричал он, — я невиновен». Этот человек организовал и лично руководил расправой над берлинскими рабочими после поджога рейхстага.

Гейнес так визжал, что его было слышно буквально по всему Коричневому дому в Мюнхене. Известный начальник Ораниенбургского концентрационного лагеря, в течение целого

года истязавший лучших людей Германии, Шефер, удрал, как только услышал об опасности.

Штрассер, который может считаться творцом национал-социалистской идеологии, создателем национал-социалистской партии с большим правом, чем Гитлер, с большим основанием, чем Геббельс и Геринг, позволил агентам Геринга арестовать себя молча, без звука протеста, подобно малодушному буржуа. Еще живого, его затоптали на смерть в Грюневальдском лесу близ Берлина.

Единственным «мужчиной», если верить некоторым сообщениям, который лицом к лицу с убийцами нашел бесстрашные слова открытого протеста и обвинения, была ... женщина, жена не-национал-социалистского генерала Шлейхера. Через мгновение она лежала с простреленной головой, но она оказалась сильнее Эрнста. Почти все мятежные вожди штурмовиков (за исключением бывшего летчика капитана Герда) кричали перед смертью: «Хайль, Гитлер».

Так умирали эти титаны фашизма, эти «сверхчеловеки», провозгласившие «новый мир сильного», эти «железные люди» «новой эпохи» (ведь Мосли и сейчас выражается в том же духе). Они умирали, как пораженные смертельным страхом животные. Они просили только о пощаде, как воришки, пойманные на месте преступления. Они уподоблялись в своем ничтожестве самым ничтожным из созданий. Так защищали они себя и свою «идею». Под дулами гитлеровских винтовок они только и делали, что кричали «хайль, Гитлер», пытаясь в последний момент выклянчить еще несколько мгновений. Даже тогда, когда не оставалось ничего другого, как взглянуть смерти в глаза, они лизали сапоги своих убийц со словами «хайль, Гитлер».

Так вели себя они, в течение недель и месяцев расстреливавшие революционных рабочих, борцов, стоявших перед палачами гордо и неприступно, не замечая своих убийц, со взором, устремленным в победоносное будущее человечества. Безвестный гамбургский рабочий и антифашист Лютгенс, умирая за революцию, благодарил своих убийц за оказываемую ему честь, и умер с песней торжества на устах. Знаменитый фашистский лидер и герой Эрнст, диктатор берлинских штурмовиков и предмет обожания берлинских мешанок, перед смертью корчился, ползал по полу и плакал, как ребенок.

Это — не просто различие в степени храбрости у двух противников. Это — различие между двумя культурами, двумя историческими эпохами, различие между прошлым и будущим. Люди различны, потому что они представляют различные классы

и различные исторические движения. Люди, которые шагают в ногу с историей, которые представляют собой передовую силу истории, которых эта сила, в свою очередь, ведет вперед,— эти люди не боятся смерти. Ход истории, ее высшие законы представляются им неизмеримо важнее их личной судьбы. В момент смерти от руки врага они видят, подобно Канту, звездное небо над собой и моральный закон внутри себя. Но те, которые служат безнадежности, которые служат тлетворным силам прошлого,— носят в самих себе зародыш смерти. Жизнь их — это падение и страх. И даже за гордой, сверхчеловеческой позой вождя всех этих людей — «цезаря» Муссолини — таятся чувства бесконечно жалкие и низменные, а вместе с ними — безнадежность. А в самой глубине скрывается всегда одно и то же — страх, неизбежная расплата за службу пытающемуся повернуть историю вспять капитализму.

Примечания

¹ У греков *nekros* означает «мертвец», «труп», «обитатель подземного царства». Латинское *pex, pectis* соответствует насильственной смерти, убийству. Очевидно, *nekros* относится не к смерти как таковой, а к мертвому телу и к убитым (т. е. умершим не своей смертью). «Смерть» имеет совершенно другое значение, связанное не с мертвым телом, а с актом умирания. В греческом это *thanatos*, в латыни — *mors, mori*. Английские слова «die» и «death» (умирать и смерть) восходят к индо-германскому корню *dheu, dhou*. (Я глубоко признателен д-ру Айвену Илличу, предоставившему мне обширные сведения по этимологии этих понятий, из которых я привел здесь лишь самые существенные.)

² *Hentig H. von* (1964). *Der Nekrotope Mensch*. Stuttgart: F. Enke Verlag.

³ В некоторых странах существует обычай выставлять на могиле портрет покойного.

⁴ *Spoerri T.* (1959). *Ueber Nikrophile*. Basel.

De River J.P. (1956). *The sexual criminal: a psychoanalytic study*. 2nd ed. Springfield,

III.

⁶ *Rauch H.J.* (1947). *Arch f. Psychiatrie und Nervenkrankheiten*. Berlin.

Имеется аналогичный, хотя и не подтвержденный прямыми свидетельствами, рассказ про Гитлера, который будто бы не мог отвести взгляда от разлагающегося трупа солдата.

⁷ Чтобы избежать недоразумений, хочу сразу подчеркнуть, что приводимое ниже описание развитого «некрофильского характера» вовсе не предполагает деления всех людей на две категории: тех, кто является некрофилом, и тех, кто им не является. Некрофильский характер — это некий предельный случай доминирования в структуре личности некрофильских тенденций. В реальности большинство людей сочетают в себе устремления некрофилов и биофилов, причем конфликт между ними зачастую является источником продуктивного развития.

⁸ По замечанию Р.А. Медведева (*Let history judge*, New York: Knopf, 1971), первым, кто употребил термин «некрофилия» (в версии «труположество») как раз в таком психологическом смысле, был Ленин.

⁹ Цит. по: *Thomas H.* (1961). *The Spanish Civil War*. New York: Harper and Bros. Harmondsworth: Penguin Books, 1965. После этого Унамуно находился под домашним арестом и через несколько месяцев умер.

¹⁰ Предварительный отчет о полученных мною результатах см. в: *Fromm E.* (1964). *The heart of man*. New York: Harper and Row. London: Routledge, 1965.

¹¹ Я еще раз пересмотрел с этой точки зрения некоторые случаи из моей собственной психоаналитической практики разных лет, а также случаи, о которых докладывали на семинарах молодые психоаналитики, и материалы, полученные моими сотрудниками.

¹² Ср. приведенный выше пример, в котором индивид осознанно желает утонуть в разлагающихся останках своей бабушки.

¹³ См. также огромный материал о грязи и испражнениях в: *Bourke J.G.* (1913). *Der Unrat in Sitte, Brauch, Blauben und Gewohnheitsrecht der Völker*. Leipzig: Ethnologischer Verlag (с предисловием З. Фрейда).

¹⁴ Из личной беседы со Шпеером.

¹⁵Другие примеры такого рода сновидений см. в: *Fromm E.* (1951). *The forgotten language: an introduction to the understanding of dreams, fairytales and myths*. New York: Holt, Rinehart and Winston.

¹⁶Alanbrooke Viscount (Alan Francis Brooke). (1957). *The turning of the tide*. Lohdon: Collins.

То обстоятельство, что личный врач Черчилля лорд Моран упоминает в своем дневнике этот случай, заставляет предположить, что он делал это достаточно часто (Moran Lord. (1966). *Churchill: taken from the diaries of Lord Moran*. Boston: Haughton Miffin. London: Constable).

¹⁷Для Маркса капитал и труд были не просто экономическими категориями. Капитал для него был проявлением прошлого, овеществленным трудом. Труд — проявлением жизни, приложением человеческой энергии в процессе преобразования природы. Выбор между капитализмом и социализмом (как он его понимал) сводился к вопросу: Кто (что) должен править чем (кем): мертвое живым или живое мертвым? См. также: *Fromm E.* (1961). *Marx's concept of man*. New York: Frederic Ungar; *Fromm E.* (1970) / *The crisis of psychoanalysis*. New York: Holt, Rinehart and Winston. London: Cape, 1971.

¹⁸Такое цветовое предпочтение характерно также для людей, находящихся в состоянии депрессии.

¹⁹Исследование было закончено в середине 30-х гг. Применявшийся опросник и образцы ответов опубликованы в: Horkheimer M., ed. (1936). *Autorität und Familie*. Paris: Librairie Félix Alcan.

²⁰В начале 30-х гг. этот вопрос вызывал много споров. В тех слоях населения, к которым относились опрашиваемые, преобладало мнение, что использование косметики — привычка «буржуазная», идущая вразрез с натурой.

²¹Maccoby M. (1972). *Emotional attitudes, and political choices. Politics and society* (Winter): 209-239.

²²Mumford L. (1967). *The Myth of the Machine: Techniques in Human Development*. New York: Harcourt Brace Jovanovich. London.

²³Р. Голдберг — американский художник, сюрреалист, автор известных карикатур и комиксов (прим. перев.).

²⁴Р. Флинт, издатель работ Маринетти, пытается затушевать его преданность фашизму, но, на мой взгляд, делает это неубедительно.

²⁵Маринетти Ф.Т. Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами. М., 1986. С. 160-161 (курсив Э. Фромма).

²⁶Трудно удержаться, чтобы не привести здесь выдержку из «Технического манифеста футуристической литературы», написанного Маринетти в 1912 г.: «Кончилось господство человека. Наступает век техники! Но что могут ученые, кроме физических формул и химических реакций? А мы сначала познакомимся с техникой, потом подружims с ней и подготовим появление *механического человека в комплексе с запчастями*» (там же. С. 168, курсив Маринетти). (прим. перев.).

²⁷Flint R.W., ed (1971). *Selected writings of F.T. Marinetti*. New York: Farrar, Strauss and Giroux.

²⁸В начале Второй Мировой войны британские военные летчики все еще воевали по старинке. Они управляли самолетом в одиночку и вызывали противника на бой один на один. Ими руководило страстное желание спасти свою страну от вторжения немцев. Исход каждой схватки зависел от их личного мастерства, решительности и мужества. В принципе, по манере ведения боя, они ничем не отличались от героев Троянской войны.

²⁹ Льюис Мамфорд предложил различать два полюса цивилизации: «механически организованный труд и механически организованное разрушение» (Л. Мамфорд, 1967).

³⁰ Тем, кто станет утверждать, что «один шаг» в данном случае не имеет значения, я хотел бы напомнить, что сплошь и рядом миллионы вполне честных и достойных людей не выказывают никакой реакции, когда их государство или партия совершают жестокости на расстоянии, измеряемом пусть не одним, а многими шагами. Сколько шагов отделяло жителей Европы от жестокостей, учиненных в начале века Бельгийской администрацией в Африке? Конечно, один шаг это меньше, чем пять, но разница здесь только количественная.

³¹ Возможно, подтвердить или опровергнуть эту мою гипотезу смогут исследования характера менеджеров, проводимые в настоящее время М. Маккоби в США и И. Милланом в Мексике.

³² Fromm E. (1947). *Man for himself: An inquiry into the psychology of ethics*. New York: Holt, Rinehart and Winston. London: Routledge, 1956.

³³ См. приведенный выше сюжет седьмого сновидения.

³⁴ Kahn H. (1960). *On thermonuclear war*. Princeton: Princeton Univ. Press.

³⁵ Примечательно, что люди, наиболее творческие среди современных ученых, такие как Эйнштейн, Борн, Гейзенберг или Шредингер, вовсе не принадлежали к описываемому «умственному» типу. Их научные интересы не имели шизоидного оттенка, свойственного большинству представителей этого типа. В структуре их личности несомненно доминировали философские, моральные и духовные ценности. И это доказывает, что научный подход сам по себе не обязательно ведет к отчуждению. Скорее, он приобретает шизоидные качества благодаря социальному климату.

³⁶ Fromm E. (1941). *Escape from freedom*. New York: Holt, Rinehart and Winston. В своем выдающемся исследовании Маргарет С. Малер использовала понятие «симбиоз» применительно к отношениям между матерью и ребенком.

³⁷ Kanner L. (1944). Early infantile autism. - *Journ. Pediatr.*, 25: 211—17.

³⁸ Mahler M.S. (1968). *On human symbiosis and the vicissitudes of individuation*. Vol. I. New York: Int. Univ. Press.

³⁹ Я чрезвычайно признателен Дэвиду С. Шехтеру и Гертруде Ганцикер-Фромм, которые поделились со мной своим клиническим опытом и взглядами на природу детского аутизма, ибо я сам с аутичными детьми никогда не работал.

⁴⁰ Об этом шла речь в других главах настоящей книги. (Прим. перев.)

⁴¹ Исходя из этих соображений, психиатры, принадлежащие к школам Мейера и Лэнга, отказываются от применения традиционной нозологии. В этом проявляется совершенно новый подход к психическим нарушениям. Пока пациент рассматривался как объект психотерапии, диагноз имел принципиальное значение для решения вопроса, следует ли помещать его в заведение для умалишенных. Но с появлением психоаналитических методов терапии диагноз потерял свое значение, так как интересы психиатра сосредоточились на понимании процессов, происходящих в психике пациента, который стал рассматриваться как полноценный и равноправный участник и наблюдатель терапии. Это новое отношение к пациенту выражает позицию радикального гуманизма, развивающегося в наше время в пике преобладающей тенденции дегуманизации общества.

⁴² Fromm E. (1955). *The Sane Society*. New York: Holt, Rinehart and Winston. London: Routledge, 1971.

⁴³ Спиноза Б. *Этика*. М.-Л., 1932. С. 171.

⁴⁴Для аутичных детей картина выглядит несколько по-иному. Они чаще проявляют разрушительные наклонности. Анализируя это различие, надо учитывать, что шизофреник отрезал нити, связывающие его с социальной реальностью, и поэтому не чувствует для себя угрозы и не ждет насилия, если его никто не тревожит. Аутистичного ребенка не оставляют в покое. Родители не оставляют усилий, чтобы научить его играть в игры, необходимые для нормальной жизни, и постоянно вторгаются в его внутренний мир. Кроме того, в силу своего возраста ребенок вынужден поддерживать связи с семьей и не имеет возможности полностью самоустраниться. Такая ситуация стимулирует развитие у него ненависти и деструктивности, чем, по-видимому, и объясняется, что тенденция к насилию проявляется у аутистичных детей чаще, чем у шизофреников. Впрочем, это не более чем умозрительные предположения, которые несомненно нуждаются в оценке людей, по-настоящему в этой области компетентных.

⁴⁵Freud S. (1909). Analysis of a phobia in a five-year-old boy. Standard Edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 10. London: Hogarth Press.

⁴⁶Функция обрядов инициации и заключается в том, чтобы разорвать эту связь и отметить переход к взрослой жизни.

⁴⁷Уважая условности буржуазной жизни, Фрейд постоянно оправдывал родителей своих юных пациентов, не допуская даже намека, что они могли причинить своему ребенку какой-то вред. Считалось, что все, включая инцестуальные побуждения, является плодом собственной фантазии ребенка (см. также Э. Фромм, 1970.)

⁴⁸Океан — часто встречающийся символ матери. Я встречал несколько пациентов, одержимых желанием утонуть в океане.

⁴⁹Это — главный тезис Альберта Швейцера, одного из величайших представителей жизнелюбия. И в своих произведениях, и как личность он типичный и несомненный биофил.

⁵⁰В работах Фрейда можно наблюдать радикальный переход от одного понятия инстинкта к другому. В первоначальной версии сексуальность выступала как физиологическое, механическое явление, производимое раздражением различных эрогенных зон тела, а удовлетворение рассматривалось как снятие напряжения, вызванного наращиванием раздражения. В то же время, инстинкты жизни и смерти не привязаны ни к каким определенным телесным зонам. Им не свойственна ритмическая динамика по схеме: напряжение — снятие напряжения — напряжение. Трактуются они в биологических, виталистских категориях. Фрейд никогда не пытался заполнить разрыв между этими понятиями. Семантически их единство было задано уравнением: жизнь-эрос-сексуальность (либидо). В предложенной мною здесь гипотезе перебрасывается мостик между старыми и более поздними понятиями Фрейда. Это удастся сделать, предположив, что некрофилия является злокачественной формой анального характера, а биофилия — развитой формой характера генитального. При этом надо иметь в виду, что, используя термины «анальный» (накопительский) и «генитальный» (продуктивный) характер, я принимаю соответствующие клинические описания Фрейда, но отрицаю тезис о физиологических корнях этих импульсов.

⁵¹Сведения о родителях Гитлера и годах его младенчества, детства и юности почерпнуты мною в основном из двух источников. Это блестящие книги Б.Ф. Смита (*Smith B.F.* (1967). *Adolf Hitler: his family, childhood and youth*: Stanford: Stanford Univ) и В. Мазера (*Maser W.* (1971). *Adolf Hitler, Legende, Mythos, Wirklichkeit*, Munich: Bechtle Verlag). Я обращался также к нигам А. Кубичека (*Kubizek A.* (1953). *Adolf Hitler, Mein Jugendfreund*. Graz: L. Stocker Verlag) и самого Гитлера (*Hitler A.* (1943). *Mein Kampf*, trans. R. Manheim. Boston. London). Книга Гитлера служит главным образом целям пропаганды и содержит много лжи. К свидетельствам Кубичека, друга юных лет Гитлера, восхищавшегося им как в юности, так и в годы, когда тот был у власти, надо относиться с осторожностью. Что касается Мазера, то хотя он и историк, но иногда некорректно

использует источники. Так что наиболее объективным и надежным источником является на сегодняшний день Смит.

⁵²Как показали исследования детского аутизма, навязчивость родителей является одним из условий, способствующих его развитию.

⁵³Есть две попытки психоаналитического объяснения порочности натуры Гитлера: (1) весьма традиционный, ортодоксальный анализ Лангера (*Langer W.C. (1972). The Mind of Adolf Hitler*, NY: Basic Books. London: Pan Books), предпринятый еще в 1943 г. для доклада Стратегической Службы и в то время засекреченный, и (2) исследование Ж. Броссе (*Brosse J. (1972). Hitler avant Hitler*. Paris: Fayard). Для периода, когда биографические сведения о Гитлере были еще отрывочными, работа Лангера оказалась в общем неплохой, хотя она была сильно отягощена априорными теоретическими выкладками. Лангер подчеркивает, что привязанность Гитлера к матери привела к развитию у него особенно интенсивного эдипова комплекса (т. е. желания избавиться от отца). По мнению автора, Гитлер наблюдал половой акт родителей и проникся ненавистью как к отцу (за его «жестокость»), так и к матери (за «измену»). Все мальчики предположительно имеют эдипов комплекс, и многие наблюдали совокупление родителей (особенно в низших классах, где жилое пространство ограничено), и поэтому остается неясным, каким образом это универсальное условие может служить объяснением особого случая, тем паче такого, каким является личность Гитлера.

Исследование Ж. Броссе опирается на более обширные данные и является весьма тонким. Броссе точно распознает свойственную Гитлеру ненависть к жизни, и в этом отношении его выводы перекликаются с анализом, который я предлагаю в данной книге. Единственное, что портит его работу, это желание уложить все свои наблюдения в прокрустово ложе теории либидо. Броссе делает один шаг в сторону от традиционного понимания эдипова комплекса и «первородной сцены» родительского совокупления. Глубочайшим бессознательным побуждением Гитлера было «убийство фаллической матери, т. е. не только отца, но также и совокупляющейся с ним матери... Он страстно желает уничтожить не просто свое рождение, но — свое зачатие, «первородную сцену» соития родителей, причем не ту, которую он наблюдал, а ту, которая происходила до его появления на свет, сцену, при которой он присутствовал в воображении, ретроспективно, в определенном смысле — потенциально, ибо она была связана с его зачатием... Это и есть подлинная ненависть к жизни: ненависть к акту, в котором родители дали ему жизнь...» Как символическое, сюрреалистическое описание абсолютной ненависти к жизни эта картина имеет свои безусловные достоинства. Но в той мере, в какой она должна служить анализу конкретных причин ненависти Гитлера к жизни, она граничит с абсурдом.

Еще одна попытка проанализировать характер Гитлера принадлежит мне (*Fromm E. (1941). Escape from freedom*. NY: Holt, Rinehart and Winston). Я опирался тогда на представление об авторитарном садо-мазохистском характере и не касался истории его детства. Этот анализ кажется мне правильным до сих пор, хотя, как я теперь думаю, садизм Гитлера вторичен по отношению к его некрофилии, о которой идет речь в данной книге.

⁵⁴Можно, конечно, возразить, что свидетели упускают из виду разочарование, которое мальчик испытал на бессознательном уровне. Но поскольку никто не смог распознать никаких признаков такого разочарования, аргумент этот является сомнительным. Единственным для него основанием может служить догматический принцип, что рождение брата или сестры всегда оказывает такое действие. Рассуждение входит при этом в порочный круг, ибо требование теории мы априори рассматриваем как факт, а затем утверждаем, что теория подтверждается фактами.

⁵⁵Поскольку Кубичек восхищался Гитлером как в молодости, так и в зрелые годы, трудно сказать, насколько правдивы приводимые им факты, не выверяя их по другим источникам. Во всяком случае, оценки его несомненно тенденциозны и продиктованы желанием изобразить Гитлера в благоприятном свете. Впрочем, Мазер рисует еще более

трогательную картину любви Гитлера к матери и отчаяния, охватившего его в результате ее смерти. Сведения Мазера почерпнуты из меморандума, составленного для нацистских властей в 1938 г., т. е. тридцать один год спустя после этих событий, евреем д-ром Е. Блохом, лечившим в свое время мать Гитлера. При всем уважении к памяти д-ра Блоха, показания, записанные евреем в Германии в 1938 г. для нацистов, вряд ли можно считать до конца правдивыми. Скорее всего, он был движим желанием так или иначе завоевать благосклонность властей, — желанием по-человечески совершенно понятным, но лишаящим этот документ ценности исторического источника. То, что Мазер даже не задается вопросом о надежности свидетельства Блоха, является одним из примеров методологической несостоятельности его работы в части обращения с источниками. С другими примерами мы дальше еще столкнемся.

⁵⁶Picker H. (1965). Hitler's Tischgesprache im Fuehrerhauptquartier. Ed and with an Introduction by P.E. Schramm. Stuttgart: Sweeney Verlag.

⁵⁷Вот что сказал о нем его бывший школьный учитель Э. Гумер, выступая свидетелем на судебном процессе, последовавшем за неудачным путчем в Мюнхене: «Гитлер был несомненно талантлив (может быть, несколько односторонне), но плохо владел собой. По крайней мере, его считали упрямым, своенравным и вспыльчивым. Он часто вступал в споры, и ему было безусловно трудно выполнять школьные требования. Он был так же не очень трудолюбив, иначе он успевал бы гораздо лучше, так как был несомненно способным» (В. Мазер, 1971).

⁵⁸То, что пишет сам Гитлер о своей бедности в *Mein Kampf*, является откровенной ложью.

⁵⁹Пытаясь доказать, что Гитлер всерьез занимался искусством, Мазер пишет, что он брал уроки у скульптора, профессора Пангольцера. Однако единственным свидетельством, которое он приводит в подтверждение этого факта, является письмо матери квартирной хозяйки Гитлера профессору сценографии Роллеру, содержащее просьбу принять Гитлера и дать ему консультацию. Мазер не приводит никаких данных, которые проливали бы свет на результаты этой встречи, — если она вообще состоялась. Он только добавляет, что тридцать лет спустя Гитлер назвал Пангольцера (если следовать синтаксической конструкции Мазера, здесь должен был быть упомянут Роллер) своим учителем. Это один из многих случаев, когда Мазер некритически использует автобиографические свидетельства Гитлера. Тем более остается тайной, откуда ему известно, что Гитлеру приходилось «систематически и дисциплинированно» работать в мастерской Пангольцера, так же как и то, почему подающий надежды будущий художник или архитектор должен был учиться у скульптора (В. Мазер, 1971).

⁶⁰Далее в изложении событий я в основном опираюсь на данные Б. Ф. Смита (1967).

⁶¹Из всей обширной литературы о Гитлере и его эпохе с 1914 по 1946 г. я использовал главным образом книги А. Шпеера (Speer A. (1970). Inside the Third Reich: memoirs of Albert Speer, trans. R. and C. Winston; Introduction by E. Davidson. London: Weidenfeld — Nicolson. New York: Macmillan) и В. Мазера (1971), последнюю, однако, с некоторой осторожностью, о чем я уже говорил выше, обсуждая его суждения о юности Гитлера. Очень важные сведения я почерпнул в многочисленных личных беседах с Альбертом Шпеером, значительно углубивших мое понимание личности Гитлера. (Шпеер искренне раскаялся в своем нацистском прошлом, и я верю ему, когда он говорит, что стал совершенно другим человеком.) Кроме этого, я обращался также к книгам Шрамма (Schramm P.E. (1965). Hitler als militärischer Führer. 2nd ed. Frankfurt: Athenäum Verlag) и Краушника и др. (Krausnick H., Buchheim H., Broszat M., and Jacobsen H.A. (1968). Anatomy of the SS State. New York: Walker. London: Paladin). В них опубликовано много важных источников. Блестящим источником являются также «Беседы Гитлера» (Пикер, 1965). Я с осторожностью использовал также книгу Ханфштенгля (Hanfstaengl E. (1970). Zwischen Weissem und Braunem Haus. Munich: R. Piper), Иногда обращался к «Mein

Кампф» Гитлера (1943) как к историческому источнику. Полезным для моего исследования оказались и многие другие книги, на которые я буду дальше по необходимости ссылаться.

⁶²Рукописные заметки бывшего начальника канцелярии, а затем адъютанта Гитлера генерала (в отставке) Фрица Ведемана. Почти в тот же день, когда Гитлер произносил эти речи, Геринг поставил во главе Рейхсканцелярии, ведавшей вопросами еврейской эмиграции, Эйхмана, который к этому времени уже разработал метод высылки евреев. Как считают Краушник и его соавторы (1968), Гитлеру могло не нравиться такое решение, но он согласился, «поскольку в то время это был единственный практический выход».

⁶³Из личной беседы с А. Шпеером.

⁶⁴Весьма красноречивое проявление его «орально-садистского», эксплуататорского характера.

⁶⁵По свидетельству Шпеера, в Берлине застольные разговоры были столь же скучными и тривиальными. Гитлер «даже не пытался избегать частых повторов, которые ставили слушателей в неловкое положение» (А. Шпеер, 1970).

⁶⁶В 1941—1942 гг. в застольных беседах с генералами, происходивших в его штаб-квартире, Гитлер всеми силами старался произвести на своих гостей впечатление своей эрудицией. Беседы эти состояли из его длиннейших монологов, касавшихся буквально всего на свете. Это был тот же Гитлер, который в свое время разглагольствовал перед подонками в Маннергайме. Теперь его слушали руководители немецкой армии. К этому времени он стал более уверенным в себе, его кругозор в результате многолетнего чтения несомненно расширился. Но суждения не стали глубже. И, в принципе, изменения эти были вполне поверхностными.

⁶⁷Это утверждение Мазера подтвердил в личной беседе и Шпеер.

⁶⁸Здесь Мазер ссылается также на авторитет генерала В. Варлимонта.

⁶⁹Из личной беседы с А. Шпеером.

⁷⁰Из личной беседы с А. Шпеером.

⁷¹См. В. Мазер (1971), Ж. Броссе (1972), хотя и признает, что не располагает прямыми данными, тем не менее настаивает, что у Гитлера были устойчивые гомосексуальные наклонности, поскольку в его личности присутствуют параноидальные тенденции. Это утверждение основывается на фрейдовском допущении о тесной связи между паранойей и бессознательной предрасположенностью к гомосексуализму.

⁷²К сожалению, Ханфштенгль — ненадежный свидетель. В своей автобиографии он пытается представить себя человеком, который старался как мог оказать благотворное влияние на Гитлера, а затем, после разрыва с ним, стал «советником» президента Рузвельта. Все это, конечно, преувеличение. Тем не менее, приводимые им сведения об отношениях Гитлера с женщинами в основном, наверное, заслуживают доверия, ибо эта тема напрямую не связана с его попытками представить себя как важную политическую персону.

⁷³Braun E. (1935). Diaries. Alexandria: Archives.

⁷⁴Такое же двойственное значение имеет на иврите слово «норак». В иудейской традиции им обозначается атрибут Бога, выражающий архаическую установку сознания, в которой одновременно присутствуют ужас и восхищение, — страх Господень.

⁷⁵Из личной беседы с А. Шпеером.

⁷⁶Мы оставляем в стороне вопрос, были ли эти приступы результатом действия органических, нейрофизиологических факторов, или же эти факторы только снижали порог возбудимости.

⁷⁷Однажды он попытался дать своему нежеланию рациональное объяснение, сказав Шпееру, что большинство немецких ученых не захотят его видеть. К сожалению, это было не так, и Гитлер должен был знать это (Шпеер, 1970).

⁷⁸Мазер, стремясь доказать, что у Гитлера был талант, так объясняет его метод копирования: «Гитлер занимался копированием не потому, что ему не хватало таланта... но потому что он был слишком ленив, чтобы идти куда-то и рисовать» (В. Мазер, 1971). Это еще одна тенденциозная попытка Мазера приподнять Гитлера в глазах читателя, не говоря о том, что само утверждение ложно, по крайней мере, в одном отношении: единственное, что Гитлер действительно любил, это как раз «идти куда-нибудь», т. е. гулять по улицам. Другим примером тенденциозности Мазера в оценке художественных способностей Гитлера является его утверждение, что доктор Блох (врач-еврей, лечивший мать Гитлера), сохранивший акварели, подаренные ему Гитлером, «конечно, не стал бы хранить их до 1938 г., если Гитлеры лечились у него только до 1907 г.». Таким образом, Мазер как бы указывает на тот факт, что доктор хранил акварели, потому что они представляли художественную ценность. Но почему бы доктору не хранить их по той причине, что Гитлеры когда-то были его пациентами? Он был бы не первым врачом, сохранившим сувениры, свидетельствующие о благодарности пациентов. А после 1933 г. любой подарок Гитлера был уже бесценным имуществом, особенно в том положении, в каком находился Блох.

⁷⁹Я чрезвычайно благодарен господину Шпееру за возможность увидеть эти рисунки. Для меня они послужили ключом к характеру Гитлера, педантичному и безжизненному.

⁸⁰Как отмечает Шрамм, Гитлер в этих застольных беседах никогда не упоминал тех чудовищных приказов, которые он отдавал в тот период, пока эти беседы продолжались.

⁸¹Персонажи романа Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» (1886) (*прим. перев.*).

⁸²Здесь можно усмотреть некоторое сходство с месье Вердо, персонажем Чаплина, — добропорядочным представителем среднего класса, семьянином, который зарабатывает на жизнь, убивая богатых дам.

⁸³Шпеер, интуитивно ощущавший неумение Гитлера воспринимать и правильно оценивать реальность, пишет об этом так: «Сейчас в нем было что-то как будто нематериальное. Впрочем, это, наверное, было его постоянным качеством. Оглядываясь назад, я иногда спрашиваю себя, не была ли эта зыбкость всегда ему свойственна — с ранней юности и до момента самоубийства. Иногда мне даже кажется, что приступы насилия, которым он был подвержен, были тем более необузданными, что в нем не было никаких человеческих эмоций, способных им противостоять. Он не мог никому позволить приблизиться к себе, потому что внутри у него не было ничего живого. Там была одна пустота» (А. Шпеер, 1970).

⁸⁴Блестящее и чрезвычайно подробное описание действий английского правительства в ходе Гражданской войны в Испании дает сэр А. Кэдоган, бессменный заместитель министра иностранных дел Великобритании, консерватор, сам немало сделавший для формирования британского внешнеполитического курса в этот период. В частности, он пишет, что политика правительства во многом определялась симпатией консерваторов к Муссолини и Гитлеру, их неспособностью оценить намерения Гитлера и тем, что они были склонны позволить Германии напасть на Советский Союз. (Cadogan, Sir A., (1972)). The diaries of Sir Alexander Cadogan 1938—1945, ed. David Dilks. New York: Putnam. London: Cassell.)

⁸⁵А. Шпеер, в личной беседе.

⁸⁶Существует богатый клинический материал, демонстрирующий, что люди могут стремиться к саморазрушению несмотря на то, что их сознательные цели являются

прямо противоположными. Впрочем, такие примеры можно найти не только в психоанализе, но и в классике драматургии.

Примечания к послесловию

¹Fromm E. *Man for himself*. N.Y., 1947. P. 32.

²Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. N.Y., 1973. P. 304.

³Эти размышления Фромма подробно и с небольшими вариациями воспроизводятся во многих его работах «*Man for himself*» (1947), «*The sane society*» (1955), «*The revolution of hope*» (1968) и др. О «гуманистической религии» см.: *Психоанализ и религия*// Сумерки богов. М., 1989; *Иметь или быть?* М., 1986.

⁴Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. P. 305.

⁵*Ibid.* P. 339.

⁶У Фрейда имелись наброски теории «социального характера», он писал о «культурном Сверх-Я». Однако именно во фрейд-марксизме эта концепция получила полное развитие, оказав известное влияние на «культурную антропологию» (Клинтон, Мид, Бенедикт и др.). Фромм получил в университете социально-психологическую подготовку и одним из первых пытался проводить эмпирические исследования, в частности, он еще в 1932 г. провел исследование по авторитарному характеру.

⁷Fromm E. *The sane society*. N.Y., 1955. P. 76.

⁸Fromm E. *The present human situation//The dogma of Christ and other essays on religion, psychology and culture*. N.Y., 1955.

⁹Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. P. 353.

¹⁰*Ibid.* P. 356.

¹¹В этом Фромм согласен с Лоренцом, но он считает, что перенесение этологами на человека закономерностей поведения животных — доминирование в стае, территориальный инстинкт и т. п. — ничего не дает, кроме внешних аналогий. Более того, в животном мире, по крайней мере среди млекопитающих, агрессивность крайне редко ведет к взаимному истреблению. Будь человек наделен агрессивностью шимпанзе — он был бы вполне мирным существом.

¹²Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. P. 384.

¹³*Ibid.* P. 386.

¹⁴Стоит только отметить, что, в отличие от журналистов и привыкших к своим ярлыкам психиатров, Фромм никак не считает Сталина «параноиком», поскольку психотик никогда не смог бы добраться до вершин власти или ее удержать, решая при этом самые разнообразные политические, экономические и даже свои преступные задачи. Говоря о Гитлере, Фромм верно замечает, что даже то, что называют «манией преследования» у диктаторов, имеет под собой вполне реальную оценку ими своего положения: чем больше уничтоженных, сосланных, ограбленных, тем сильнее страх расплаты, мести. В приближенных диктатор видит, часто не без основания, потенциальных заговорщиков, желающих занять его место; он вызывает страх и оказывается в полном одиночестве; все становятся рабами, но все оказываются угрозой. Иными словами, параноидальными чертами обладает не сам тиран, а режим абсолютной власти. Конечно, среди диктаторов прошлого встречались люди с психическими отклонениями, например, Калигула. Но его действия немногим отличались от поступков Тиберия, Нерона, Домициана. Все эти «отцы народа» начинали не с убийств и проскрипций, но затем неизбежно становились на этот путь. В Риме I века это было связано с особенно-

стями режима принципата; в случае Сталина нам также нет нужды искать корни преступлений режима в «паранойе» правителя.

¹⁵В примечании Фромм пишет, что в дальнейшем он узнал, что Ленин употреблял термин «труположество» в широком психологическом смысле. Наверное, его удивило бы недавнее употребление слова «некрофилия» в нашей публицистике в связи с изданием произведений умерших писателей (мертвечиной несет, скорее, от трудов многих здравствующих авторов).

¹⁶Fromm E., The anatomy... P. 467.

¹⁷Фромм не уточняет, каких именно революционеров-бунтарей он имеет в виду. Известно, что слова *Die Lust der Zerstörung ist auch eine schaffend Lust* принадлежат Бакунину — «страсть к разрушению есть также творческая страсть». По поводу «бунта» писали самые различные авторы — Шелер и Камю, у нас — Булгаков и Франк (например, статья последнего в «Вехах», в которой имеются любопытные параллели с концепцией Фромма). По понятным причинам Фромм предпочитает говорить о механической мертвечине только «правого» радикализма и фашизма, тогда как относительно «левого» терроризма и нигилизма у него можно обнаружить лишь отдельные критические замечания.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Некрофилия	4
Традиционные представления	4
Некрофильский характер	9
Инцест и эдипов комплекс	36
Инстинкты жизни и смерти по Фрейду и их отношение к биофилии и некрофилии	43
Клинические и методологические принципы	44
Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии	47
Предварительные замечания	47
Родители и первые годы жизни	49
Методологическое отступление	73
Страсть к разрушению	74
Другие аспекты личности Гитлера	83
<i>Послесловие. А. М. Руткевич. «Анатомия деструктивности» Э. Фромма</i>	<i>112</i>
<i>Приложение. Из книги Эрнста Генри «Гитлер против СССР» (М., 1937)</i>	<i>127</i>
<i>Примечания</i>	<i>133</i>
<i>Примечания к послесловию</i>	<i>141</i>

Брокерская контора «Русь» от малого предприятия «НОЭР»
купит для Вас и продаст Ваши товары на Межрегиональной
народной товарно-фондовой бирже «Находка»

Телефоны в г. Москве: 931—37—97

111—25—21

176—01—13

Эрих Фромм

**АДОЛЬФ ГИТЛЕР:
КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ НЕКРОФИЛИИ**

Зав.редакцией Л.Б. Комиссарова. Редактор Л.Ф. Петецкая. Художественный редактор Е.Д. Косырева. Технические редакторы Л.А. Овчинникова, О.В. Дружкова. Корректор М.Н. Хянкинен. Оператор В.Б. Васина.

ИБ №9959

Изд. № РИФ-66. Сдано в набор 14.01.92. Подп в печать 24.03.92. Формат 60x88¹/₁₆. Бум. офс. №2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 8,82 усл.печ.л. 9,07 усл.кр.-отт. 9,39 уч.изд.л. Тираж 60 000 экз. Зак.№ 224

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на персональном компьютере издательства.

Отпечатано в Московской типографии №8 Министерства печати и массовой информации РСФСР, 101898, Москва. Хохловский пер., 7.

1050

ЭРИХ ФРОММ

Адольф ГИТЛЕР:

клинический
случай
некрофилии

„РАССМАТРИВАТЬ ТАКУЮ ФИГУРУ,
КАК ГИТЛЕР, ОБЪЕКТИВНО,
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ,
ЗАСТАВЛЯЕТ НАС НЕ ТОЛЬКО
НАУЧНАЯ ЧЕСТНОСТЬ,
НО И ЖЕЛАНИЕ УСВОИТЬ
ИСТОРИЧЕСКИЙ УРОК, КОТОРЫЙ
МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ПОЛЕЗНЫМ
И СЕГОДНЯ И ЗАВТРА“

Э. Фромм